

Désenchantée

[Dé]génération

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Désenchantée

Алекс Вурхисс

Désenchantée: [Dé]génération

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Вурхисс А.

Désenchantée: [Dé]génération / А. Вурхисс — «ЛитРес: Самиздат»,
2008 — (Désenchantée)

2031 год. Европа почти стала "Новыми Эмиратами", но загадочный Эрих Штальманн, объединив ультраправые силы, совершил в Германии переворот, названный *Reinigung* - очищение. В стране установлена диктатура. Несогласным внедряют имплантат контроля поведения, непримиримых ссылают в лагерь, названный *Désenchantée*. Захвачена Польша, под угрозой Франция и Бенилюкс. Но каковы на самом деле цели таинственного Штальманна? Он диктатор или человек с большим сердцем, вынужденный быть тираном, чтобы спасти Европу? Это может узнать лишь один человек - девушка по имени Шейла, которую Штальманну дарят на день рождения. Содержит нецензурную брань.

Содержание

ОТ АВТОРОВ	5
ЧАСТЬ I: C'EST DANS L'AIR	7
Взгляд палача	7
Братство волков	18
Сладкий вкус предательства	31
Дом у дороги	45
Маленький камушек, сброшенный с горы	58
Повязанные кровью	71
Конец ознакомительного фрагмента.	79

ОТ АВТОРОВ

История учит нас, но мы плохо усваиваем ее уроки.

История учит нас тому, что ни одна революция, даже вызванная, казалось бы, объективными причинами, не меняет жизнь к лучшему. Даже самая бескровная революция всегда приводит к упадку государства и обнищанию народа.

История учит нас тому, что закономерный итог любой революции – тоталитарная диктатура и репрессии. При этом крушатся ли омаются человеческие жизни.

История учит нас тому, что любая идеология, построенная на принципах ненависти и сегрегации – по расовому, национальному, религиозному, классовому или любому другому принципу – несомненное зло, и это зло неминуемо достигнет заслуженное возмездие.

Но, будучи объективными, мы видим, что современный нам мир Западной цивилизации без всяких революций создал самую жестокую диктатуру, основанную на самой бесчеловечной идеологии – идеологии толерантности, где интересы большинства принесены в жертву в угоду интересам меньшинств.

И, конечно, большинство не станет с этим мириться. Поэтому будущее Европы уже определено – рано или поздно, к власти в ней придут радикальные, ультраправые силы.

Неужели нас ждет реинкарнация третьего рейха? Неужели свастика или полумесяц – единственная альтернатива для Европы?

Мы верим в то, что это не так. Чудовище неофашизма можно остановить. Этому учит нас наша собственная история, когда из кровавого кошмара красного террора возник Советский Союз, миролюбивое и прогрессивное государство.

Важно лишь не забывать то, что идея геноцида, стремление за счет других рас и народов решить собственные проблемы – абсолютно неверная идея.

Эта книга о том, каким будет будущее Европы. Сейчас это будущее видится только в мрачных красках, но мы все-таки надеемся, что европейская культура, давшая миру великих гуманистов, сумеет победить деструктивное начало в самой себе, исправить ошибки прошлого и найти для себя свой, уникальный путь.

Путь, при котором народы Европы не будут ни притеснителями, ни притесняемыми.

Мы не хотим, чтобы в мире вновь появились Дахау, Хатынь и Бабий Яр, и надеемся, что в Европе никогда не возродится зло, уничтоженное в тысяча девятьсот сорок пятом году нашими дедами. Но сложно не испытывать тревогу за будущее, когда не остыл еще пепел Дома Профсоюзов в Одессе, когда по улицам украинских городов маршируют факельные шествия недобитых бандеровцев, а мирные населенные пункты Донбасса обстреливает полевая артиллерия страны, вступившей в Евросоюз.

Мы хотим показать, что заигрывание со злом приводит только ко злу, что тот, кто сеет ветер, неумолимо пожнет бурю. Что то, что сегодня, с молчаливого одобрения европейских элит, происходит на Украине, завтра может постучать в их собственную дверь.

И исправить это будет очень сложно, если вообще возможно.

Для того, чтобы такого не случилось, мы и начали этот роман.

Алекс Вурхисс, Москва, 2018

На шее его обитает сила, и перед ним бежит ужас.

Книга Иова 41:4

Здесь женщины ищут – но находят лишь старость,

Здесь мерилом работы считают усталость,

Здесь нет негодяев в кабинетах из кожи,

И первые на последних похожи

И не меньше последних устали, быть может...

Илья Кормильцев, «Скованные одной цепью»

ЧАСТЬ I: C'EST DANS L'AIR

Взгляд палача

У каждого в этом мире есть свое предназначение.

Вольф Шмидт не мыслил своей жизни без охраны правопорядка. Когда-то он служил в полиции, дослужившись до должности заместителя полицей-президента Берлина. Полицей-президентом ему стать не светило – эту должность всегда занимало гражданское лицо, далекое от полицейской службы. Многие сослуживцы Вольфа (особенно пропустив пару кружек чего-то крепкого) выражали свое возмущение подобным порядком, без обиняков заявляя, что Вольф куда лучше справился бы с обязанностями полицей-президента. Вольф только улыбался и говорил: «может быть, может быть», а особо настырным пояснял, что охрана порядка подразумевает принятие этого порядка. Невозможно охранять то, во что не веришь.

Так продолжалось довольно долго, вплоть до девятнадцатого августа две тысячи двадцать восьмого. Август выдался жарким, даже жарче обычного. Многие полицейские переоделись в «тропик» – новую летнюю форму, с шортами и тенниской, но не Вольф. Он был в старой летней форме, но при этом умудрялся выглядеть так, будто обзавелся карманным кондиционером. Вообще, аккуратность всегда отличала Вольфа от большинства его коллег, среди которых немало было сторонников бодипозитива, даже в более комфортных условиях умудрявшихся вонять кислым потом и щеголять немывтыми неделю космами.

Клара Манн, полицей-президент Берлина, к бодипозитивщицам не принадлежала и за собой следила не в пример многим. Вольф даже уважал ее, в некотором смысле – красивая дама средних лет, довольно толковая и искренне пытающаяся разобраться в том, что делает. К тому же гетеросексуалка, замужняя, даже лютеранка. Ее муж владел крупным производством автозапчастей и сетью автомагазинов. Тоже правильный мужик, настолько правильный, что однажды его жене пришлось даже упечь его за решетку за нетолерантные высказывания в пивной, где тот был завсегдатаем, умудряясь при этом не скатиться в бытовой алкоголизм, как многие его соотечественники.

Откровенно говоря, Вольфу было жаль их. Они могли бы стать хорошими орднунг-менш¹, но судьба распорядилась иначе. В жаркий августовский полдень Вольф получил СМС, которое ждал давно. В СМС было лишь три слова: «lang lebe die Reinigung²».

Получив СМС, Вольф достал из кармана сложенный вчетверо платок, и промокнул им высокий лоб от воображаемого пота. Положил платок обратно в карман, встал и отправился к полицей-президенту. По дороге он поручил своему секретарю приготовить к его возвращению кофе, оставить его в кабинете и быть свободным. Секретарь, девочка по имени Сильвия, удивилась – обычно Вольф засиживался на работе допоздна, и пропорционально задерживал ее, хоть и отпускал раньше, чем уходил сам.

К полицей-президенту Вольфа пускали без доклада, по распоряжению самой Клары. Вольф, тем не менее, постучал, прежде чем войти. Клара набирала какой-то очередной отчет. Визиту подчиненного она удивилась:

– Что-то срочное, Вольф? Присаживайся.

– Я постою, – ответил Вольф. – Срочное? Да, очень срочное. Знаешь, Клара, хотел сказать тебе, что с тобой приятно работать.

– Спасибо, польщена, – ответила полицей-президент.

---

¹ **Орднунг-менш** – свободный гражданин Нойерайха, имеющий личное имя и общественный статус;

² **Lang lebe die Reinigung** (нем.) – «да здравствует очищение», официальный лозунг (**партайпароле**) Нойерайха;

– Мы с тобой одинаково понимаем смысл нашей работы, – продолжил Вольф. – Но я хочу спросить тебя: тебе никогда не казалось, что все наши усилия уходят впустую?

– Что ты имеешь в виду? – спросила Клара, отрываясь от своего отчета. То, что молчун Вольф разоткровенничался, было очень непривычно, даже немного пугающе.

– Чем дальше, тем хуже, – сказал Вольф. – Национальные банды чувствуют себя совершенно безнаказанно. Что толку, что мы признали мигрантов полноценными гражданами? Они все равно ухитряются избегать наказаний, чуть что, уповая на расизм и ксенофобию. И в итоге мы сажаем только тех, кто им сопротивляется. Немцев. Я говорю страшные вещи, правда?

– Ничего, дальше меня это не пойдет, – заверила его полицей-президент. – Вольф, кажется, у тебя проблемы...

– Проблемы у нашей страны, Клара, – ответил Вольф. – Разве нет?

– Да, – признала Клара. – Но я сейчас не об этом. У каждого из нас наступает такой день. Может, тебе обратиться к психологу?

– Зачем? – спросил Вольф, глядя начальнице прямо в глаза.

– Ты выгораешь, – ответила Клара. – Ты больше не находишь в себе сил бороться. Ты надломлен, Вольф, и тебе, по-моему, нужна помощь.

– Ошибаешься, – улыбнулся Вольф. Улыбка его, как всегда, была теплой, искренней... даже ласковой. – Я не сломался. И не выгорел. У меня есть силы и желание бороться, и я буду бороться. Разве я давал повод сомневаться в этом?

– Но твои слова... – Начала Клара, но Вольф ее перебил:

– Я не говорил, что не надо бороться. Наоборот, я считаю, что нужно искать выход из сложившегося положения. Как ты считаешь, какой может быть выход?

– Продолжать делать свое дело, – пожала плечами Клара. – Честно исполнять свой долг...

– Перед новыми гражданами, да? – Вольф подошел ближе, встав слева от стола Клары. – Защищать права и свободы приезжих, сажая в тюрьму соотечественников, у которых хватило наглости сопротивляться, да?

– Но ведь это – тот порядок, которому мы присягали! – наконец-то Клара повысила голос, у нее появились взволнованные нотки. – И ты, и я...

– Я присягал своему народу, – сказал Вольф. – Новые граждане не мой народ, Клара. Надо что-то менять, а ты не видишь возможности что-то изменить. Знаешь, Клара, пока мы стоим, наша планета мчится в бескрайнем космосе со скоростью сколько то там тысяч километров в час. Даже стоя мы проделываем огромный путь, даже не двигаясь с места, можем залететь куда-то не туда. Потому надо двигаться, стараясь не отдаляться...

– От чего? – спросила Клара.

– От истины, – ответил Вольф. – Прости за высокопарные слова. У тебя ведь нет детей?

– Нет, конечно, – сказала Клара, совсем сбитая с толку. – А при чем здесь дети?...

– А тебе почти сорок, – Вольф расстегнул китель и запустил руку под мышку. – Тебе некогда было, ты делала карьеру, думая: когда-то потом. Твой Франтишек сначала намекал, потом говорил открытым текстом, но после нескольких скандалов смирился, да?

Клара кивнула, чуть согнувшись к столешнице.

– Не суетись, – посоветовал Вольф. – Вся система сигнализации отключена в этом здании. Прости, Клара, но это необходимо. Я давал тебе шанс...

– Какой шанс?! – наконец-то в голосе полицей-президента явственно прорезалась паника.

– Шанс быть с нами, – ответил Вольф. – Не под давлением, добровольно. Но стереотипы оказались сильнее. Такие, как ты, нам не нужны.

– Кому это «нам»?! – Клара почти сорвалась на крик, но еще не кричала.

– Немецкому народу, – ответил Вольф, достав, наконец, то, что было у него под мышкой – «Вальтер-РРК», маленький, но мощный. – Да, я знаю, ты тоже немка. И Франтишек немец...

пусть и с венгерской кровью. Мы не нацисты, Клара, нам это не важно. Сегодня ночью умрет много чистокровных немцев, но еще больше тех, кто немцами не является.

Видя, как меняется выражение лица Клары, Вольф добавил:

– Я не могу тебе доверять, Клара. Прости, но я не могу рисковать. Сегодняшняя ночь – последний шанс для Германии, а может – и для всей Европы. Чем мы хуже России, Америки, Китая? Почему нас лишают права быть собой? Если для этого нужен будет фюрер, если нужен будет Нойерайх – пусть так...

– И кто же будет новым фюрером? – кажется, Клара смирилась, она даже как-то обмякла в своем удобном кресле-капсуле. «Зря она не держит в кабинете оружия», – подумал Вольф. – Ты, Вольф?

– Ну что ты, – ответил он. – Какой из меня фюрер? Я лишь исполнитель. Очень хороший исполнитель. Но знаешь, Клара, у исполнителей тоже есть вопросы, и если им отказывают в праве получить ответ, они ищут того, кто в состоянии ответить. Больно не будет, если не дернешься – я стреляю хорошо.

– Я знаю, – кивнула Клара. – А Франтишек?

Вольф бросил быстрый взгляд на часы:

– Скорее всего, уже мертв. Не бойся, я распорядился убрать его аккуратно. Не всем так повезет. Если ты веришь, можешь рассчитывать на скорую встречу... там.

– А ты веришь? – спросила Клара, зажмуриваясь.

– Смотря во что, Клара, – ответил Вольф. – Знаешь, я почти потерял веру, и действительно был близок к выгоранию, а вы этого даже не заметили. Теперь я вновь верю, вновь живу... lang lebe die Reinigung!

Вольф не соврал – стрелял он действительно хорошо, впрочем, с полутора метров не попасть было трудно. Уходя, Вольф достал из кармана все тот же платок и стер со столешницы пару алых капель. Больше крови не было...

* * *

Кабинет у Вольфа остался тот же, несмотря на смену статуса. Ему так и не довелось стать полицей-президентом: перепрыгнув несколько ступеней, герр Шмидт возглавил Райхс-полицай – то есть, всю полицию Германии. Другой на его месте взвыл бы – по сравнению с прошлыми, его обязанности увеличились в разы. Старая полиция боролась с преступлениями выборочно, игнорируя те, с которыми бороться было неполиткорректно; Вольф решительно прекратил эту практику. Любое криминальное преступление должно закончиться судом и приговором, сказал он журналисту портала «Арбайтцайтунг», и этот слоган немедленно растиражировали, так, что и захочешь – не отвертеться. Но для Вольфа высказанное было кредо. Если бы он решил рассказать об этом, он мог бы признаться, что ему доставляло настоящее мучение политкорректно-беззубое правосудие старой Германии. Теперь у его правосудия выросли не только зубы, но и клыки – «друзья полиции», народные дружинники получили право на вынесение приговора на месте, и охотно пользовались этим правом. Иногда и чересчур охотно – кое-кого из тех, кто был замечен в сведении личных счетов под эгидой своего нового статуса, Вольф лично отправил на встречу с Апостолом Петром, или кто там заведует приемосортировкой свежих жмуриков. Кто-то пытался даже отбиваться, но Вольф стрелял действительно хорошо.

Такое правосудие было Вольфу по душе. Все либеральные мифы были отброшены, как никому не нужное тряпье. Преступление больше не скрывалось за демократической болтологией – теперь вещи назывались своими именами. Раньше можно было быть нелояльным к власти, народу и стране, более того, раньше это было модным, похвальным – а теперь за это не

просто могли посадить, но и обязаны были посадить. В другом из немногочисленных своих интервью, коротких, как приговор DF3³, он сказал:

– Преступление начинается в голове, – и это тоже стало лозунгом.

Слишком много было свободы в той, дряхлеющей и едва не погибшей Германии. Эта свобода метастазами рака разъедала волю немцев, свобода и навязанное чувство вины. Теперь все изменилось на сто восемьдесят градусов. Раньше позорно было считаться немцем, теперь позорно стало отрекаться от своей немецкой крови.

И преступление против идеологии нового строя стало более преследуемым, чем любое другое. Потому что все остальное – убийства, грабежи, насилие – это побеги, а корень – в неисправленном мышлении.

Палач? Вольф не чувствовал себя палачом, он был садовником, получившим заросший бурьяном участок некогда плодородной почвы. Его задачей было прополоть участок и удобрить его, и именно это он и делал, пусть даже удобрять приходилось трупами, а поливать кровью.

* * *

– Вам никогда не снятся кошмары?

Девушка, сидевшая перед ним на стуле, была напугана, хотя не подавала виду. Чтобы узнать это, Вольфу не надо было даже смотреть показания биосканера, встроенного в ее наручник – шоковый браслет, украшавший левую руку девушки как диковинная киберпанковская безделушка. Но эта «безделушка» содержала мощный компьютер, кучу датчиков, способных предугадать действие подопечного за миллисекунды до того, как он сам осознает свое намерение, а главное – довольно мощный электрошокер, который, однако, подстраивал уровень разряда под физические особенности организма. То есть, ни при каких обстоятельствах не мог убить, зато очень легко способен был парализовать....

...или просто вправить мозги на место. Вольф любил технику, особенно **такую**. Техника всегда лояльна, в отличие от людей. Вольфу нравились прямолинейные киберпомощники, полицейские дроны и хитрые наноботы, заменившие собой примитивные жучки прошлого. И имплантаты. Особенно имплантаты.

– Раньше снились, – признался Вольф. – До EA⁴ снились, но теперь нет.

Когда девушку ввели, Вольф поливал цветы на подоконнике. Коллекция из двух десятков кактусов и парочка верещащих амадинов были новыми элементами убранства кабинета Вольфа. Появление задержанной не заставило Райхсминистра прервать свое умиротворяющее занятие. Он поливал кактусы строго порциями, отмеряя их мерной мензуркой, чтобы не переувлажнить почву, но снабдить растения достаточным количеством влаги.

Закончив с кактусами, Вольф поставил за штору мензурку и кувшин с остатками воды и обернулся к девушке, расправляя закатанные рукава рубахи. Девушку можно было бы назвать красивой, хотя Вольф такой типаж не любил – полукровка, отец задержанной был турком (эту информацию Вольф получил еще до того, как девушку ввели в его кабинет). На запястии под браслетом виднелось заметный след от электрического ожога. Кочевряжилась, значит. Интересно, как долго?

Достаточно долго, очевидно – имплантат, который сейчас находился в криокапсуле в столе Вольфа, созревает минимум две недели. Вообще говоря, приговоры в Нойерайхе выносятся быстро, прямо на месте задержания, достаточно троих уполномоченных на это геноссе. Но, иногда, даже в DF3 возникают разногласия. Так было и в случае Коюн. Один камрад решил, что она может быть ресоциализирована. Двое других выступили за ликвидацию.

Но Орднунг не одобряет поспешности.

---

³ DF3 (*die fliegenden drei*) – летучая тройка, орган правосудия Нойерайхе;

⁴ EA (*Ereignisse von August*) – официальное название августовского переворота 2028 года; также являлся маркером летоисчисления Нойерайха (то есть, 2029 год от Р.Х. в Нойерайхе был 1 годом EA или просто 01EA);

– Видите ли, я всю свою жизнь работал в полиции, – пояснил Вольф, застегивая манжеты запонками, – и такого навиделся.... Вы видели когда-нибудь немецкую девочку одиннадцати лет, которую три дня подряд насиловали шестьдесят турок?

Будь на месте задержанной метис араба или африканца, Вольф вспомнил бы криминальную драму с участием арабов или черных. У него таких историй в запасе было вагон с прицепом. Мог бы рассказать о своей помощнице Грете, с которой его подопечной еще предстояло познакомиться. Пока Грета не занималась девушкой, она только вернулась с.... Скажем так, из дальней командировки. Но все еще впереди.

«Повезло малышке, что она пока с Гретой не знакома», – подумал Вольф. Его «правая рука» в свое время пострадала от соплеменников отца подследственной настолько, что мужчины перестали ее интересовать, как сексуальный объект вовсе. Вообще говоря, Орднунг отрицательно относится к гомосексуализму, но для Греты сделали исключение. Возможно, как раз из-за ее истории.

Вольф подумал, что эти подробности личной жизни нового полицей-президента Райхсштрафбатлайлунга⁵ девушке лучше услышать от Греты лично. Впрочем, ему и без того было что рассказать своей пленнице. Кстати, он соврал ей – кошмары Вольфу не снились лет с пятинадцати, наверно.

– Зато сейчас ваши чернорубашечники насилуют этнических турчанок! – воскликнула задержанная, тем не менее, избегая делать резкие движения – видимо, знакомство с браслетом пошло на пользу. «Умная девочка... пожалуй, Дезашанте», – мысленно улыбнулся Вольф.

– Я Вас не понимаю, – сказал Вольф. – Какие еще «чернорубашечники»?

– FSP⁶, – пояснила задержанная.

– Вы дальтоник? – сочувственно спросил Вольф. Девушка отрицательно покачала головой. – Странно, насколько я знаю, форменными у «друзей» являются рубахи расцветки «песчаная цифра». Надо у жены уточнить, вносила ли она какие-то изменения, хотя, наверно, она бы рассказала мне о столь радикальных переменах...

– Не паясничайте! – и все-таки, у нее потрясающий самоконтроль, подумал Вольф, любуясь своей подопечной. Глаза кипят гневом, но сама и не дернется, чтоб, не дай Бог, током не шибануло... – Вы прекрасно понимаете...

– Даже лучше, чем Вам кажется, – согласился Вольф. – Вы называете наших мальчиков «чернорубашечниками», лепите на них замшелые ярлыки прошлого, но что вы знаете и о них, и об этом прошлом? Лишь то, что вам втрамбовали в голову ваши либеральные учителя. Вы считаете нас нацистами? Но разве мы преследуем или подвергаем геноциду какую-то расу, национальность, религию или класс? У нас полная религиозная свобода, в Берлине, сердце Нойерайха, работают мечети и синагога. Число представителей ненемецких и неевропейских народов сократилось, но тех, кто нам не сопротивлялся, не притесняют. Разве нет? Так чем же мы похожи на Третий рейх? Символикой? Но у нас нет свастики. Или униформой? Но даже она не сильно отличается от униформы бундесвера или ННА. Чем?

– Не считайте нас невеждами, – ответила задержанная, попытавшись придать голосу холодность (получилось не очень, слишком уж девушка была разгневана и обескуражена), – мы хорошо усвоили уроки истории, в отличие от...

– Если бы вы хорошо усвоили уроки истории, – сказал Вольф, надевая пиджак (он одевался партикулярно не из нелюбви к форме, а потому, что статус Райхсминистра давал ему право носить гражданскую одежду, а Вольф считал, что использовать свое право – тоже обязанность), – то не наступили на те же грабли во второй раз. Однажды Германию уже пытались

---

⁵ Райхсштрафбатлайлунг – отдел по исполнению наказаний. Часть Райхсминистерства Безопасности, в ведении которой находилось исполнение утвержденных приговоров;

⁶ FSP (Freunde der Stadtpolizei) – «друзья полиции», добровольные народные дружины;

поставить в позу – потом плакало полмира. История всегда дает одни и те же ответы на одни и те же вызовы. Вы думали, что умнее исторического процесса, но это не так.

Он сел в удобное кресло и скрестил руки на столешнице перед собой:

– Вам с детства вдалбливали, что Вы уникальны, и Вы поверили. Но ваша уникальность – это уникальность винтика в механизме. Вы были частью механизма управляемого хаоса, Коюн. Вы никогда не замечали, что Ваша «уникальность», Ваш «неповторимый внутренний мир» – калька с внутреннего мира тех, с кем Вы шли в одном строю, отвергая в своей идеологии саму идею того, чтобы идти в одном строю с кем-то.

Вы повторяли заученные лозунги, искренне веря, что это и есть Ваши убеждения. Предварю Ваш вопрос – мы ничем не отличаемся от Вас, кроме одного – мы не лжем себе. У нас есть Орднунг. Он один для всех. Мы это знаем и не пытаемся это отрицать. Вы же, имея свой не декларируемый, но жестко регламентируемый либеральный Орднунг, усиленно старались всем показать свою «независимость». Я мог бы искренне посмеяться над вами, не будь ваше поведение преступлением.

– И в чем же здесь преступление? – спросила Коюн, продолжая имитировать ледяной тон.

– Глупость – всегда преступление, – сказал Вольф. – Раньше преступление называли грехом, и были правы: любой преступник вредит, прежде всего, сам себе, а уж потом окружающим. Вы обманывали себя, и обманом вовлекли себя в антинародное движение...

– Какое Вы имеете право говорить от лица народа? – скривилась Коюн.

– Я являюсь частью этого народа, – парировал Вольф. – И его судьба мне не безразлична. Вы думаете, я бы не хотел, чтобы все были свободны? Хотел бы. Но пастух не может дать свободу овцам, чтобы их не растащили волки. А овцы – существа глупые, и без пастуха разбредаются, на радость волкам.

– Люди – не овцы! – с вновь появившимся жаром воскликнула Коюн.

– О да, с людьми сложнее, – ответил Вольф. – У них есть разум, которым они не умеют пользоваться, зато научились им гордиться. Коюн, у Вас турецкое имя. Кем Вы себя считаете – немкой или турчанкой?

– Человеком, – ответила девушка.

– Я не знаю такой национальности, – ответил Вольф. – Не забывайте, мы с Вами не в пивной, а в Райхсполицай Бехёде, и Вы обвиняетесь в серьезном преступлении.

– В каком? – спросила девушка. Вольф улыбнулся:

– Хороший вопрос. Вы знаете в чем Вас обвиняют, и готовы защищаться, но я забуду сейчас то, что написано в Вашем деле. Вы виновны в чем-то более тяжком, чем детские игры в заговорщиков – в нелояльности.

– Но я лояльна, – ответила Коюн. – Я принимаю ваш чертов Нойе Орднунг...

– Упс, – сказал Вольф. – Видите? Ваша нелояльность сквозит в каждом Вашем слове. Нам не нужны те, кто принимают Орднунг **на словах**. **Внутри** Вы все равно нелояльны.

– Вы не можете залезть внутрь меня, – Коюн даже как-то сжалась, хотя тон Вольфа ни на йоту не изменился. – Душа – это та территория, на которую ваша власть не распространяется!

– В Вашем случае, к сожалению, пока да, – сказал Вольф, – но мы исправим это. Вас, наверно, удивляет, почему Вами занимается лично Райхсминистр? Почему не достаточно приговора DF3?

– Удивляет, – машинально кивнула Коюн.

– Это возвращает нас к прежнему Вашему вопросу, – сказал Вольф, вставая из кресла. – Почему я могу говорить от имени народа, а Вы нет. Скажите честно, если бы у Вас была возможность вернуться в ЕА и пристрелить меня, или, упаси, Боже, Райхсфюрера, Вы бы это сделали?

– Можно я переложу руку? – спросила Коюн. Вольф кивнул. Девушка осторожно положила руку на колено.

– Между прочим, все равно не советую напрягаться, – сказал Вольф, встав у угла стола. – Браслет реагирует на мышечный тонус всего организма.

– Я знаю, – ответила Коюн. – Так вот, вы спросили, и я скажу честно. Пусть меня после этого расстреляют, мне все равно. Да, я убила бы – и Вас, и его. Если бы это могло остановить вас...

Вольф широко улыбнулся:

– Я же говорил, что Вы учили историю плохо. Нет, девочка, это **нас** бы не остановило. Вы могли убить меня, Эриха, кого угодно, но остановить ЕА вы были не в силах, как не в силах остановить ураган или лавину.

Он присел на корточки и открыл небольшую дверцу на ножке стола:

– Вы даже не понимаете, что сейчас купили себе жизнь. И, возможно, даже долгую и счастливую. Вы заново родились, Коюн. Как у всякого новорожденного, у Вас пока нет ни имени, ни истории. Коюн умерла минуту назад. Теперь у Вас есть нечто большее – номер, относящийся к категории «бэ». Вы знаете, что это значит?

От природы смуглая Коюн, слушая Вольфа, бледнела буквально на глазах:

– Дезашанте?

– Ну, отважный борец за неотъемлемые права винтика на неповторимую индивидуальность, что это Вы, струхнули, что ли? – голос Вольфа стал мягким, баюкающим. – Расслабьтесь, Дезашанте – это Ваш шанс, который Вы получили за честность, и, какую-никакую, но смелость. Смелость, кстати, Вам сейчас понадобится.

– З-зачем? – спросила Коюн, испуганно глядя на то, что Вольф извлекал из отсека в столе. Проследив направление ее взгляда, Вольф разулыбался:

– Вижу, эти предметы Вам знакомы. Знаете, мы могли бы запустить Вам наноботов прямо в кровь, в лимфу, в спинной мозг, не только для того, чтобы взять у вас образцы стволовых клеток для клонирования. С помощью наноботов человека можно подчинить, сделать послушным орудием, но....

...это не наш метод. Нам не нужны роботы из плоти и крови. Нам нужны граждане. И мы умеем прощать ошибки, но только после того, как человек изменится и осознает свою неправоту. Знаете, что такое Дезашанте?

– Концлагерь, – кивнула Коюн.

– Если исходить из определения, то да, – сказал Вольф. – Если же проводить исторические параллели, вовсе нет. Все концлагеря – американские, английские, фашистские, большевицкие – были лагерями смерти. Как Аушвиц – «выключатель». А Дезашанте – лагерь возрождения.

Вольф взял в руку инъектор и быстро кольнул Коюн в шею. Та вздрогнула, браслет ожил, но Вольф успел заблокировать разряд, сунув палец между разрядником и тонкой девичьей кистью. Палец обожгло током, но Вольф даже не поморщился.

– Это парализует Вас, – сказал он, – но чувствовать Вы будете все, иначе нет смысла.

Он расстегнул и снял браслет с кисти Коюн. Браслет и пустой инъектор Вольф положил на стол. Затем взял со стола нечто вроде небольшой электродрели:

– Рождение человека всегда сопровождается болью и кровью, Коюн. Вы бездарно потратили свою первую жизнь, но мы готовы дать Вам еще один шанс. Поскольку Вы часть народа, народа, от имени которого я выступаю. Потому, что имею на это полное право.

Двумя пальцами он открыл рот девушки и посветил встроенным в «дрель» фонариком. Довольно цокнул языком и запустил «дрель». Не обращая никакого внимания на ужас в глазах девушки, он поднес сверло к алой десне позади идеально-белых коренных зубов:

– Вы хорошо ухаживаете за ротовой полостью, Коюн. Это похвально. Между прочим, у Вас вот-вот должен прорезаться зуб мудрости. Мы ему немного поможем, идет?

* * *

Когда бледную Коюн на ватных ногах увели в ведомство Греты, полицей-президента Райхсштрафайтлунга, заместительницы Вольфа по вопросам работы пенитенциарных учреждений и распределения отбывающих наказаний, Вольф заметил, что вредные амадины, оравшие все время, пока работала его портативная бормашина, самым свинским образом нагадили в собственную поилку. Он вынул пластиковую емкость из клетки и прошел до туалета, чтобы помыть ее и наполнить водой. Магда, его жена, наказывала наливать птицам воду только из кулера, «потому, что по трубам одно говно сливают», но это ее ценное указание Вольф, понятное дело, игнорировал. Амадинов Вольф не любил, даром, что их подарила Магда, чьи прочие подарки Райхсминистр ценил и бережно хранил. «Ничего, не сдохнут, а если и сдохнут, невелика потеря», – думал он, возвращаясь в кабинет.

Он поставил плошечку на стол, чтобы вызвать по селектору Брунни, своего неизменного секретаря, и попросить приготовить чашечку кофе, но тут поступил вызов по видеотелефону. Вольф велел асе⁷телефона включить связь, и над столешницей появилась фигурка его жены Магды. На ней было легкое ситцевое платьице, с ее же легкой руки вошедшее в моду по всему Нойерайху.

– С чего это ты принарядилась? – удивился Вольф. Магда не видела ничего предосудительного в нагоде и не стеснялась звонить ему в неглиже, не обращая внимания на то, что у него могут быть посетители.

Впрочем, для бывшей «актрисы в жанре бурлеск», а ныне женского воплощения Орднунга в буквальном смысле (Орднунг в виде прекрасной обнаженной женщины, демонстрирующийся в тысячах уличных голограмм и сетевых роликов был 3Д-моделью Магды, и моделью во всех смыслах очень точной) такие условности были не важны. Да и для Вольфа тоже: он знал, что Магда ему верна, и этого ему было довольно.

Он вообще ей много позволял, но лишь потому, что у Магды, кажется, чутье на красные линии было прошито в подсознании наряду с безусловными инстинктами. Потому даже когда она на него сердилась, Вольфа это только веселило. Сердилась она на него часто, и со стороны могла показаться даже сварливой... но лишь со стороны.

– Травишь моих амадинов канализационными помоями? – вопрос Вольфа Магда проигнорировала, а плошку на столе ухитрилась заметить. – Или с блядами развлекаешься?

– Развлекаюсь, – признался Вольф. – Только что одну в Дезашанте отправил.

– Красивая? – заинтересовалась Магда. Как это часто случается у представителей таких вульгарных жанров, как бурлеск, у нее было очень хорошо развито чувство прекрасного вообще и чутье на женскую красоту в частности.

– Тебе бы понравилась, – пожал плечами Вольф, беря со стола плошку. – Можешь сама глянуть, дело девять, литера г, номер пятьдесят две тысячи сто четыре.

– То-то прошмандовка Гретхен порадует, – сказала Магда, задумчиво глядя, как Вольф ставит плошку в клетку с верещащими амадинами. – Она ни одну симпатичную девочку не пропускает... я к тебе, между прочим, по важному делу звоню.

– Я весь во внимании, – кивнул Вольф, закрывая клетку. Амадины слетелись к плошке, самец уселся на жердочку над ней, а самочка принялась пить.

– Блин, смотри, куда ты плошку ставишь! – взорвалась Магда. – Ты поставил специально под жердочку, чтобы Франк-Вальтеру срать туда удобней было?

Франк-Вальтером звали самца-амадина, в честь покойного президента Германии. Самочку звали Ангелой.

– Буду я еще им плошечку выставлять, – буркнул Вольф.

– Ну да, не тебе же из нее пить! – ядовито заметила Магда. – Давай я тебе в тарелку...

---

⁷ Ася – общепринятое название электронных экспертных систем-консультантов; могут иметь голографическое представление или транслировать информацию непосредственно в мозг (например, «Аси» самолетов с небольшим объемом кабины).

– Так какое, ты говоришь, у тебя дело? – спросил Вольф.

– Подвинь мисочку, тогда скажу, – надула губы Магда. Вольф вздохнул и вернулся к клетке.

– Я не знаю, что мне надеть на вечер, – сообщила Магда, когда плошечка была выставлена так, как надо. – Драная сука три, литера ф, номер две тысячи пятьсот пятьдесят пять куда-то засунула мое платье, которое я думала надеть. Я ее спрашивала, но гадина врет, что не знает...

– Ты могла его сама куда-то положить, – предположил Вольф. Магда сжала губы:

– Ну да, я, по-твоему, склеротичка?! Говорю тебе, эти унтергебен-менши⁸ только и делают, что гадят! По мелочи, конечно, но платья-то нет!

– Во второй гардеробной, – ответил Вольф, успевший подключиться к «умному дому» и пробежаться по комнатам в поисках искомого платья. – Справа, там, где лисья шуба.

– Так это ты его туда засунул?! – возмутилась Магда.

– Нет, это ты его сняла там, сразу вместе с пальто, – напомнил ей Вольф. – Кстати, там же туфли, а белье – над ними на антресоли....

– На кой мне оно? – спросила Магда. – Уж не думаешь ли ты, что я надена уже ношенное?!

– Скажешь три эф две пятьсот пятьдесят пять, чтобы постирала, – закончил свою мысль Вольф. – После того, как приготовит тебе платье.

– Не учи ученую! – отрезала Магда. – Кстати, о пальто... мне к нему еще не доставили горжетку, а ведь сегодня...

– Я помню, что у нас сегодня, – сказал Вольф. Сегодня был день рождения фюрера. «Все пойдут почитать труп», – подумал он.

Фактически, во главе Нойерайха стоял Райхсфюрер Эрих Штальманн, но официально главой государства и Партай был фюрер. В две тысячи двадцать втором году, когда первого идеолога Орднунга герра Брейвика переводили из шведской тюрьмы в немецкую, один из его последователей, Дитер Лянце, с группой товарищей предпринял неудачную попытку его освободить. В результате погиб и сам Брейвик, и те, кто его освобождали – все, кроме Лянце. Того, правда, опознали только по зубной карте – семидесятипроцентный ожог и многочисленные травмы головы полностью обезличили несостоявшегося «освободителя». Будущего фюрера госпитализировали, и после этого он больше не выходил из медикаментозной комы, но дело было сделано – его трудами и трудами Брейвика заинтересовался тот, кому суждено было реализовать великий *Reinigung* – сам Штальманн.

Фюрер не принимал участия в АЕ, он даже не знал об этом. Не знал, что был избран фюрером Нойерайха, что «ведет за собой народ Германии к восстановлению былого величия». Он лежал в коме – и символизировал.

А сегодня был его день рождения, тринадцатое марта 002АЕ.

– Помнишь, и что? – продолжала Магда. – Может, ты поднял жопу, и хоть что-то сделал?

– Будет у тебя горжетка, – пообещал Вольф, думая вовсе не об этом, а о том, что сегодняшней прием будет напряженным. Кому не знать, как ему? Кроме всего прочего, у Вольфа была обширная сеть из информаторов, добровольных и не очень.

– Будет, будет, когда Пасху на новый год отпразднуют, – продолжала Магда, прищурившись. Вольф на выражение ее лица не обратил внимания, занимаясь выяснением того, почему служба снабжения до сих пор не доставила злосчастную горжетку. И зря не обратил:

– Ну-ка, покажи мне свою руку, – сказала Магда. Вольф машинально вытянул руку под обзор потолочной камеры. Глаза Магда потемнели:

– Это что у тебя на манжете?!

---

⁸ **Унтергебен-менш** – несвободный гражданин Нойерайха, имеющий номер вместо имени и ограничение в правах. В обиходе назывались также **пронумерованными, безымянными**;

– Где? – Вольф недоуменно глянул на свой манжет... тьфу, пакость! На снежно-белой ткани были пятна крови, очевидно, брызнувшие из десны или зуба Коюн. А Магда продолжила:

– Я тебе сколько раз говорила, чтобы ты не пачкал одежду, когда пытаешь своих блядей?! Ты понимаешь, что кровь не отстирывается?! Я имею в виду, нормально, отстирать, конечно, можно, но рубаха после такой стирки будет, как из жо...

– Слушай, да у меня этих рубах прорва, – спокойно ответил Вольф. – Заеду за тобой – переоденусь, пока ты будешь готовиться к выходу.

– Я буду ждать тебя уже одетой! – не унималась Магда. – И не собираюсь ждать и потеть, пока ты будешь копать со своей рубахой, понял?

– Просто скажи три эф две пятьсот пятьдесят пять, чтобы подготовила мне рубаху, – челюсти у Вольфа сжались, что означало приближение его красной линии. Которую Магда опять не пересекла:

– Учти, что времени у нас будет мало. Эти ур-роды назначили свой сраный прием слишком рано. Как будто не понимают, что людям надо подготовиться, переодеться...

– Большинство мужчин будут в форме, потому переоденутся прямо на работе, – напомнил Вольф. – А большинство дам не работают. И потом, я сам в числе «этих уродов», и уж мы с тобой точно не опоздаем.

– Я, между прочим, за твою безупречную репутацию беспокоюсь, – тоном обиженного ребенка сказала Магда.

– Знаю, – ответил Вольф. – И очень ценю. Ich liebe dich, mein Kleiner. У тебя еще что-то?

– Я тебя тоже люблю, – тихо сказала Магда. – Потому и злюсь. А ты не ценишь, только говоришь.

– Ценю, – повторил Вольф, улыбаясь. – Очень ценю. Иначе тебя бы со мной не было.

«Иначе ты была бы в Дезашанте», – подумал Вольф, и едва заметно вздрогнул. Он не хотел себе даже представить такое. Но у Магды, у два литеры бэ три нуля сорок три такая перспектива была... когда-то.

В принципе, перспектива «заново родиться», получив вместо имени личный номер, была у каждого. Никто, даже сам Райхсфюрер, от этого был не застрахован. Теоретически. Практически, для Райхсфюрера подобное было возможно лишь в виде абстрактного допущения. К сожалению, не для него одного.

Чтобы произошло ЕА, потребовались усилия очень многих, очень разных людей. И это тревожило Вольфа: вопреки обвинениям Коюн, историю он знал очень хорошо. Любой переворот заканчивается крысиными боями его организаторов. Революция (слово, находившееся в Нойерайхе под запретом, волей всемогущего Райхсфюрера) всегда пожирает своих детей.

Он хорошо знал это, и его шеф, его друг и бывший его заключенный Эрих Штальманн тоже хорошо это знал. Второй год Эрих тайно от других партай геноссе «накачивал мускулы» Райхсполицай. Лучшие бойцы FSP переводились в «силы усиления» – то есть, в штат Райхсполицай, а на их место становились новые бойцы, деятельной борьбой с либерал-ретроградами доказавшие верность идеалам Орднунга.

Reinigung должен был повториться, ради полного очищения, на сей раз, уже Партай. Но не сейчас. Пока враг слишком силен. У Партай есть свои собственные силы безопасности, Партайгешютце. Вооружены и организованы они немногим хуже Райхсполицай. И есть еще армия. Райхсмаршал Швертмейстер – друг Эриха, но он слишком прямолинейно понимает Орднунг, и может даже выступить против любого возмутителя спокойствия, включая самого Райхсфюрера...

Или не удержать армию от распада на противоборствующие лагеря. Меньше всего Вольфу, равно как и его шефу, хотелось, чтобы между лояльными Эриху Райхсполицай и Партайгешютце, которые подчинялись непосредственно фроляйн Партайсекретарин, и потому Райхсфюреру были неподвластны, началась полноценная война с применением тяжелого

вооружения – плазмагаубиц, танков, орбитальных штурмовиков, тактического ядерного оружия...

Этого следовало избежать, но и дело очищения рядов не медлило. В конце концов, девиз Партай был все тот же, lang lebe die Reinigung – да здравствует очищение.

Им удалось очистить Германию. Теперь нужно было очистить Партию. А если удастся, то можно будет очистить и всю остальную Европу. Или даже мир.

«Ты бы рубашку свою очистил», – ехидно заметил внутренний голос Вольфа, подозрительно похожий на голос уже отключившейся Магды. Вольф покосился на заляпанный кровью манжет, вздохнул и вызвал генерального квартирмейстера. Тот перепуганным голосом доложил, что горжетка фрау Магде Шмидт доставлена. Вольф одобрил эту новость, и попросил привезти ему пару белых рубах. Обязательно новых и безупречно чистых.

В смысле чистоты их с Магдой вкусы совпадали до тождества – кровь на манжетах раздражала Вольфа не меньше, чем его жену.

Братство волков

В две тысячи втором году фирма «Дорнье» вошла в состав европейского аэрокосмического концерна, и с тех пор не выпускала новых самолетов. Инженеры и конструкторы откочевали, в основном, в американские и английские фирмы, вроде «Цесны» и «Фэйрчайлда». Нельзя сказать, чтобы подобное перемещение их радовало – возможно, их доходы на некоторое время выросли, но перспективы карьерного роста, конечно, ухудшились: будь ты хоть семи пядей во лбу, в вопросе повышения начальство скорее предпочтет тебе соотечественника, своего.

После ЕА в Германию вернулись многие, не только авиаторы, и новая власть по достоинству это оценила. Например, Решад Буркхан (немец по матери, турок по отцу), занимавший в старом «Дорнье» должность совсем незаметную, но сумевший в «Боинге» подняться до заместителя подразделения беспилотных летательных аппаратов самолетного типа, сразу же получил от Райхсфюрера под свое управление целое КБ. В нагрузку к нему шло задание – за три месяца разработать аэродинамический челнок для коротких, внутриевропейских рейсов. Требования к челноку были поставлены высокие: он должен был сочетать маневренность и скоростные характеристики истребителя, комфортабельность лимузина и безопасность домашнего дивана в бункере.

Решад получил нервный срыв, довел до нервного срыва шесть своих подчиненных, но задачу выполнил. В марте прошлого года они с Райхсфюрером посетили новый завод, построенный у Боденского озера. На момент их приезда штат завода на девяносто процентов состоял из безымянных. К первой годовщине ЕА половина персонала вернула личные имена (но осталась работать там же), а в небо поднялись два первых «Минизенгера».

«Минизенгер» понравился Райхсфюреру, более того – он понравился Магде, которая в Нойерайхе отвечала за эстетику, и чьему вкусу Райхсфюрер доверял не меньше, чем ее муж, а остальным приходилось доверять скрепя сердце и скрипя зубами. Райхсфюрер однажды даже пошутил, что вывел для себя «критерий Минизенгера» – тем, кому ВКС нравился, можно было доверять. Впрочем, все это Эрих произнес с совершенно каменным лицом, так что, возможно, это была не шутка.

Человек, спускавшийся по трапу на пустынную бетонную полосу Тейгель-север, оценил «Минизенгер» по достоинству, еще в салоне, когда пилот объявил о посадке:

– *Che cazza, уже прилетели? Che pallo, я бы еще покатался! Ce bella figata этот ваш «Минизенгер»!*

– Вообще-то, это твой «Минизенгер», Чезаре, – поправила его спутница. – *Don Enrico* нам его подарил, не забыл?

– *Cazzarolla*, я еще не такой старый, чтобы забывать, что было на прошлой неделе, – ответил мужчина, надевая белое плащ-пальто. И действительно, тому, кого называли Чезаре, было чуть больше сорока, но выглядел он при этом моложе своих лет. В его облике вообще было что-то пацанское. Его спутница была немного степеннее, но тоже казалась моложе, возможно – из-за болезненной худобы и хрупкости. Они вообще были чем-то похожи, а главное, несмотря на то, что Чезаре зябко ёжился, а его спутница хмурилась, казалось, они привезли в заснеженный Берлин кусочек вечно неаполитанского лета.

Берлинская погода мужчине не понравилась:

– *Che cazza, ну до чего же холодно!* – сказал он, спустившись по короткому трапу. На улице было чуть холоднее пяти градусов ниже нуля, но пронизывающий восточный ветер усиливал мороз.

– Не ной, – посоветовала его спутница. – Ты знал, что едешь не на пляж.

Мужчина пробормотал какое-то ругательство и поплотнее закутался в пальто. К счастью, мерзнуть им пришлось недолго – к покрывающемуся изморозью борту «Минизенгера» подкатила большая черная машина, увидев которую мужчина воодушевился:

– Cazzarolla, глянь, Пьерина, какая *figata!* Не будь я Чезаре Корразьере, если это не Mercedes-Benz 770 K!

– Вы правы, дон Чезаре, – сказал мужчина в райхсунiformе без знаков различия, выбравшийся с водительского сидения и подошедший к парочке. Мужчина был одного возраста с Чезаре, с непримечательными чертами лица, такими, что он казался безликим: – это точная копия названной Вами модели, только начинка вся новая. Двигатель Стирлинга мощностью 375 киловатт, автоматическая коробка, бортовой компьютер... кстати, это подарок Райхсфюрера.

С этими словами мужчина открыл дверь в салон. Чезаре пропустил вперед Пьерину, и уточнил:

– Я вижу, дон Энрике очень щедрый человек. Хотелось бы знать имя того, кому Райхсфюрер подарил такой шикарный подарок.

Мужчина выглядел чуть смущенно:

– Вы не поняли, дон Чезаре, – сказал он. – Это подарок Вам. А я всего лишь буду вашим шофером на время пребывания в Берлине. Я хорошо знаю город и обладаю нужными навыками. Разрешите представиться: райхсфарер Вольфганг Порше.

– Райхсфюрер? – удивился Чезаре. По-немецки он говорил с сильным акцентом. Пьерина ухмыльнулась, но поправлять его не стала.

Герр Порше побледнел:

– Нет, что Вы! Райхсфюрер у нас один – герр Эрих Штальманн. Просто похожие слова: фюрер – вождь, фарер – водитель.

– *Che cazza*, забавно, – Чезаре наморщил высокий лоб. – Порше... тот самый, что ли?

Герр Вольфганг вздохнул:

– Так точно, синьор. Правнук Фердинанда Порше и бывший совладелец Райхсконцерна Порше. В признание заслуг моей семьи перед Орднунгом мне оставили имя и фамилию, а учитывая мое отношение к автомобилям – назначили райхсфарером, то есть шофером Райхсканцелярии. Герр Райхсфюрер специально отметил мои заслуги в новогоднем приказе в числе других служащих эр-цэ⁹, – и Порше вновь вздохнул.

– Для меня честь, что Вы будете моим водителем, – серьезно сказал Чезаре. Определить, что Чезаре говорит серьезно, было довольно просто: когда он не употреблял нецензурных слов, это означало, что он серьезен.

– Спасибо, дон Чезаре, – ответил Вольфганг. Было видно, что он тронут.

* * *

Вольфганг отвез их в отель «Дас Райх» на Уландштрассе возле Тиргартена. Здание, ранее принадлежавшее Хилтону, было сильно перестроено в новом имперском стиле, тяготевшем к монументальности форм. Чезаре по достоинству восхитился полуобнаженными кариатидами, символизирующими добродетели нового Орднунга: так, у главного входа посетителей встречали труд и отвага, чуть дальше виднелись верность и правдивость.

– Не знала, что тебе нравятся столь крупные дамы, – заметила его спутница, выбираясь из недр машины.

– Cazzarolla, *saia mia!* – возмутился Чезаре. – То, что я женат на самой красивой женщине этого *cazzo di mondo*, еще не означает, что я, как *cassare di monaso* не могу по достоинству оценить *un qualche bella fica!* Что, по-твоему, я трахать этих кирпичных баб собираюсь, что ли?

---

⁹ Эр-цэ (эрцэ, RC) – пример допустимого сокращения названия учреждения или службы, принятого в Нойерайхе, В данном случае – сокращение от слова «Райхсканцелярия»;

– Они не кирпичные, – флегматично заметила Пьерина, доставая из пачки тонкую черную сигарету и вставляя ее в длинный мундштук того же траурного цвета. – Они из мрамора. И я пошутила, pezzo mio.

Тем временем, к ним подошел пронумерованный служащий отеля и справился о багаже. Багаж в виде двух чемоданов, содержащий, преимущественно, вещи Пьерины, служащему передал Вольфганг. Пронумерованный утащил увесистые чемоданы, что-то тихонько бурча под нос, вероятно, жалуясь не весть кому на тяжесть – мужчина был отнюдь не крепьш, невысокий и пухленький, эдакий менеджер среднего звена, до ЕА из всех грехов предпочитавший вульгарное чревоугодие.

– Не спеши ругаться, – посоветовал ему вдогонку Чезаре. – Когда мы будем уезжать, чемоданов будет четыре, не меньше.

– Я отгоню машину в гараж? – уточнил Вольфганг, косясь на Пьерину, при словах Чезаре так недовольно пыхнувшую сигаретой, что у Вольфганга появилась непрощенная ассоциация с разбушевавшейся не так давно Этной. Тогда досталось всей Южной Европе, и Вольфганг решил убраться подальше – возможно, разгневанная женщина не столь опасна, как разгневанный вулкан, но зачем рисковать?

– Вы мне вскоре понадобится, – сказал Чезаре. – Я ожидаю звонка от дона Энрике, и сразу же отправлюсь к нему. Как я могу связаться с Вами?

– Я буду ожидать в фойе, в столовой пронумерованных, – ответил Вольфганг. – Просто позвоните на ресепшен, они меня вызовут.

– Почему в столовой пронумерованных? – удивилась Пьерина. Вольфганг немного расслабился – извержение Этны пока откладывалось. Вольфганг не знал, почему рассердилась спутница дона Чезаре, и не хотел это знать. Настроение женщины – это стихия, и вопрос «почему» здесь неуместен.

– У меня нет средств для того, чтобы рассиживаться в кафе для орднунг-менш, – Пояснил Вольфганг, садясь за руль. – У меня есть имя и звание, но кофе по шесть марок я со своим удовольствием не потяну.

Чезаре запустил руку за пазуху – у него были артистичные кисти музыканта, но музыканты не носят перстней с печатками, а у Чезаре таких было целых два, причем таких размеров, что сразу было понятно, за что их некогда прозвали гайками. Из-за пазухи он вытащил горсть кирпично-красных купюр, и протянул несколько Вольфгангу:

– На кофе, думаю, хватит. И я хотел бы, чтобы Вы пропустили пару стаканчиков вина – за меня и мою любимую. Держите.

Вольфганг неуверенно взял купюры; Чезаре заметил, что мизинец и безымянный палец у него малоподвижны: вероятно, сломаны и плохо срослись:

– Спасибо, дон Чезаре! Я буду ждать вашего вызова! Сейчас вернется служащий отеля и проводит вас в отведенные вам апартаменты!

– Чего-то он не торопится, – отметил Чезаре, когда Вольфганг отъезжал. – Если он уронит наши чемоданы, я его...

Видимо, упоминание о чемоданах спровоцировало Пьерину:

– Сколько можно таскать бабло за пазухой? – спросила она довольно холодно. – Ты когда себе лопатник купишь?

– Ты прямо как моя мамочка, – фыркнул Чезаре. – Я так привык. Quo cazzo я буду складывать все бабки в один кошелек – чтобы все разом посеять?

– И кто-то мне обещал не швыряться баблом, – не обращая внимания на слова Чезаре, продолжила Пьерина.

– Che cazzo tuoi? – огрызнулся Чезаре. – Там всего-то пару сотенных было, pezzo di merde!

– Тут пол Берлина за пару сотенных месяц пашет, – ответила Пьерина. – Не говоря об остальной Германии. А в Неаполе ты на эти деньги можешь купить себе сбирскую роту¹⁰.

– Ты мне еще начни советы давать, как дела вести, – рявкнул Чезаре. – Знай свое место, женщина!

– Ах, так! – в глазах Пьерины вспыхнул огонь, но начавшийся, было, скандал прервало появление сотрудника охраны отеля. Эфэспешник¹¹ носил на форменной куртке нашивку с именем и фамилией в тонком лавровом венке, что означало, что он принимал участие в событиях ЕА. Возможно, это придавало ему смелости:

– Простите, герр, – сказал он, обращаясь к Чезаре, – я заметил, что поведение Вашей спутницы может свидетельствовать о проявлениях латентного феминизма. У нас в Германии это считается гражданским правонарушением, и если Вы хотите...

– *Che cazzo*, по-твоему, я не могу сам справиться со своей женщиной? – вспыхнул Чезаре. – Или что ты имел в виду, *rotto in culo*?!

– Я обязан пресекать нарушения правопорядка, – эфэспешник, тем не менее, даже на шаг отступил, впечатленный напором Чезаре. – Поскольку даже малейшее действие, идущее против Орднунга – уже начало преступления...

– То есть, ты считаешь, что моя жена – преступник, да, *pezzo di merde*? – возмутился Чезаре, запуская руку в боковой карман пальто. – Да ты хоть знаешь, с кем ты, *cazzo di asino*, разговариваешь, *merdoso*?

С этими словами он вытащил из кармана небольшую пластиковую карточку и ткнул ее в нос эфэспешнику, да так удачно, что тот охнул от боли. Чезаре этим воспользовался, и, схватив мужчину за шкирятник свободной рукой, ткнул в протянутую карточку:

– Читай, *merde di porca Madonna*!

Неудачливый эфэспешник, игнорируя струйку крови из носа, вынужден был читать:

– Райхсканцелярия Нойерайх. Отдел внешних связей, абтайлунгслайтер Шинке. Пода-тель сего аусвайса, дон Чезаре Корразьере, является фюрером дружественной Нойерайху организации PdI¹². Все орднунг-менш обязаны оказывать дону Корразьере и лицам, его сопровождающим, максимальное содействие. В отношении унтергебен-менш действует директива «О райхсфройндшафте и лицах, на которых он распространяется». Орднунг-менш, не оказавший содействия дону Корразьере, подпадает под статью «уклонение от райхсбязанностей» Орднунга, и подлежит лишению прав в соответствии с установленным порядком. Унтергебен-менш, по вине которого у дона Корразьере возникли любые затруднения, считается «запятнанным» перед Орднунгом с понижением класса в зависимости от тяжести проступка».

– Понял? – участливо спросил Чезаре...

– Дон Корразьере, я всего лишь хотел... – всхлипнул эфэспешник, сильно побледнев.

– Запомни, *stronzo*, – сказал Чезаре снисходительным тоном, – когда тебя не зовут, не вмешивайся! Что Орднунг говорит об отношениях мужчин и женщин?

– Они... должны быть здоровыми, – эфэспешник всхлипнул; Чезаре отдернулся, чтобы брызги из носа избитого не заляпали его белое пальто:

– А могут в них вмешиваться посторонние? – уточнил он.

– Никак нет! – поспешно ответил эфэспешник.

---

¹⁰ Роту полиции; фрателянца широко использовала подкуп полицейских частей. Служба полиции оплачивалась весьма скудно, и полицейские переходили на сторону фрателянцы целыми полками;

¹¹ Участник FSP;

¹² **PdI (Purificazione della'Italia)** – она же **Fratellanza del popolo italiano (фрателянца)** – структура, созданная Чезаре Бараккой в ноябре 2028 года. Ставила своей целью «очищение Италии по образу, указанному нам учением великого дона Андреаса (Брейвика)». В описываемое время фрателянца, фактически, контролировала Сицилию, Калабрию, Кампанию, Базилику и Апулию, в других областях Италии ее ячейки готовились к тому, чтобы взять власть (что произошло два месяца спустя);

– Cervello, – сказал Корразьере удовлетворенно. – Иди, умой ряху. Идем, *carra mia*, я вижу, нас уже ждут.

Ждал их насмерть перепуганный пронумерованный – консьерж, подошедший как раз тогда, когда Чезаре врезал незадачливому полицая. Во взгляде безымянного страх перемешивался с восхищением – то, что Чезаре съездил эфэспешнику, который часто третировал унтергебен-персонал отеля, вызвало у пронумерованного чуть ли не обожание. Впрочем, сам Чезаре безымянного, кажется, в упор не видел.

В фойе он спросил у Пьерины:

– Слушай, а по какому поводу ты поскандалить хотела?

– Не помню, – пожала плечами женщина, заряжая мундштук очередной сигаретой. Рядом с лифтом красовалась зашпаклеванная табличка о запрете курения. Буквы проступали сквозь свежую штукатурку, но кто-то из постояльцев поставил на запрете окончательный крест, выпустив пару пуль в слово «верботтен». Отверстия от пуль тоже зашпаклевали, но в такой огнестрельной редакции надпись не запрещала курить, а скорее призывала – чем Пьерина немедленно и воспользовалась.

– *Che cazzo*, вот так всегда! – Чезаре воздел глаза горе. – И зачем ругаться, если через пять минут не помнишь, по какому поводу?!

Его спутница пожала плечами и впорхнула в подошедший лифт, едва не задев сигаретой невозмутимого лифтера-пронумерованного.

* * *

Номер был одним из лучших. В былые годы в нем останавливались исключительно венценосные особы, преимущественно, из стран Востока. Об этом свидетельствовала роскошная мебель из ценных пород дерева, натуральные ткани в оформлении интерьера, множество дорогих аксессуаров, да и сами размеры и планировка номера. Чезаре и Пьерина впервые останавливались в подобных условиях, но по их поведению об этом сказать было невозможно. Пьерина немедленно оккупировала ванну; Чезаре вломился в бар, раскритиковал его содержимое, взяв, впрочем, одну из сигар, после чего переоделся в костюм, прибывший в специальном контейнере из местного магазина-спецраспределителя. Костюм был от бренда «Хефтлинг», чьи изделия предпочитал Райхсфюрер.

– И как тебе этот прикид? – спросила Пьерина; дверь в ванну она не закрывала, а потому видела, как Чезаре переодевается.

– Великоват, *pezzo di merde*, – сказал тот, прохаживаясь по комнате. – А так ничего. Главное, что брюки не короткие.

– Ага, ты ж у нас длинноногий, – ответила Пьерина. – как будто и не неаполитанец, а северянин какой-то.

– У меня дед по материнской линии из Венеции, – сказал Чезаре. Он немного нервничал – время шло, Райхсфюрер не звонил. – Ты ж знаешь.

– Кто не знает старого пройдоху Микеле, – фыркнула Пьерина. – И ты мне тысячу раз это говорил. Можешь принести мне вина?

– У них нормального нет, – ответил Чезаре. – Могу принести шампанского.

– Давай шампанское, – согласилась Пьерина. Чезаре направился, было, к бару, но тут зазвонил мобильник. Дежурно помянув *cazzo*, Чезаре залез во внутренний карман дорожного пиджака, небрежно брошенного им на кровать, достал из кармана пару обойм к пистолету, несколько смятых купюр, и, наконец, тонкий моторолловский смартфон:

– Дон Корразьере слушает, – серьезно сказал он. Пьерина в ванной фыркнула.

– Дон Корразьере, с Вами говорят из канцелярии Райхсфюрера, – сказал приятный женский голос на итальянском. – Герр Райхсфюрер приказал сообщить Вам, что Вы можете прибыть к нему на аудиенцию немедленно.

– Спасибо, сеньорита, – ответил Чезаре. – Передайте дону Энрике, что я тот час же выезжаю. Надеюсь, пробки у вас не такие, как в Неаполе?

– В Берлине вообще нет пробок, – ровным тоном ответила девушка. – Счастливо добраться, дон Чезаре.

– Смотри там, не подцепи кого-нибудь по дороге, – заявила выбравшаяся из ванны Пьерина. – А то заболеть можно. Например, переломом челюсти.

– Madre de Dios, и чего ты у меня такая ревнивая? – возмутился Чезаре, вызывая ресепшен гостиницы. – Я еду на деловые переговоры, cara mia, какие там бабы?!

– Такие, как та, что с тобой только что по телефону разговаривала, – ответила Пьерина, уцепив Чезаре за ткань брюк ниже шлица пиджака. – А ты у меня красавчик, на тебя бабы даже на кладбище вешаются... хм, неплохая ткань.

– Никто мне не нужен, кроме тебя, – заверил ее Чезаре, пытаясь поцеловать Пьерину в висок, но та ловко извернулась, поймав его поцелуй губами. – Я побежал, буду, как освобожусь.

– Быстрее возвращайся, – попросила Пьерина. – Блокнотик не забыл?

– She cazza, я похож на кретина? – Чезаре взял с кресла свое белое пальто, набросил его на плечи. Минуту спустя он был уже в фойе гостиницы, где его ждал Вольфганг Порше.

* * *

Сначала Чезаре подумал, что Вольфганг заблудился – они ехали по той же дороге, что и часом раньше, но в обратном направлении. Затем, однако, аэропорт остался слева по курсу, а дорога стала совсем пустынной. Потом машина миновала новые, бетонные ворота в виде двух башен, и свернули у здания, на котором Чезаре с удивлением увидел надпись «Гумбольдт отель». Правда, надпись не была подсвечена.

Возможно, Вольфганг догадался о том, в каком направлении двигались мысли Чезаре, потому что поспешил объяснить:

– Это до ЕА был отель, а теперь здесь рабочий дом. В левом крыле – блоки безмянных, в правом – квартиры, хм... юнгенгеноссе. Я живу на пятом этаже, но мои окна с дороги не видно.

– И как условия? – спросил Чезаре. – Нормально?

Вольфганг пожал плечами:

– Смотря с чем сравнивать. Если с блоками номерных, условия просто королевские – собственная душевая кабина, собственная уборная, холодильник, микроволновка, дверь с замком.

– Что-то мне подсказывает, что Вы видели времена получше, – сказал Чезаре.

– Не будем об этом, – сказал Вольфганг, и в его голосе Чезаре почудился тон испуга. – Жалеть о прошлом – опасный симптом, тот, кто постоянно жалеет о чем-то, что потерял, близок к преступному образу мыслей.

– Вам виднее, – примирительно сказал Чезаре, заметив, что машина свернула в загодя открытые ворота, и приближается к приятному на вид старинному зданию, вероятно, конечному пункту путешествия. – Мне о прошлом сожалеть не приходится, в моем прошлом un merde было больше, чем солнечных дней. Это Райхсканцелярия? Я думал, она больше.

– Ну что Вы, – ответил Вольфганг. – Райхсканцелярия у нас в Шарлоттенбургском дворце, а здесь – резиденция Райхсфюрера.

Он остановил машину, и, прежде чем выйти, зачем-то залез в «бардачок». Вольфганг решил не дожидаться, пока он там копается, и выбрался из машины самостоятельно. Вольфганг вышел из машины немного позже, и вид у него был заметно удрученный.

– Что случилось? – спросил Чезаре, заметивший, как изменилось настроение его водителя. – She cazza, я Вас чем-то обидел?

Парадоксально, но Чезаре, который за свою достаточно долгую жизнь отправил к Апостолу Петру немало людей, а еще большему количеству в той или иной мере нарушил целост-

ность и комплектность организма, вовсе не хотел обижать Вольфганга. «Парню и так досталось», – думал он. – «Из князи, да в грязи. И в его случае не особо заслужено – видно же, что этот Вольфганг – *perfcrto stronzo*, не какой-то там *merdososo*...»

– Да нет, – отмахнулся Вольфганг, – курево забыл купить, *Scheiße*, ой, простите...

– *Che cazzo*, да ладно, не стремайтесь, – сказал Чезаре. – Без мата жизнь, как у примата...

Он достал из кармана пальто пистолет, переложил в другой карман, а затем извлек из первого помятую пачку – желтую, с верблюдом на фоне пирамид. Курил Чезаре очень редко, в отличие от Пьерины:

– Забирайте, – сказал он, протягивая пачку Вольфгангу.

– Ух, ты, «Кэмел», – обрадовался тот, – сто лет, кажется, его не курил. Уже и отвык, на мою зарплату такие не купишь, даже если бы продавались, но импортные только через спецраспределители высокого уровня можно достать, а в такие спецраспределители таким, как я, вход запрещен.

Чезаре рассеяно кивнул: он услышал, что кто-то идет в их направлении. «Кто-то» оказался привлекательной молодой девушкой, одетой в теплый комбинезон, вроде тех, которые носят туристы-выживальщики – удобный, не стесняющий движения, всепогодный. Одежду дополняли ботинки с высоким берцем, и темный берет, цвет которого в сумерках Чезаре не разобрал. Девушка была привлекательна, но не во вкусе Чезаре – слишком мягкие, почти детские черты, с которыми не гармонировала мальчишеская стрижка, к тому же и нос курносый, а курносые Чезаре никогда не нравились.

На комбинезоне у девушки было несколько карабинов с закрепленными на них совсем не детскими игрушками – компактным пистолет-пулеметом, вроде бессмертного чешского «Скорпиона» (Чезаре сам юзал такие в молодости, хотя предпочитал продукцию родной компании «Беретта»), парой гранат, наступательных, без осколочного кожуха, и ножом вроде непальского кукри, размером с девичье предплечье. Чезаре присвистнул:

– *Che cazzo*, мы ожидаем нападения?

Девушка проигнорировала его вопрос:

– Герр Райхсфюрер ждет Вас, дон Корразьере, – сказала она мягким, колоратурным сопрано, – мне приказано провести Вас в Зеленую гостиную.

– Хороший знак, – шепнул Вольфганг. – Зеленая – для желанных гостей.

– Вы могли бы придержать свои комментарии при себе, герр раухенгестерн¹³, – сказала девушка своим беззаботным голоском, более подходящим для того, чтобы петь песенки вроде «Шнип-шнап-шноппе». От ее слов Вольфганг скривился, словно больной зуб себе прикусил. – Идемте, дон Корразьере, герр Эрих не любит ждать.

Уходя, Чезаре украдкой ободряюще подмигнул Вольфгангу. Вид у того был невеселый.

* * *

Они прошли по красивому парку, среди покрытых инеем можжевеловых кустов, туй и голубых елей, к довольно большому трехэтажному дому с четырьмя башенками по углам. Башенки были перестроены, к ним добавили по дополнительному этажу с балкончиками, на которых возвышались новенькие эфэльки¹⁴ – оружие серьезное, несмотря на субтильный вид. Эфэльки плохо гармонировали с классическими статуями, стоявшими в апсидах фасада, перед крыльцом и в фойе. «Похоже, Райхсфюреру нравится античная скульптура», – рассеяно подумал Чезаре. – «*Perfecto*, с подарком определились – притарабаним ему что-то из ватиканских музеев, Папа не обеднеет, да и на кой Римской церкви голые бабы... в смысле, богини греко-римского пантеона? А дону Энрике – в самый раз».

¹³ **Раухенгестерн** – вечно вчерашний, обидное прозвище, применявшееся в отношении категории орднунг-менш, получивших имплантат, но сохранивших имя, а также унтергебен-менш, прошедших процедуру восстановления в правах;

¹⁴ **Эфэлька** (жарг.) – лазерная турель ПВО (*flak lazer*). Могут применяться также против наземной техники;

Дом, вероятно, недавно перепланировали, чтобы разместить внутри охрану. Охрану составляли такие же девочки и мальчики, как та, что пришла за Чезаре – не старше двадцати пяти, подтянутые, коротко стриженные, атлетически сложенные. У некоторых Чезаре заметил имплантированное оружие. Это было серьезно – кибернетически усовершенствованные солдаты были элитой даже в армиях сверхдержав.

Чтобы добраться до зеленой гостиной, Чезаре пришлось пройти по коридору, подняться по лестнице на второй этаж, пройти по еще одному коридору, вдоль всего здания, еще раз подняться, опять пройти по коридору... на лестнице между вторым и третьим этажом ему почудился лай собаки, но он быстро оборвался.

Молчаливая девушка провела его до двери в гостиную, открыла дверь, пропустила Чезаре внутрь, и закрыла дверь за ним. Гостиная действительно была выдержана в зеленых тонах – зеленые тканевые обои выше темных стальных панелей, тяжелые зеленые портьеры, столешница из малахита на овальном столе, сервированном на двоих, зеленая обивка стульев, кресел, дивана, зеленый малахитовый камин и малахитовые вазы на пилонах по углам, даже бронза металлических предметов покрыта зеленой патиной...

– Люблю зеленый цвет, – сказал тихий, но твердый, уверенный в себе голос из темноты в дальней от входа части зала. – Психологи говорят, он умиротворяет. Нам-то с тобой больше в оранжевом довелось походить, да, stronzo?

Чезаре невольно расплылся в улыбке и сделал шаг навстречу появившейся из темноты фигуре:

– Вам никогда не шло оранжевое, дон Энрике, – сказал он, пожимая протянутую руку. – Новая одежда Вам больше к лицу.

– Как и тебе, – мужчина взял Чезаре под руку, подводя к столу. – Наконец-то приоделся по-человечески, а не как босяк. Садись, перетрем за жизнь, пропустим пару бокалов вина.

Чезаре не заставил себя упрашивать. Голос его собеседника был мягким, но что-то в нем было такое...

«Таким тоном делают то самое «предложение, от которого невозможно отказаться», – подумал Чезаре. Его собеседник, Райхсфюрер Нойерайха Эрих Штальманн, сел напротив, так, что между ним и Чезаре оказалась узкая часть столешницы.

Тем временем, двери, в которые вошел Чезаре, открылись, и на пороге появился пожилой мужчина в сером комбинезоне и серой саржевой рубашке. Некогда мужчина был тучен, но сильно похудел, вероятно, не так давно – его щеки опали и висели, как брыли у бульдога. Мужчина был пронумерованным.

– Хм, – сказал Чезаре, глядя, как мужчина берет со стола вино и сноровисто его открывает. – Я пока не вки... не разобрался с тем, как устроен Орднунг, и многого не понимаю. Разве сюда допускают пронумерованных?

– Унтергебен-менш, – поправил его Эрих. – Почему нет? Обслуживающий персонаж нужен не только на шахтах...

Пронумерованный заметно вздрогнул.

– И потом, дон Чезаре, унтергебен-менш – не раб и не крепостной; он такой же гражданин Нойерайха, как и любой Орднунг-менш, но с урезанными правами. Как говорили... другие умные люди, arbeit math frei...

– Labor Omnia vincit, – кивнул Чезаре. – Этой фразе намного больше лет, чем кажется на первый взгляд.

– ...но большинство ее ассоциирует только с ошибками наших предшественников, – Эрих указал пронумерованному на бокал Чезаре, и тот его наполнил. – В Нойерайхе труд действительно делает свободным, и более того – свободным делает только труд. Ни деньги, ни знатность, ни статус... кстати, вино необычное. Угадае...те, что за сорт?

– Я не сомелье, – улыбнулся Чезаре. – Сами знаете, дон Энрике, мне в моей жизни больше приходилось пить всякую бурду, вроде вареного вина.

– Да уж, там, откуда мы пришли, нас деликатесами не баловали, – Эрих поднял бокал. – За Нойе Орднунг, дон Чезаре!

– За Нойе Орднунг! – подхватил Чезаре. – Благослови его Пресвятая Мадонна.

Они выпили, и Эрих вновь сделал знак пронумерованному. Тот опять наполнил бокалы и вышел. Чезаре тем временем отдал должное легкой закуске – тонко нарезанному прошутто.

– Дон Энрике, а Вы не боитесь? – спросил Чезаре, когда пронумерованный вышел. Эрих удивленно посмотрел на Чезаре, и тот подумал, что со своей внешностью Райхсфюрер легко бы затерялся в толпе, если бы не одно но. Действительно, во внешнем облике человека, перед которым дрожала не только вся Германия, но и, без преувеличения, вся Европа, не было ничего выдающегося. Среднего роста. Поджарого, но не атлетического телосложения. Круглая голова с высоким лбом с залысинами. Нос был некогда сломан, но восстановлен, и потому ничем не выделялся. Губы, на которых то и дело появлялась легкая улыбка, которую, наверно, можно было бы даже назвать застенчивой – если не знать, что скрывается за ней. Голубые глаза, светлее, чем у самого Чезаре, у которого глаза были цвета весеннего неаполитанского неба.... На первый взгляд – обычные глаза... или, вернее, глаз, поскольку второго глаза у Райхсфюрера не было. Пустую, покрытую коллоидными рубцами глазницу прикрывала черная повязка, довольно редкая в современной Европе. По какой-то лишь одному ему ведомой причине герр Эрих не хотел выращивать себе новый глаз, хотя ему такая возможность была вполне доступна, и носил повязку, как какой-нибудь ганзейский пират.

– Чего, по-твоему, я должен бояться? – удивился Эрих.

– Того, что у про... унтергебен-меншей может появиться желание отомстить, – пояснил Чезаре, доставая с тарелки греческую оливку. Он очень с детства их любил, но никогда не ел вдоволь. А сейчас с оливками в Италии было худо. Даже трудно это себе представить – Италия без оливок! – Они свободно живут рядом с вами – кто мешает им взять молоток и ткнуть кого-нибудь из своих обидчиков по темечку?

Эрих улыбнулся. Улыбка у него была доброй, искренней, так улыбаются люди, которые уверены, что их совесть чиста:

– Скорее я буду бояться, что Гумбольдты с кладбища в **моем** имени придут требовать с меня свою собственность. Дорогой Чезаре, я стою по ту сторону страха. Понимаешь, о чем я?

Чезаре неуверенно кивнул, глядя на Райхсфюрера. Он и до того не выглядел дряхлым, а сейчас словно помолодел Чезаре вспоминал их первую встречу – в швейцарской тюрьме предварительного заключения. Это было двадцать лет назад; Чезаре был молод, чуть больше двадцати, но уже имел определенную репутацию. Он сидел, ожидая перевода в Брюссель, где его должны были судить по одному интерполовскому делу, когда по «узелковому радио» прошла малява о том, что в их кутузку прибывает сам Штальманн. Об этом человеке Чезаре слышал краем уха, особо не прислушиваясь. Теперь он тоже воспринял новость спокойно: «cazzarolla, ну, поглядим на этого Штальманна... небось, какой-то бритоголовый с каской вместо головы».

Они встретились на прогулке. Эрих сидел на любимой лавочке Чезаре и чистил зеленоватый мандарин. Кожура от мандарина отслаивалась плохо. Лицо Эриха было сосредоточенным и совершенно мирным – ни дать, ни взять, бухгалтер, сводящий не особо сложный баланс.

Чезаре с двумя своими fratelli не спеша подошел к лавочке. Дино и Микеле привычно зашли справа и слева – им не первый раз приходилось брать фраера в «коробочку».

– Che cazza vuoi? – спросил Чезаре ровным тоном. – Чувак, тебе сказали, чья это лавочка?

– Муниципальная, – ответил Эрих. – Vanfaculo, stronzo.

Обычно Чезаре бил первым – тут промедлил. Ровный, безразличный тон в сочетании с беспрецедентной борзотой «бухгалтера» несколько выбили его из колеи. Тем временем «бухгалтер», практически не меняя положения тела, швырнул недочищенный мандарин в Дино, и

заехал прямой ногой в колено Микеле. Одновременно он попытался прямым хуком приложить самого Чезаре, но тот, пусть и запоздало, но среагировал – хотя только и того, что успел сблуживать удар. Помогло это ему не очень – «бухгалтер» распрямился, как пружина, сработав ногой в пах Дино, отбившего мандарин и начавшего атаку, прерванную ударом противника, а затем....

Чезаре даже не понял, откуда ему прилетело – когда-то в короткоштанном детстве он катался на велике, стыренном у соседа, толстого Франческо, и въехал головой в трубу, на которую вешали ковры для выбивания. Ощущения были похожими. Садясь на задницу, Чезаре понял, что «бухгалтер» отправил его «на одесу» – боднул по переносице своей лобастой головой. Диспозиция теперь была явно не в пользу итальянцев – Дино, скрючившись, зажимал рукой пах, Микеле попытался подняться, и вновь рухнул – потом в коленной чашечке у него найдут трещину. Сам Чезаре сидел на земле, пытаясь понять, *quo cazzo* Штальманнов стало два или три.

– Говно у вас мандарины, – заметил совершенно спокойный Штальманн. – Слыш, борзой, как оклемаешься, заходи ко мне на хату – я в изоляторе семь отдыхаю, типа, особо опасный Схера ли я так опасен, ей-Богу, не понимаю....

* * *

За прошедшие годы Эрих изменился, но в чем-то остался прежним, и сейчас это стало заметнее. В его облике через мягкие черты проступило что-то хищное, волчье. Единственный глаз сузился в щелочку, но в зрачке горел какой-то лихорадочный огонь. Это был все тот же Райхсфюрер, высшее лицо Нойерайха, если не считать фюрера, больше всего напоминающего не столь давно похороненного по-человечески русского Ленина в лучшие годы застоя....

И, вместе с тем, это был все тот же Штальманн, которого все преступники Европы всегда называли только по фамилии, если, конечно, это была его фамилия....

– Ты никогда не задавал лишних вопросов, Чезаре, потому заслуживаешь ответов, – сказал Райхсфюрер. – Ты хочешь знать, как это – быть по ту сторону страха? Ты это знаешь. Еще тогда, в Швейцарии, я понял, что ты на той же стороне страха, что и я. Не твои *fratelli*, только ты. Именно потому я и позвал тебя, Чезаре. Потому, что развернуть страх лицом к тебе было сложной задачей, и мне она удалась лишь отчасти.

Все боятся, Чезаре, но все боятся по-разному. Для большинства людей страх – всемогущий владыка, и они впадают в ступор при его появлении. Для других он враг, и они борются с ним, то побеждая, то терпя поражение. Для нас страх – друг. Он наше оружие и наша броня. С ним мы сильнее любого. Если ты в танке, то остальные – твои цели, которые ты можешь расстрелять, раздавить траками.... Если ты по ту сторону страха, то где все остальные?

Чезаре кивнул, на сей раз уверено: он понимал, он чувствовал почти то же, но не мог облечь в слова это знание. А еще он подумал, что не боится дон Энрике. Уважает, считает примером, едва ли не отцом, но не боится. Он был его вожаком, его фюрером, тем, за кем он охотно идет – не из страха, а по какой-то совсем противоположной причине.

Райхсфюрер словно прочитал его мысли:

– Людьюми нельзя управлять с помощью любви, это чушь собачья. Даже Богу не удалось это. Одни Его любили больше других, но другие столь же сильно Его ненавидели, ненавидели настолько, что распяли. А я не Христос. Люди, которые могли распять Бога, не заслуживают ничего, кроме страха. И я – это страх, а мои апостолы, вроде тебя – такие же. Скоро ты познакомишься с ними Чезаре.

Он поднял бокал с вином, казавшимся зеленоватым в этой зеленой гостинной:

– Давай выпьем за страх, Чезаре, – предложил Райхсфюрер. – За самого близкого нашего друга, за самого верного союзника.

– Грех не выпить, – сказал Чезаре, отпивая вино. – *Cazzarolla*... кхм, простите дон Энрике, но мне кажется, что это вино из моего края!

– Так оно и есть, – кивнул Эрих. – Кампи Флегерей, последний урожай коммуны Поцуолли. Двадцать второй год.

– Откуда?! – изумился Чезаре. – Урожай двадцать второго...

– Почти погиб, – сказал Эрих. – Я знаю. Но из всех урожаев Поцуолли этот больше всего подходит под название флегерей – даже бочка, которую мне привезли, была опалена.

Чезаре посмурнел. Двадцать второй был скорбным годом для Италии. Сначала ужасное землетрясение разрушило все, что только можно: в руины превратились и солнечный Неаполь, и вечный Рим, и Флоренция, и Перуджа, и Бари... рухнула, наконец, Пизанская башня, легли грудой камней новые небоскребы Генуи, отдаленное Палермо, и то тряхнуло – мама, не горюй. Да что там Италия, пострадали даже Албания и западная часть Греции.

И, как будто этого мало было для и так не самой счастливой страны Евросоюза – один за одним изверглись Этна и Везувий, а также несколько менее крупных вулканов, среди которых были и небольшие вулканы Флегерей. Виноградники Италии, ее гордость, погружались в пламя, а те, что уцелели, накрыло саваном пепла. Погибли не только виноградники – пшеничные поля, оливковые и фруктовые сады, дубравы знаменитых дубов – все было уничтожено кислотными дождями и сернистым снегом.

Это был маленький средиземноморский апокалипсис. И так небогатое население Италии в мгновение ока скатилось буквально в нищету. И особым цинизмом на фоне этого был отказ правительства Евросоюза хотя бы списать долги Италии на фоне произошедшей катастрофы. Более того – Люксембург, а точнее Берлин (ни для кого не было секретом то, кто на самом деле рулит штурвалом европейского корабля) предложил Риму помощь... на основе заимствования, то есть, в кредит.

Северной Италии (не особо пострадавшей на фоне остальных) помогла Россия – и то лишь потому, что области к северу от По послали Рим с Люксембургом и Берлином *ten'cazza* и объявили о «независимости де-факто», об отказе от санкционной политики ЕС и признании «новых областей России» – Новороссии и Малороссии – ее неотъемлемой частью. Как итог – малороссийское зерно стали разгружать в Венеции и Триесте. Но, несмотря на нарастающий народный гнев, несмотря на сыплющиеся с далекого севера унижения, римское правительство не последовало примеру своих бывших подопечных. Если бы у Рима были силы, он, вероятно, ввел бы войска в Трентино, Венецию и Фриули, но все войска были направлены на подавление выступлений собственного народа.

Вот тогда-то на политической сцене Италии появился новый игрок – Чезаре Корразьере и его *Fratellanza del popolo italiano*, объединившая в себе мафиозные структуры Сицилии, Калабрии, Кампании и Базиликаты. На Сицилии FPI выиграла выборы, а когда их результаты попытались оспорить – устроила чистой воды *purificazione* местных элит по тому же сценарию, что через пять лет проведет сам Эрих в Германии.

Конечно, ничем хорошим это не кончилось: войска ЕС были оперативно переброшены к сепаратистам, и FPI пришлось на время перейти на нелегальное положение. Пять лет Чезаре сотоварищи провел в подполье (причем сам Чезаре – в основном, на Лазурном берегу, тоже пострадавшем от событий двадцать второго, но оперативно отстроенном), при этом ЕС было вынуждено держать на Сицилии и в Калабрии крупную группировку войск, которой некоторое время руководил будущий райхсмаршал Швертмейстер. Швертмейстер, уже тогда бывший сторонником Эриха, оперативно боролся с *bande fraterne*, уничтожая те из них, которые не признавали единоначалия FPI. Всем было хорошо – и сторонникам Чезаре, день ото дня укреплявшим свои позиции, и герру Швертмейстеру, славшему в Раммштайн¹⁵ победные реляции.

---

¹⁵ **Раммштайн** – бывшая авиабаза ВВС США в ФРГ. После распада НАТО и вывода американских войск с территории ЕС на этой базе расположилась штаб-квартира объединенных вооруженных сил Евросоюза;

Ближе к ЕА в руководстве Евросоюза заподозрили неладное. Немецкий армейский корпус Швертмейстера заменили французским корпусом «Марин». Ситуацию это не изменило, по крайней мере, изменило не сильно. Ставший замначальника штаба вооруженных сил Германии Швертмейстер обеспечил полную лояльность армии в ходе августовских событий, а окрепшие, перевооружившиеся и натренировавшиеся fratelli устроили французам образцово-показательную трепку. В Люксембурге рассвирепели и попытались вернуть немецкие части на Сицилию, но тут наступило ЕА, и всем стало немного не до итальянцев. Чем вернувшийся на Сицилию в сопровождении молодой жены Чезаре воспользовался в полной мере.

– Мы полностью контролируем весь юг, – говорил он Райхсфюреру. – Плюс purificazione прошло в Эмилии-Романьи. Вы знаете.

Эрих кивнул: восставшая область на южном берегу По снабжалась из Нойерайха через Венецию, в обмен на признание Нойерайхом независимости трех северных областей Италии, с полного согласия Чезаре, закономерно решившего, что ten'cazza, зачем держать кого-то силой?

– В центре удерживаются правительственные силы, продолжал Чезаре. – За нами Молизе, юг Аbruцци и южная часть Лацио. Мы вперед не двигаемся, но и они в контрнаступление не переходят, ждут, когда голод и холод вымотают нас, хотя сами мерзнут и голодают не меньше нашего. А мы не двигаемся потому, что ждем, когда выступят fratelli из Тосканы.

– А когда они выступят? – уточнил Эрих.

– А вот это я с Вами и хочу согласовать, – ответил Чезаре. – Мы планируем атаковать первого апреля.

– Вы мне льстите, – ухмыльнулся Эрих. Первое апреля, кроме всего прочего, было днем его рождения. – Не слишком ли мы затягиваем? Может, стоит начать раньше?

– Как Вы скажете, конечно, – пожал плечами Чезаре. – Но у нас большая часть техники – джихадомобили¹⁶, а дороги после двадцать второго так и не восстановили, как следует. Разумнее дождаться, пока грязь просохнет.

Эрих задумчиво потер подбородок:

– Если восстание начнется первого, за сколько вы возьмете Рим?

– Числу к пятнадцатому-двадцатому, – ответил Чезаре.

– Тогда начинайте шестнадцатого, – решил Эрих. – Как вернетесь из Берлина, приступайте к подготовке, чтобы первого вы вступили в Рим. Я ничего не имею против подарков, но видеть тебя в этот день в качестве триумфатора будет приятнее для меня и полезнее для Нойерайха.

Он задумчиво осмотрел тарелки с закусками и взял вилкой кусочек ветчины:

– Очень надеюсь, что Италия под твоей властью вновь станет такой же плодородной, как раньше. Люблю вашу кухню.

– Ее весь мир любит, – кивнул Чезаре. – Кроме лягушатников. Кстати, о лягушатниках...

– Что? – спросил Эрих, хотя знал, о чем пойдет речь.

– Французы под шумок заняли Пьемонт и Ломбардию, – сказал Чезаре. – Фактически, конечно, но от этого не легче. В Милане стоит третий армейский корпус. В Турине – «Марин» с силами усиления. У берегов Ломбардии – авианосец «Ришелье» с эскортом. Чует мое сердце, что они готовятся нас бортануть, если мы заиграем в Тоскане... ах, да, и они высадили десант на Эльбе. В Пьембино их транспорт «Ораж» и два «Флореалья».

– Я в курсе, – кивнул Эрих. – Я вызвал в Берлин Конрада, ты с ним хорошо знаком...

– Угу, – широко улыбнулся Чезаре. Райхсмаршала Швертмейстера он ни разу в жизни не видел, но их заочное знакомство было довольно продолжительным.

– Он сегодня должен прибыть из Быдгощи, – продолжил Эрих. – Я приказал остановить наступление на берегу Вислы. Поляки больше не опасны, на крайний раз, хватит и хай-

---

¹⁶ Джихадомобиль (техничка) – вооруженный автомобиль повышенной проходимости (джип);

машюта, чтобы у них в голову дурные мысли не лезли. А Конрада мы отправим на юг, и если французы рыпнутся, их сначала проутюжат «Химмлишьтойфели»¹⁷, а пока они оклемаются – Швертмейстер придет и вышвырнет их за загривок.

– Успеете перебазироваться до шестнадцатого? – уточнил Чезаре. – Тосканцы хорошие ребята, и если жабеды ударят им в спину...

– Я завтра же перебазирую TL74 «Мельдерс»¹⁸ в Пенциг, – пообещал Райхсфюрер. – А в Нойбург переброшу эскадрилью из состава Райхсмарине.

– Quo cazzo? – Чезаре в присутствии Райхсфюрера пытался не материться, но получалось не всегда. К счастью, Эрих не обращал внимания на такие мелочи.

– Чтобы «Ришелье» под ногами не путался, – пояснил Райхсфюрер. – Против лома нет приема, а «Химмилшьтойфелям» пофигу, что бомбить.

– Эй, а можно как-то без этого? – спросил Чезаре.

– Почему? – удивился Эрих.

– Che cazzo, мне только затонувшего атомного авианосца у берегов Лигурии не хватало, – пояснил Чезаре. – И так Этна с Везувием всю Италию засрали, давай еще и Лазурный берег изговнякаем.

– Ты не знаешь лягушатников? – пожал плечами Райхсфюрер. – Узнав, какое добро к ним летит из стратосферы, они тут же героически сдрыснут в направлении Тулона. Кстати, о лягушатниках. Ты блокнот принес?

– Обижаете, дон Энрике, – ответил Чезаре. – Тьфу ты, он у меня в пальто, а пальто я отдал вашей девочке.

Эрих сделал круговое движение пальцем, и через минуту дверь приемной бесшумно открылась, и на пороге появилась сопровождающая Чезаре... точнее, не она, а ее почти точная копия – эта была немного более полногрудой, и волосы были темнее.

– Принесите пальто дона Корразьере, – велел Райхсфюрер. – Несите осторожно.

– Так точно, – отчеканила дама. – Кстати, у него телефон звонил, четыре раза подряд.

– Давно? – уточнил Чезаре.

– Да вот только что, – ответила девушка. – Возможно, сейчас он тоже звонит.

– Тем более, несите быстрее, – велел Эрих.

---

¹⁷ «Химмлишьтойфель» (Himmlicheteufel IDS, MBV) – гиперзвуковой воздушно-космический бомбардировщик. Выпускается компанией «Мессершмит-Бельков-Бломм» (до этого – концерном EAS) с 2025 года. Все выпущенные самолеты поступили только на вооружение ВВС Германии;

¹⁸ TL74 – Taktisches Luftwaffengeschwader 74, авиаэскадра Люфтваффе. До 1991 года носила имя Вернера Мельдерса, асса Люфтваффе, генерал-инспектора Люфтваффе во время Второй мировой. Затем ее этого наименования лишили, но после ЕА Райхсфюрер вернул эскадре имя. Вооружена 45 ВКС «Химмлишьтойфель» и 30 аэрокосмических истребителей «Люфтойфель» ADV-S;

Сладкий вкус предательства

Вода оглушительно шумела, наполняя ванну. Пьерина никогда не экономила воду, поэтому нередко забывала о том, что открыла кран. Вспоминала она об этом только тогда, когда струи тёплой, сдобренной ароматом цитрусовой эссенции воды потоком изливались на кафельный пол. Как сегодня. Хотя нет, сегодня, плотно сжимая губами сигарету, шипя проклятия, Пьерина всё-таки успела вовремя. Лишь небольшая лужица на полу, на которую женщина, нисколько не стесняясь, бросила одно из пушистых махровых гостиничных полотенец. Немного погодя на пол полетела шёлковая пижама, купленная когда-то в Париже, и не выброшенная на помойку истории лишь потому, что хозяйка её прикипела к вещице всей душой. Одна из немногих слабостей из прошлого. Как мундштук из вишнёвого дерева и заколка-гребень, покрытая чёрным лаком и расписанная японскими иероглифами. Как раз ею Пьерина сейчас и заколола свои свежеекрашенные каштановые волосы повыше. Перед поездкой в Берлин она сходила в парикмахерскую и избавилась от доброй половины вьющихся прядей, к вящему неудовольствию Чезаре, поэтому сейчас до сих пор чувствовала себя несколько непривычно.

Вода оказалась немного горячее, чем хотелось, но, тем не менее, Пьерина откинулась на бортик ванны, с наслаждением расслабляясь в ароматном пару. Она не особо доверяла статьям в журналах, но скорее всего кое в чём они не вдали – ароматерапия действительно настраивает на особый лад тогда, когда это требуется. Сейчас Пьерине требовалось успокоение. Нельзя сказать, что нынешнее положение дел её пугало или поселяло в душе ощущение гнетущего, изматывающего беспокойства. Нет, ничего такого, а в сравнении с прошлым, можно было сказать, что сейчас дела обстоят просто волшебным образом. Но всегда в сознании неаполитанки присутствовало нечто, то заставляло её испытывать волнение. Как теперь, например. Чезаре отправился по делам, а когда он отправлялся по делам, то Пьерине никак не удавалось возвать к спокойствию. Она всё ещё не могла примириться с мыслью, что муж её уже не мафиозо, а политик, и для него «отправиться по делам» означало ныне посетить кабинет какого-нибудь министра, а не банк. В дорожном белом пальто, а не с чулком на нагло прекрасной физиономии.

Воспоминание о банке и физиономии мужа заставило Пьерину улыбнуться. Она потянулась было за пачкой сигарет, но с досадой обнаружила, что оставила зажигалку на комодике в комнате. Пришлось вылезти из тёплых водных объятий и идти за ней, попутно заливая пол водой, резвыми струйками, стекающими по обнажённому телу. Большое зеркало в спальне отразило хрупкую фигурку с бледной кожей и выпирающими костями. Пьерина поймала взглядом собственное отражение, раздражённо повела плечами, и схватила с кровати скомканное полотенце, которое не так давно извлекла из чемодана. Огромное, как покрывало. Желание возвращаться в ванну испарилось. Лучше уж выкурить сигарету, так сказать, на суше. Щёлкнула зажигалка, Пьерина сделала первую затяжку, попутно цепляясь пальцами за замок заколки. Волосы упали на плечи. Зеркало услужливо подсказало женщине, что новый оттенок волос ей идёт и даже выгодно оттеняет бледность щёк.

Ее кожа всегда была слишком бледна для уроженки Неаполя. Ее мать, Карлотта Мерканданте во всем винила ее отца, которого Пьерина почти не знала – так, видела пару раз. Дон Августо на момент зачатия Пьерины был простым капореджиме семьи Ла Торентино, не самой крутой ячейки каморры. Но потом его дела пошли в гору. Сначала Августо сменил у руля клана дона Фабио Торентино, убитого каким-то ревностным последователем Коррадо Катани во дворе собственного дома, а затем – когда вытеснил с терминалов «контейнерной тройки» обосновавшихся там албанцев. Албанцев не любили все, но задирать боялись, те шли по полному беспределу. На несчастье пришлых отморожков, у Августо в жизни сложились определен-

ные обстоятельства, напрямую связанные с появлением на свет Пьерины, от родства с которой тот отрещивался так же, как кардинал Руджеро¹⁹ от обвинений в педофилии.

Тем не менее, сходство с отцом, наполовину греком, у Пьерины было; еще больше она напоминала свою бабушку по отцовской линии, но об этом она так и не узнала – шансов познакомиться с доньей Зоей у нее не было никаких. По вине матушки, конечно – едва ее задержка продлилась дольше десяти дней, предприимчивая Карлотта стала досаждать Августо сначала предложением отправиться к алтарю (а такой подарочек ему и даром не был нужен, с учетом репутации матушки Пьерины), затем – требованием алиментов. Ворочая миллиардами²⁰ и разезжая по Неаполю на Ламборджини Кунташ, затем – на Ламборджини Дьябло, Августо числился безработным и даже посещал биржу труда, в кафетерии которой (довольно приличном и относительно дорогом, а потому постоянно полупустом) встречался с другими капо. Так что решить проблему через суд Карлотта не могла, но, по меткому выражению Чезаре, относившемуся к своей теще с почти сыновьей любовью, энергии этой милой женщины хватило бы на то, чтобы освещать и обогревать всю Кампанию круглый год даже в самую суровую зиму. В конце концов, когда другие капо начали уже сочинять анекдоты про Августо и Карлотту, а дон Торентино всерьез стал намекать своему капореджиме, чтобы он non compare un coglioni и прогулялся с Карлоттой до ближайшего падре, раз уж не успел вовремя вытащить, доведенный буквально до бешенства, Августо признал свое отцовство, и пообещал Карлотте материальную поддержку при условии держаться со своим приплодом подальше от него и его знакомых.

Чтобы восстановить репутацию, Августо пришлось пойти на крайние меры, и вскоре сам дон Фабио назвал его своим преемником, и как раз вовремя – наступали девяностые, мигранты из стран бывшего соцлагеря хлынули в Италию, и в их числе было всякой твари по паре, а уж криминальных – так и по семь пар. Местным это не понравилось, и они принялись решать проблему проверенным методом физического устранения пришлых. А это уже не понравилось итальянской полиции, поскольку наличие трупов с огнестрелом на улицах не способствовало росту туристической привлекательности Италии.

Августо упекли за решетку, где он вскоре помер от язвы с прободением; Карлотта с маленькой Пьеринкой, которая на момент смерти биологического отца едва пошла в школу, на полном ходу влетела на мель. У нее был купленный Августо бар, и Карлотте, наступив на горло своей песне, пришлось заняться бизнесом вплотную. В процессе этого она пару раз оказывалась на шаг то от тюрьмы, то от недобровольного дайвинга с портового причала, но как-то обошлось. Зато все свое зло за такую *la vita di merdoso* она сгоняла на бедной Пьерине. Попутно используя в своих целях ее рано проявившуюся привлекательность... нет, она не торговала дочерью, *salve la Santa Madonna*, хотя порой и угрожала отправить ее на панель. Но, с подачи донны, точнее, доньи Карлотты Пьерина с самого раннего возраста стала пользоваться своей привлекательностью, чтобы посетители бара как можно больше оставляли на кассе общеевропейских купюр. Ей это удавалось, хоть подчас она и сильно рисковала. Со временем Пьеринкой овладела какая-то обреченность – она понимала, что, рано или поздно, найдется кто-то, кого остановить не удастся. Пару раз она порывалась бежать, но всякий раз возвращалась.

Когда кошмар Пьерины едва не сбылся, все изменилось. Ее почти затащили в одну из кабинок фальшивого третьего туалета бара, когда оттуда вышел некий юноша, справивший там нужду, по простоте душевной не заметив, что кабинка не предназначена для подобного надругательства. Юноша среагировал молниеносно – одним движением выдернул из джинсов ремень, намотал на кулак пряжкой на костяшки и раскроил скулу одному из обидчиков Пье-

¹⁹ Кардинал Руджеро Каннели, осужденный за педофилию сразу по принятию сана в 2021 году. Последний (на 2035 год) педофильский скандал в римо-католической церкви;

²⁰ Лир. Обменный курс лиры к евро ~ 2 000:1;

рины, бывшему, к тому же, из первой волны «понаехавших» с той стороны Тунисского пролива.

Его напарник, которого пока не защищали законы Евросоюза о мигрантах, попытался отомстить парню с помощью подручного средства, в просторечье именуемого «нож-бабочка». Лучше бы он этого не делал – Пьерина, перепуганная до зубного цокота, даже не поняла, как, но незадачливый потомок тунисских пиратов покинул бар с «бабочкой», кокетливо торчащей у него чуть ниже лейбы, сообщающей заинтересованным лицам, что его брюки имеют отдаленное родство с знаменитой продукцией предприимчивого еврея Леви Страуса. Пообещав напоследок сравнить бар с лица земли через пять минут, а уж Пьерине устроить такое, чего даже в порнухе для извращенцев не покажут.

Парень, представившийся Чезаре, посоветовал Пьерине не хипишевать, поскольку она под защитой самого Чезаре Корразьере. После чего пригласил в кино, а затем вышел на террасу бара, где оккупировал столик, и стал ждать.

Подранки вернулись час спустя в компании таких же отбитых корешей. Чезаре встал из-за стола, держа руки в карманах китайской ветровки, и посоветовал шобле пойти и удовлетворить друг друга орально, раз у них такие губы пухлые. Щелчки выкидывали разных моделей слышала, наверно, вся улица, а тугие на ухо точно слышали то, что за этим последовало. Карманы ветровки синьора Корразьере содержали небезобидный груз в виде пары полуавтоматических «Беретт» без глушителей, так что концерт в честь юной Пьерины слышно было хорошо. Стрелял Чезаре еще лучше, секундная стрелка не обежала полного круга, прежде чем одиннадцать друзей в жопу раненого араба с ним включительно дружно улеглись живописной грудой прямо перед террасой бара Карлотты.

Чезаре деловито проверил степень помёрлости каждого, пнув носком выдавшего виды ботинка в лицо, довольно поцокал языком, послал в окошко еще более бледной, чем обычно, Пьерине, воздушный поцелуй, вывернул ветровку наизнанку, превратив ее в черную, и скрылся в одном из переулков как призрак, которыми Неаполь небогат. Оставив на память донье Карлотте, кроме кучи трупов, кучу проблем в виде визита сбирской бригады, ни на йоту не поверившей, что геноцид тунисских беженцев был устроен без участия хозяйки бара. В конце концов, Карлотту упекли в кутузку на три дня. Пьерина первую ночь переночевала прямо в участке – домой идти она боялась.

Однако наутро добрые и отзывчивые сбирсы сообщили ей, что участок, в общем-то, не гостиница, а у Пьерины есть легальное место проживания – квартирka непосредственно над баром Карлотты. Получив от последней инструкции, на три четверти состоявшие из не особо цензурного описания морального облика самой Пьерины, девочка (на тот момент Пьерине едва исполнилось пятнадцать) отправилась домой.

* * *

Роскошный номер лучшей гостиницы Нойерайха, конечно, мало чем напоминал тесную квартирку на втором этаже дома, недостаточно старого, чтобы считаться памятником архитектуры, но вполне ветхого, чтобы не быть комфортабельным жильем, неаполитанского дома, но сейчас, оставшись одна, Пьерина почему-то вспомнила, как ей тогда было страшно. Она была согласна выслушивать непрерывную ругань матери (а ругаться Карлотта умела и, можно сказать, любила), лишь бы вот так вот не дрожать в одиночестве. К закрытому бару то и дело наведывались завсегдатаи разной степени нетрезвости, и громко выражали свое недовольство отсутствием привычного хмельного досуга. Пока все ограничивалось словами, но Пьерина сильно боялась, что, с наступлением темноты (заведение Карлотты, как и многие другие, игнорировало постановление муниципалитета о запрете ночной торговли) посетители могут предпринять какие-нибудь совсем уж агрессивные действия. Потому она не зажигала огня, и сидела тихо, как мышка. Но это ей не помогло: стоило сумеркам сгуститься, Пьерина с ужасом услы-

шала стук чего-то тяжелого на крохотном балкончике, выход на который был с кухни – как раз над козырьком входа в бар.

Из оружия у девочки был только двузубый рашпер, которым Карлотта орудовала на кухне. Сжавшись на кровати, Пьерина с ужасом прислушивалась к происходящему. На балконе что-то постукивало, затем скрипнула дотоле закрытая изнутри дверь балкона, и раздались шаги. Шаги сопровождались словами:

– *Che cazzo*, за кого меня держат в этом доме? Моя фамилия не Борджиа, и здесь, *cazzarolla*, не Фаэнца.

– *Vanfaculo, pezzo di merde!* – взвизгнула Пьерина. – У меня пистолет, я тебя, *merdoso*, застрелю *per madre de cazzo!*

– Из чего, из вилки? – спросил Чезаре, вваливаясь в комнату. На руке у него телепалась небольшая корзинка, вроде тех, что берут на пикники. – Не ссы, подруга, не обижу, а если и обижу, то не больно. Я тебе тут похавать принес.

– *Che cazzo?* – спросила Пьерина со смесью испуга и злости. – У меня тут бар внизу, с голоду не подохну.

Чезаре пожал плечами:

– Говорят, за чужой счет даже горчица сладкая. И у меня тут вино, не абы какое – я его спер у Белендони.

– Гонишь, – не поверила Пьерина. Винный магазин Белендони был одним из самых респектабельных магазинов Неаполя, и, пожалуй, самым дорогим.

– Клянусь святым Януарием, – серьезно сказал Чезаре, плюхаясь прямо на ковер, несмотря на наличие в комнате пары ротанговых стульев и дивана, который, впрочем, был занят перепуганной Пьериной. – Сама посмотри, тут и клеймо есть.

– Да кто тебя туда пустил бы, босяка? – фыркнула Пьерина. – Небось, нашел на помойке бутылку, налил ослиной мочой...

– ...и запечатал фирменной сургучевкой Белендони, ага, – кивнул Чезаре, сноровисто распаковывая принесенные гостинцы – постелил скатерть, выставил деревянную подставку с двумя бутылками, действительно запечатанными сургучом «магазина для богатых», поставил пару бокалов, и теперь извлекал все остальное, включая свежее выпеченную ковригу казафоне, пахнувшую так, что у полтора дня ничего не евшей Пьерины слюнки потекли. – Слезь оттуда, присоединяйся... ты какое вино любишь, белое или красное?

– *Cazza'store*, – тем не менее, Пьерина, отложив вилочку, скользнула вниз с дивана на ковер. – Я буду то же, что и ты. Мало что ты в бутылку подсыпать мог...

– Тогда уж не я, а дон Белендони, – заметил Чезаре. – Начнем, пожалуй, с белого. Слушай, я понимаю, что малость вам подгадил....

– *Che cazzo*, малость у тебя в штанах! – съязвила Пьерина. – К твоему сведенью, моя матушка в сбирятнике, злая, как *cazza del diablo*, под окном весь вечер трутся какие-то *merdoso* вроде тебя, вот-вот полезут на приступ...

– Не полезут, – ответил Чезаре, не глядя на Пьерину – он разливал вино. – Видишь ли, я об этом позаботился. А в остальном, конечно, ага... нет, а что, я должен был смотреть, как эти черножопые драть тебя будут, что ли?

Пьерина задумалась:

– Вообще-то, если честно, ты мне правда сильно помог... толку то от этой помощи, кажется, мне ничего другого и не светит, у матушки в баре...

– *Ten'cazzo!* – Чезаре чуть не перевернул бокал, который только что наполнил. – Теперь все, кто к тебе полезут, будут иметь дело со мной.

– Да скорее Папа в Мекке мессу справит, – отрезала Пьерина. – Матушка теперь тебя на пушечный выстрел не подпустит, после трех суток в сбирячем логове, мечтатель. Кроме

всего прочего, мы потеряли благодаря тебе, трехдневную выручку, а налоги все равно плати. Cazzarolla, в следующем месяце опять одними бобами питаться будем.

Чезаре прокашлялся:

– Вот что... ты, это, передай матушке, что я, типа, возьму. Может, не прямо завтра, как карта ляжет.

– И где ты возьмешь такие бабки? – фыркнула Пьерина. – Или ты думаешь, что мы тут за гроши корячимся, stronzo? Речь идет про две-три тонны зелени, bambino.

– Я, cazzarolla, понимаю, что не франков КФА, – ответил Чезаре. – Я, между прочим, не cazza canino, а Чезаре Корразьере.

– По-моему, это одно и то же, – фыркнула Пьерина, в душе удивляясь собственной наглости. Вчера она видела, как этот паренек, больше похожий на красавчика с подиума (хотя и без присущего тем оттенка голубизны) с милой улыбкой завалил толпу охреневших ливийцев, или хрен пойми откуда приехавших, а сегодня хамит ему, типа тот ее старший брат или че.

– Ну, у тебя и язык, мелкая, – улыбнулся Чезаре. – Гляди, могу отшлепать так, что не сядешь потом. Ты выпей вина-то, да заточи чего – на меня еще налюбуйся, пока донна Карлотта не вернется.

– Донья, – поправила его Пьерина, не зная еще, что вот так поправлять его ей придется еще долгие годы...

...увы, но с большими перерывами, о которых Пьерине хотелось забыть.

* * *

Пытаясь отвлечься от грустных мыслей, Пьерина стала думать, чем бы ей заняться. Рас-теревшись до боли полотенцем и вновь облачившись в пижаму, она всё равно мёрзла, пусть даже в номере было достаточно тепло. Свой халат она в спешке забыла дома и поэтому тут же схватила тёмно-синий халат Чезаре, который сама же высмеивала, за чрезмерно претенциозно киношный стиль. От скуки, она снова вставила в мундштук очередную сигарету, вытряхнув в пепельницу в виде черепа («симпатичная... надо прихватить перед отъездом» – подумала она рассеяно) предыдущую, которую успешно забыла, сделав только две-три затяжки. Пьерина курила довольно крепкие, сладковатые кубинские сигариллы, которые и до ЕА было не достать, а теперь и подавно. На Кубе стояли русские, они, кажется, на корню выкупали всю местную табачную продукцию для своих вооруженных сил, и в Европу попадали жалкие остатки, а до Италии добиралось и того меньше. Тем не менее, Чезаре всегда доставал ей ее, как он выражался, «отраву» в нужных количествах – то есть, по полсотни пачек в месяц. Сам он курил редко, и предпочитал сирийский «Кэмел», довольно вкусный, но для Пьерины критически слабый.

Ей редко требовалось больше двух – трех затяжек крепкого, горько-сладкого полынного дыма, после чего сигареты, как правило, мирно дотлевали в пепельнице, хотя иногда, вспомнив, что, she cazza, она же курит! – Пьерина брала недотлевшую сигарету и делала еще две – три затяжки.

Курение с перерывами. Любовь с перерывами. Счастье с перерывами...

Пьерина активно поддержала сомневающегося Чезаре, когда дон Энрике, то бишь Эрих Штальманн, предложил тому стать новым капо д'Италиано, вождем обновленного Рима. Правда, Рим пока еще был в руках проеэсовского правительства, но Пьеретта верила, горячо верила, что Рим падет к ногам ее мужа. Это было бы справедливо.

В глубине души Пьерина мечтала отомстить. Не кому-то лично – она жаждала отомстить самой Системе. Она спала и видела, как парламентскую республику Италии сжимает стальной кулак тоталитаризма, и под его металлическими фалангами трещат, разрушаясь, структуры «демократической власти» – суды, прокуратура, полиция и жандармерия. Но даже этого ей было мало – она мечтала увидеть, как созвездие ЕС звездопадом осыплется с педерастически – голубого флага.

У ее преданности Ордунгу были причины простые, оттого крепкие – ненависть, презрение, доходящее до тошноты желание отомстить.

Заметив на специальной подставке проектор голографического телевиденья, Пьерина удивилась. Она не думала, что в Нойерайхе есть общественное телевидение. Это ее заинтересовало. Поискав пульт управления, Пьерина обнаружила его на полочке того же столика. Собственно, «столешница» этого столика и была проектором голографического сигнала.

– Интересно, – Пьерина почти никогда не разговаривала сама с собой, но сейчас, оставшись одна, почему-то заговорила вслух, обращаясь к пепельнице, чьи глазницы безмолвно тарасились на неё, – что смотрят в Нойерайхе? Небось, сплошь и рядом какая-то нуднятина идеологизированная.

Несмотря на пренебрежительность ее слов, Пьерина ничего не имела против идеологизированной нуднятины. Порядок – вещь довольно скучная, хаос всегда веселее, но всегда намного опаснее.

Она наугад приложила палец суховатой руки с темным матовым лаком на ногтях, еще более темным на фоне бледной коже, на сенсорную панель. Панель дистанционки ожила, и Пьерина щелкнула кончиком ногтя по цифре восемь. Восьмой канал ничем не хуже всех остальных.

Над «столешницей» поднялся столб света. На миг в нем вспыхнула надпись: «уровень доступа второй, согласно директивному предписанию...» – номер предписания Пьерина не запомнила. Затем над столом появилось сердитое лицо мужчины в фуражке цвета фельдграу. Лицо мужчины было обезображено огромным шрамом, глаз, который этот шрам пересекал, был белым, словно вовсе не имел радужки.

– ...на карте планшета между ними сантиметр, и эти Scheiße думают, что и в жизни от Калиша²¹ до Лозе²² доплюнуть можно. Да, времени у пшеков было немного, но они сумели создать там мощный укрепрайон, да еще и блокировали нам возможные альтернативные направления удара зонами затоплений! Я говорил, что Райхсверу нужно больше боевых экранопланов, вместо этого мне присылают батальон «Леопардов-3»! Танки, конечно, хорошие, но летать не умеют, равно как и плавать.

– Но ведь мы взяли Лодзь! – воскликнул невидимый собеседник мужчины со шрамом. У того на лице появилось выражение, от которого Пьерина еще глубже закуталась в свой плед:

– Мы?! Герр Кауфман, **Вас** я на передовой не наблюдал. Более того, все мои попытки связаться с руководством Люфтваффе, когда гетьман Войска Польского Гусман аль-Мансур нанес контрудар, и была возможность, что второй корпус не выдержит и отступит, оказались напрасными. Знаете, что мне ответили ваши телефонистки?

– Quo cazzo, что они тебе ответили, – пробормотала Пьерина, легким движением пальца переключаясь с восьмерки на девятку. Девяткой оказался... французский TF1. Двое юношей, белый и чернокожий, смачно целовались во весь экран, тиская друг друга весьма и весьма однозначно. Затем черный взял белого под руку и увел в закат. Этот ролик Пьерина уже видела, и не раз – реклама презервативов «Контекс». Однако, вместо рекламы, появился явно «перешитый» субтитр:

«Гомосексуализм однозначно ведет к дисфункции личности и появлению психических отклонений. Педерастия является нарушением гражданского кодекса Ордунга и является основанием для немедленной дегуманизации по категории б, вне зависимости от наличия или отсутствия имени, прав и заслуг. Категория б означает Дезашанте».

Последние слова были выделены красным.

---

²¹ **Калиш** – немецкое наименование польского города Калущ;

²² **Лозе** – немецкое наименование польского города Лодзь;

– Круто, – улыбнулась Пьерина, но улыбка у нее вышла какая-то злая. – Интересно, это Дезашанте действительно так страшно, как о нем говорят?

Что такое Дезашанте, за пределами Нойерайха никто толком не знал, но все знали, что на земле нет ничего хуже, чем Дезашанте. Это слово, переводящееся с французского как «разочарование», внезапно стало для всей Европы страшнее всех иных слов. Все началось с того, что несколько высокопоставленных лиц по обе стороны океана внезапно пропали, а затем их близкие получили по электронной фотке «открытки». На них были пропавшие, поодиночке, стоящие у какого-то каменного обрыва. Подпись к открытке гласила: «привет из Дезашанте».

Пьерина видела несколько таких «открыток» – во Франции, где ей довелось пожить немного, их показывали по головидению. Если бы ей передали чье-то мнение о них, она бы отнеслась к нему со своим извечным скепсисом, но не в этом случае. Люди на снимках-гифках были разными – сильными и слабыми, мужественными или изнеженными, они представляли разные сферы деятельности: политику, финансы, промышленность, вооруженные силы, секретные службы, церковь, науку, культуру...

Среди них были мужчины и женщины, молодые и пожилые, были люди разных рас и национальностей, но объединяло их одно.

Люди замечают только самые сильные эмоции, или те, что стараются показать намеренно. Даже в жизни, а на гифках так и подавно. «Открытки» не были постановочными, хотя многие готовы были считать их такими – наверно, чтобы оградить себя от жестокой правды.

У людей с «открыток» не было никаких следов пыток, они не выглядели изможденными, не казались одурманенными. Но одно у них было общим. Не страх, есть нечто, еще более страшное, чем страх. Под воздействием страха мы бежим, мы стремимся спастись. У людей с открытки бежать, вероятно, было некуда.

Все эти люди были поражены отчаяньем. Поражены настолько сильно, что их отчаянье заставляло вздрогнуть буквально каждого.

* * *

Пьерина поймала себя на мысли, что ее Дезашанте отчего-то вовсе не пугает. Вообще, ее теперь больше ничего не пугало, после всех «американских горок», которые ей устроила судьба. К тому же, чем больше она узнавала об Орднунге, тем больше он ей нравился. Даже то, что феминизирующих дам здесь ставили на место. Пьерина, как и ее мать Карлотта, всегда была сильной женщиной, что не мешало ей в отношениях с Чезаре. Она могла орать на него, обкладывая его отборным матом, который он, похоже, воспринимал совершенно нейтрально, пару раз она даже царапалась и кусалась. Но кто капитан на этом корабле, Пьерина знала безо всяких оговорок. Впрочем, в отношениях с ней и Чезаре не пытался строить из себя «капо пляжа Напо». Разница в возрасте у них была минимальна – он родился на Рождество восемьдесят шестого, она – в ночь на первое мая восемьдесят седьмого, но он всегда называл ее «мелкой», типа сам был намного старше. Хотя жизненного опыта у Чезаре действительно было намного больше. Воровать он начал с пяти лет, стрелять – с семи, первый раз сделал кости уже в восемь. Стрелял он вообще как дышал – никогда не целился, пистолет казался продолжением его руки.

В двенадцать Чезаре уже имел привод в полицию, а к моменту их с Пьериной знакомства побывал в нескольких «реабилитационных центрах», где набрал себе компашку таких же оторв, сразу увидевших в нем лидера, вожака. «Фюрера», усмехнулась про себя Пьерина.

Первая женщина у него была в тринадцать, как раз на его день рождения – тогда дон Маркантонио Контини, племянник, или еще какой родственник небезызвестного Эдоардо и капо его семьи, пригрозил шайку Чезаре, поскольку убедился, что ребята в работе дадут фору почти любому взрослому. Он же и отправил к Чезаре одну из девиц, которых, кроме всего прочего, крышевали его ребята.

А у Пьерины первым мужчиной стал сам Чезаре. И остался, как ни странно, единственным, хотя в это практически невозможно было поверить.

Она переключилась на десятый канал, поскольку внезапно почувствовала отвращение к французскому каналу: на TFI шла какая-то передача в стиле «ассорти», где разные обрюзгшие, но молодящиеся эксперты обоего пола обсуждали разные новости – от политики до спорта, от курса евро до сплетен из серии, кто кого трахал. Пьерина хорошо знала этих людей, и знала, что в жизни они еще хуже, чем на экране. Они олицетворяли собой старую Францию, стареющую, но пытающуюся быть модной и современной. И эту Францию Пьерина ненавидела по многим причинам, в частности, от разочарования той дегенерацией, которая случилась с этой некогда романтической страной...

На одиннадцатом был канал Райхскультуры. Пьерина оживилась: культура ее интересовала. Точнее, когда-то интересовала, хотя именно с этой областью были связаны одни из самых неприятных воспоминаний ее жизни...

* * *

...Они должны были жениться в мае две тысячи пятого года. И у Пьерины, и у Чезаре были важные причины спешить. Чезаре, на то время уже капореджиме у дона Контини, чувствовал, что над семьей сгущаются тучи – с одной стороны, правительство Италии пыталось как-то прекратить все нарастающий экспорт зелья через Алжир и Тунис – воротами этого экспорта был Неаполь, а привратниками – семьи каморры. Парадоксально, но семья Контини никогда не была связана с оборотом наркоты, хоть и контролировала часть порта. И это было второй причиной – другие, менее принципиальные семьи, спали и видели, как семью Контини рассаживают по клеткам, а их ленные владения открываются для потоков наркоты, нелегалов и оружия... то есть, денег для тех, кто это крышует.

Семья Контини готовилась воевать на два фронта – против сбиров и против своих. Были подготовлены «лежки» и «фортеции», схроны с оружием и деньгами, даже пути для отступления.

Чезаре ничего не скрывал от Пьерины. В Неаполе омерта всегда была понятием довольно эфемерным, итальянцы юга вообще люди эмоциональные, но если эту эмоциональность возвести в квадрат, получится неаполитанец. Кроме того, Чезаре всегда доверял Пьерине со странной беззаботностью сильного человека. Словно чувствовал, что она никогда не предаст его. Словно мог каким-то телепатическим путем пролезть к ней в душу и прочитать ее скрижали.

– Тут, cazzarolla, ситуация такая, либо ты nella corona, или per buca di culo, с равной вероятностью. Может, я завтра проснусь доном, может, вообще не проснусь, che cazza...

– И чё? – Пьерина, лежавшая в костюме Евы на шикарном персидском ковре с длинным ворсом, который где-то спер Чезаре специально для их забав – непонятно, почему, но юный капореджиме к кроватям любой конструкции относился со стойким предубеждением.

– Подумай, мелкая, – серьезно сказал Чезаре, на котором одежды было не больше, чем на Пьерине, – тебе надо такое счастье? Che cazza, сбирь совсем берега потеряли, и наши друг другу готовы глотки рвать. Сраные бабки, чтоб их...

– Так, mio caro, ты что, прыгнуть, что ли, собрался? – Возмущенная Пьерина моментально вскочила на ноги, уперши руки в боки, точь-в-точь как ее матушка при упоминании Чезаре, особенно в качестве возможного зятя. – Я тебе, testa di cazzo, покажу прыгивать! Убьют его, видите ли... neanche cazza!

– Я рад, что ты со мной, – заметил Чезаре, поднимаясь на ноги с ковра, на котором лежал. – Хотя и чувствую себя pezzo di merde, что втягиваю тебя в эту buca di culo alla baleno... тогда слушай сюда: между Салерно и Торре-Аннунциата есть коммуна Риззоли. Выращивают шикарные оливки и виноград. Если со мной что-то случится, поезжай туда. Спросишь донну Кьяру. Она отдаст тебе чемодан, там деньги и пара стволов получше. Твоя «Беретта» при тебе?

– Сейчас – нет, – ответила Пьерина, усаживаясь по-турецки, и любуясь античной фигурой Чезаре. Красивых мужчин не так много, как красивых женщин, красивых мужчин без голубизны и тараканов еще меньше, а Чезаре был по-настоящему красив, как статуя Давида Микеланджело. – Я голая, куда я ее засуну?

– *Che cazzo*, очень смешно, прям сейчас обоссусь, – заметил Чезаре, роясь в своей спортивной сумке, поверх которой кучей лежала его одежда. – *Cazzarolla*, да где ж оно, *madre di putana!* Держи ствол при себе, когда меня нет рядом. Если меня заметут, перебедаешь у Кьяры, пока я не сорвусь; если... – он вздохнул. – На похороны не ходи, лучше сразу в Ризолли, а потом – подальше отсюда, в Америку, например. Усекла? Денег там прилично, хватит, чтобы устроиться.

Он что-то достал из сумки и направился к сидящей Пьерине. Она хотела сказать, что не хочет. Не хочет, чтобы с ним что-то случилось. Хотела предложить бросить все и уехать куда-нибудь, в ту же Америку. Хотела, но не успела.

Чезаре присел на колени и сказал:

– Вот что, мелкая, все это, конечно, очень интересно... знаешь, ты ни разу не требовала у меня ничего и почти ничего не просила. Мелочи не в счет. Иногда мне казалось, что ты вообще на меня клала прибором, но... эх, не умею я говорить красиво без мата. Короче, *saia mia*, я тут вот-что подумал...

Но Пьерина уже поняла – руки Чезаре, непривычно неподвижные (обычно, когда он говорил, руки следовали его речи, словно он был сам себе сурдопереводчиком, хотя такие жесты ни один сурдопереводчик себе не позволит), сегодня несколько опережали его речь, и, прежде чем он закончил фразу, красивые сильные пальцы, более подходящие пианисту или ювелиру, чем бандиту, уже вскрыли маленькую бархатную коробочку, в которой на алом атласе лежало потрясающе красивое кольцо, усеянное мелкими бриллиантами, словно неизвестный ювелир стащил с неба и свернул колечком кусочек Млечного пути.

– 'Но *rubato*? – тихо спросила она, хотя, по большому счету, это не имело никакого значения.

– Обижает, – ответил Чезаре, улыбаясь. – Я на три месяца освободил Либштейна с Кривого переулка от всех выплат, но сказал, чтобы он сделал мне что-то такое, чего ни у кого нет, и никогда не будет. Мне кажется, старику удалось, или ты считаешь, что нет?

– Удалось, – кивнула Пьерина.

– Так что, – осмелел Чезаре. – Согласна прогуляться до алтаря, и выйти оттуда донной Корразьере, на зависть своей матушке?

– Еще бы, – и причина для этого у Пьерины была весьма веская. – Прошло три с лишком года со дня первого появления Чезаре в ее жизни, но Карлотта не только не сменила в отношении последнего гнев на милость, но с каждым днем все больше распалась, и последнее время называла Пьерину не иначе, как *troia di caccare Barracca*.

А Пьерина любила Чезаре. Она стала бы его женой и без придирок матери. Последние повлияли только на скорость принятия решения.

– *Donna di Barracca* звучит лучше, чем *troia di Barracca*, – Пьерина обвила шею Чезаре своими худенькими ручками. – Но придется подождать. Мне до восемнадцати еще три месяца осталось. Не через прокурора же решать этот вопрос, правда?

– *Visa di culo*, что за страна! – кивнул Чезаре. – *Chia vare* можно чуть ли не с пеленок, но так, чтобы потом в этом на исповеди не рассказывать – только с восемнадцати. *Che pallo!*

* * *

После «ералаша» с TFI программа по Райхскультуре показалась Пьерине какой-то умиротворяющей. Спокойный, даже деловой тон ведущей, симпатичной молодой дамочки в забавной, но на взгляд Пьерины, очень милой одежде – белая блузка, поверх нее темно-зеленый корсаж на шнуровке и пышная юбка в тон, все это дополнено фартучком из кружева оттенка

беж – интересно, как это называется? – резко контрастировала с нервным тоном французов, словно боявшихся, что их вот-вот прервет налет каких-нибудь фанатиков, что во Франции случалось с завидной регулярностью.

Дамочка в фартучке сидела в удобном кресле за овальным столиком. Другое кресло занимал гость программы. Например, сейчас в нем расположилась красивая блондинка модельной внешности. На блондинке была некая стилизация на униформу – рубашка строго покроя, с парой накладных карманов на груди и узкая юбка чуть ниже колен, дополняли наряд чёрные туфли на толстом, низком каблучке. Пьерина отметила, что при таких ногах гостя программы могла позволить себе какую угодно обувь. Сама женщина была вообще какая-то элитно немецкая и столь же элитно-красивая, от волной спадающих к плечам золотистых волос, уложенных спереди в замысловатые букли, отдалённо напоминающие знаменитые виктори роллс до носков вышеупомянутых черных туфель.

– Да, конечно, я не могла не чувствовать себя обиженной, – говорила блондинка. – Но уже тогда я понимала высокую цену самодисциплины, которую Орднунг считает одной из главных положительных черт человека. Я пыталась развивать ее в себе, и не прогадала – когда другие девушки слегали с нервными срывами, я продолжала работать.

– А то, что эта работа не востребована, Вас не смущало? – простодушно спросила ведущая. – Ведь Вам прямо заявили, что никогда Вы не подниметесь выше вице-мисс...

– Да, после того, как я не уступила домогательствам этого... – блондинка поджала губы. – Знаете, что я поняла за период моего участия в этих конкурсах? Они говорят, что борются с харасментом, но на деле они борются с теми, кто им неуютен. А те, кто олицетворяют собой их насквозь лживую идеологию, могут проявлять этот самый харасмент столько, сколько влезет. Запад наполнен ложью, как невыжатая губка водой. И выходила на подиум я не за наградами.

– А за чем? – спросила ведущая.

– Я знала, что мое появление ждут миллионы настоящих мужчин и женщин, – сказала блондинка. – И в Германии, и за ее пределами. В нашем испорченном мире неиспорченных людей намного больше, чем кажется. Я хотела порадовать и вдохновить своим появлением достойных мужчин, я старалась показать женщинам Германии, как прекрасна может быть женщина со здоровым, некомерциализированным мировоззрением.

– Вы говорите так искренне, – восхитилась ведущая. – Видно, что Орднунг для Вас очень близок. Вы член Партай?

– Да, по личной рекомендации фрау Магды Шмидт, райхскомиссара культуры и эстетики Нойерайха, – щеки блондинки порозовели. – Когда мне вручали партайбилет, герр Райхсфюрер сказал, что во время ЕА видел бронемашину штурмшютцеуга²³, на борту которой была моя фотография, и штурмфюрер этого отряда сказал, что эта девочка вдохновляет его с ребятами на праведную месть цветным и либерал-компрадорам. Так что он лично считает, что я тоже являюсь участником Августовских событий. Никогда еще мне не было так приятно! Я нашла этот штурмгешютцеуг, теперь они, конечно, команда FSP, и подарила им целую фотосессию с собой.

– Говорят, фрау Магда лично о Вас заботится, и даже приглашает к себе в гости? – спросила ведущая.

– О да! – кожа девушки порозовела еще больше. – Это лестно, но это и большая ответственность, во всех отношениях. Во-первых, геноссе Магда и герр Райхсминистр воплощают идеал Орднунга о семье. Более здоровых и искренних отношений, большей заботы друг о друге и представить нельзя. Во-вторых, фрау райхскомиссар сама является воплощением женской красоты, недаром именно она стала моделью для Фролян дас Райх²⁴. Даже мне нелегко быть

---

²³ Штурмшютцеуг – штурмовые отряды, основная сила ЕА, после окончания которых составили костяк FSP;

²⁴ Фроляйн дас Райх – иногда сокращается до Фрейя, образ «родины – матери» Нойерайха. Изображается в виде обна-

рядом с ней, хоть она и считает, что я не меньше ее воплощаю собой тип Новой немецкой девушки.

– С этим утверждением невозможно не согласиться, – улыбнулась ведущая. – Разрешите последний вопрос, или даже просьбу?

– Конечно, милая, – кивнула блондинка.

– Многие из орднунг-менш, увы, не столь тверды в своих убеждениях, как Вы, Анна-Юлия, – задумчиво сказала ведущая. – Некоторые порой ворчат на существующие в Нойерайхе бытовые и материальные трудности. Вы знаете, что кое-какие даже обыденные предметы сейчас выдаются через систему распределения, а некоторые из предметов роскоши вообще стали недоступным...

– Можете не объяснять, Ильза, – Анна-Юлия протянула руку над столом, словно хотела коснуться ведущей, но взяла только стакан с какой-то прозрачной жидкостью, скорее всего, простой водой. – Я с этим сталкиваюсь постоянно. Например, сложно достать чулки или колготки, даже через систему распределения.

Она отхлебнула из стакана и поставила его на стол. При этом она двигалась плавно и, как подумала Пьеретта, как-то сексуально:

– Милая Ильза, кажется, я поняла Ваш вопрос. Да, мне поступали, поступают и, боюсь, будут поступать сообщения от моих поклонников с Запада. Мне предлагают перебраться туда, меня пытаются соблазнить контрактами с девятью-десятью нулями²⁵, недвижимостью дворцового класса в курортных зонах, полным содержанием...

– И что Вы им отвечаете? – спросила Ильза.

– Цитирую труды фюрера и статьи Райхсфюрера, объясняющего мысли нашего вождя, – улыбнулась Анна-Юлия. – У меня нет чулок? Подумаешь, какая чепуха, зато я живу в нормальной стране, я окружена нормальными людьми, я свободна – потому, что только Орднунг дарует человеку полную свободу. Это может показаться парадоксом, но настоящая свобода не имеет ничего общего со лживой западной свободой. Настоящая свобода – это, прежде всего, свобода от необходимости каждый день лгать самому себе и другим. И такой свободы нет ни в одной стране мира, кроме Нойерайха. Ради этой свободы я готова не то, что без колгот, я могу голой пересечь Берлин в любом направлении. К тому же, будучи уверенной, что со мной ничего не случится, ведь моя жизнь и здоровье, честь и достоинство защищает Райхсполицай!

– Вы такая смелая! – простодушно восхитилась Ильза. – Есть мужская смелость, незабвенные примеры которой нам показали участники ЕА, а Вы – просто воплощение настоящей женской смелости!

– И в чем она заключается? – спросила Пьерина, доставая из сумочки пачку своих сигарет. – В том, чтобы голой по городу расхаживать?

– То же самое мне говорит фрау Магда, – щеки Анны-Юлии стали пунцовыми. – Мне бы очень хотелось соответствовать такой высокой оценке.

– Интересная, должно быть, фиса эта фрау Магда, – задумчиво сказала Пьерина. – Мало того, что задница что надо, так еще и голова, судя по всему, работает. Надо с ней пересечься. К тому же, муж у нее главный тутошний сбир, а иметь своего человек в сбирятнике никогда не помешает, как говорит мой муж, храни его святой Януарий...

– Напоминаю, что через полчаса в нашей программе премьера голофильма «Небеса достать рукой», снятого Максом фон Неккаром. В фильме рассказывается о гениальном сыне немецкого народа, Ойгене Зенгере...

женной женщины с распущенными волосами, вооруженной мечом и щитом. Порой изображается верхом или в колеснице. Моделью для Фроляйн дас Райх является Магда Шмидт;

²⁵ После краха биткойновой пирамиды почти все валюты мира сильно просели, и особенно – резервные валюты МВБ. В 2030 году тысяча долларов имеет ту же покупательную способность, что один доллар 2010 года;

– В честь которого наш самолетик назвали, что ли? – наострила ушки Пьерина. Ильза не ответила, а продолжила:

– В основе сюжета фильма – малоизвестная история знакомства Ойгена с его женой Иреной Брендт, которая на долгие годы стала не только любовью Зенгера, но и его верным соратником.

– Не люблю слово «соратник», – сообщила Пьерина Ирме, подкуривая. Та, само собой, не отреагировала:

– В главных ролях – талантливые звезды нашего кино, Вальтер Лемке и Катарина Бюлова. А роли пожилого Зенгера и его отца исполнил известнейший актер Томас Вла...

– Первых двух не слышала, – заметила Пьерина, – а третий вроде в НВО жопой крутил, известнейший актер.

– А пока у нас новый гость, – не обращая внимания на выпады Пьерины, продолжила Ирма. – И тоже знаменитость с мировым именем. Более того – этот человек, вполне следуя идеям Орднунга, доказал, что прекрасное и величественное никогда не может устареть. Некогда успешный продюсер, он отрекся от прогнившей западной поп-культуры и присягнул на верность Нойерайху. И именно здесь нашел нечто настолько вдохновляющее, что даже фрау Магда Шмидт оценила по достоинству эту находку. Встречайте: композитор, дирижер и организатор Ульрик ван Нивен.

Пьерина, которая как раз затянулась, и медленно выпускала из носа дым, закашлялась.

– Талантливый КТО? Эй, головизор, у тебя есть голосовое меню?

Ответом была тишина.

– Понаставили старья, а еще втирают, что номер, типа, самый люкс, – заявила Пьерина, вновь потянувшись к сумочке, чтобы взять оттуда портативный компьютер. – Даже распознавания голоса нет.

Тем временем, место, где до того располагалась Анна-Юлия, занял другой человек, и этот тип был Пьерине хорошо знаком. На вид мужчине можно было дать лет шестьдесят, хотя реально он едва разменял полвека. Пьерину удивляло то, что этого мужчину многие считали красивым – на ее взгляд, даже в более молодом возрасте его простецкое лицо красивым назвать мог только тот, у кого вовсе нет даже намек на вкус. Еще более ее удивляли те, кто считали его мужественным – она же всегда видела в его чертах какую-то безвольность, словно изнутри черепа его щеки, губы и подбородок поддерживают тонкие синтетические нити. Возможно, это так и было – по сведениям Пьерины, мужчина, как минимум, дважды обращался к пластическим хирургам.

Ульрик ван Нивен. Имя, бывшее на слуху задолго до ЕА. Выпускник музыкального колледжа Оксфорда и продюсерского факультета Лондонской школы экономики. С конца нулевых Ульрик продюсировал бойз-бенды, и его питомцы не раз брали высшие призы на различных конкурсах, до Евровидения включительно – и вовсе не из-за талантов. Это было очевидно всем, но на подопечных ван Нивена буквально сыпался золотой дождь наград...

(«Золотой дождь, *cazza del diablo*», – думала Пьерина. – «Как символично, *pezzo di merde!*»).

Вспоминая то, что она знала об Ульрике, Пьерина пропустила начало интервью. Ее внимание привлек ответ продюсера на один из вопросов Ирмочки:

– Любой здравомыслящий человек понимает, насколько правильнее Орднунг по сравнению с либеральным пораженческим мировоззрением, – ван Нивен говорил, казалось, вполне искренне, но не так, как до него Анна-Юлия. Как-то по-другому, – ...правильнее, а самое главное – сильнее. Про меня говорят, что я – сильный, властный, и я не стану отрицать, что так оно и есть.

Пьерина фыркнула, довольно зло, и затянулась сигаретой. Точнее, попыталась затянуться – сигарета истлела, и пришлось закуривать новую.

– И, как мужественный и сильный мужчина, я понимаю всю силу Орднунга, – продолжал продюсер. – Я принял его всей душой, я чувствую себя, как форель, сбежавшая из грязной лужи в чистую горную реку. Вы можете спросить меня, не жалею ли я о тех потерях, которые понес, отказавшись от своего прошлого и приняв гражданство Нойерайха, а я Вам отвечу: я не потерял ничего, а приобрел все, что можно.

– И все равно, – Ирма, кажется, была немного обескуражена уверенным, напористым тоном Ульрика. На этом, подумала Пьерина, и зиждется власть ван Нивена – он умело создавал иллюзию своего превосходства, но Пьерина знала, что внутри этого раскрашенного гроба такое...

– Вам показалось неожиданностью то, что Вас сразу пригласили на столь ответственную должность, – спросила Ирма, – или Вы ожидали именно этого?

– Ожидал, – Ульрик поправил браслет дорогих часов на запястье – золоченный корпус, механика с электронными компонентами наноуровня, – поскольку знал, что сильных людей в Нойерайхе ценят по достоинству, и знал себе цену. Я не мог ошибиться, и не ошибся. На первый взгляд, сейчас у меня не слишком высокий статус, я всего лишь руководитель центра музыкального образования Райхсьюгенда²⁶...

– И штатдкомиссар культуры и эстетики Остеррейха, – уточнила Ирма. Ульрик едва заметно скривился:

– Фроляйн Штатдфюрер оказала мне большую честь, – сказал он, подперев щеку указательным и средним пальцем и слегка касаясь безымянным и мизинцем губ. Пьерине этот машинальный жест был хорошо известен, он вошел у Ульрика в привычку очень давно. Когда-то тот делал его, чтобы, как бы невзначай, продемонстрировать окружающим украшавший его мизинец огромный перстень с печаткой.

Перстень был по-прежнему на своем месте, и Пьерину это порадовало:

– Попался, *pezzo di merde!* – зло сказала она. Ван Нивен, тем временем, развивал свою мысль:

– Но, по сути, от меня ничего не зависит. Я лишь слежу за тем, чтобы решения фрау райхскомиссарин выполнялись на территории Австрии.

– Это огромная ответственность, – сказала Ирма, – и огромный почет.

– Да, – ответил Ульрик. – Но... когда ты отвечаешь за что-то, во что можешь вмешаться, что можешь изменить – это одно. Но когда ты вынужден выполнять чужие решения с риском быть наказанным за их несовершенство – тут уж, знаете...

– Неужели Вы считаете, что фрау Магда в чем-то ошибается? – в голосе Ирмы послышались нотки страха. – Это очень серьезное заявление, ведь сам герр Райхсфюрер...

– Ну что Вы, ничего подобного я не говорил, – казалось, страх, словно вирус, распространяется по студии – теперь он сквозил уже в голосе Ульрика. – Альтергеноссе Магда Вольф – верный и преданный Орднунгу партайггеноссе. Речь не об этом...

Он вздохнул, откинувшись в кресле, и сцепил пальцы на коленке. Перстень блеснул на пальце, словно проблесковый маячок, призывающий Пьерину не забывать.

– Поймите, культуру всегда, всегда и везде считали второстепенной отраслью политики. Чем-то неважным, женским, чем-то таким, что можно сделать синекурой для жены верного соратника. Но культура – это основа всего, и, прежде всего – основа Орднунга. Разве можно водрузить этот груз на хрупкие плечи голой Фрейи? Культура – это ноша, посильная только мужчине, атланту...

«На себя, что ли, намекает, *testa di cazzo?*» – подумала Пьерина. – «Тоже мне, атлант-*cazz'ант*».

---

²⁶ Райхсьюгенд – организация, воспитывающая детей-сирот Нойе Райха в духе Орднунга. Создана и лично курируется Райхсфюрером;

– Разве Отечество, великий Нойе Райх может ассоциироваться с какой-то голой девкой? – глаза Ульрика блестели нездоровым блеском, он даже подался вперед. Бедная Ирма с тоскливым выражением лица укладкой покосилась на его запястье, где были часы. Наверно, время смотрела.

– Но ведь фроляйн Карэн, ваш обергаупт²⁷, тоже женщина, – сказала Ирма, и Пьерина одобрительно улыбнулась – а девица-то не промах. Так ему, пидору!

– Это другое, – небрежно отмахнулся Ульрик. – Фроляйн Карэн сделана из особого теста, она такая же волевая, нескгибаемая и мудрая, как наш фюрер.

«В смысле, полудохлая?» – мысленно съязвила Пьерина.

– То есть, существующее положение вещей Вас не устраивает? – продолжала наступление Ирма.

– Ну что Вы, – Ульрих недобро косился на девушку, должно быть, почувствовал подвох. – Die Ordnung für immer²⁸! Но ведь именно Орднунг говорит о том, что начало моральной дегенерации – дефективные идеи феминизма, гомосексуализма, толерантности, разве нет?

– Конечно, – ответила Ирма, несколько растеряно. Но она быстро взяла себя в руки. – Равно как и нелояльность, абсурдная критика альтергеноссе.

– Мы не можем судить тех, кто выше нас, – кивнул Ульрих. – Потому я просто честно и добросовестно выполняю все распоряжения фрау райхскомиссарин. Это дает мне возможность заниматься другими, не менее важными вопросами. Даже более важными, такими, как работа с райхсьюгенд.

– Я слышала, эта ваша работа получила очень высокую оценку, – примирительно сказала Ирма. Вид у Ульриха моментально стал довольным:

– Открою маленький секрет: завтра, в честь Дня Рождения Гроссфюрера, мои мальчишки, – на слове «мальчишки» голос Ульриха едва заметно дрогнул, – участники Райхскапеллы памяти двадцать второго июля, будут петь перед вождем написанную мной лично ораторию Der Triumph von Ordnung. Я нашел потрясающего солиста – юноше нет еще шестнадцати, отец и мать ликвидированы в ЕА, но как же он предан Орднунгу!

Ульрик вскочил на ноги, его трехмерный силуэт смазался: камерный блок не успевал за его движением, он просто не был рассчитан на скоростное перемещение, как, скажем, БКБ разведывательных беспилотников:

– Вот кто должен олицетворять собой Отечество! Настоящий мужчина, сильный, прекрасный, волевой! Даже обнаженным он будет воплощать не слабость и беззащитность, а силу и волю! И если такой подчинится кому-то, то только... только Орднунгу!

Пьерина, сжав зубами мундштук с тлеющей сигаретой, смотрела на трехмерную фигурку ван Нивена. Его щеки потемнели, глаза маслянисто блестели, губы стали влажными, как у девицы.

– Ах ты, merdoso... – прошептала она зло. – Опять за старое? А ведь ты, говорят, даже женился – на какой-то там ирландской американке, которую раскручивал... бедная девочка. Ну, я тебе устрою, *gotto in culo!*

С этими словами Пьерина отложила мундштук, на котором появились следы от ее зубов, и потянулась к сумочке, чтобы достать коммуникатор.

Чезаре сказал ей не звонить ему, но, кажется, дело не терпело отлагательства.

---

²⁷ **Обергаупт** – обобщенное название непосредственных начальников;

²⁸ **Die Ordnung für immer**, сокращенно **ОФИ** – ритуальная клятва Нойе Райха – «Порядок прежде всего»;

Дом у дороги

У ворот усадьбы Райхсфюрера дорога сворачивала на запад, двигаясь вдоль высокого забора, ограждавшего замок Тейгель. Затем бывшая Адельхайдалее сворачивала резко на юг – на этом участке она сохранила прежнее имя; однако, теперь бывший поворот стал перекрестком – от него к западу была проложена новая дорога. Она, как и часть Адельхайдалее от Каролинштрассе до нового перекрестка, получила имя Хершафталее – бульвар владычества, хотя слово Хершафт можно было перевести и по-другому: царствование, господство, правление.

На углу между Хершафталее и Адельхайдалее располагались казармы Райхсьюгенда, похожие на средневековую крепость, но выполненную из бетона и вместо бомбард и баллист оцетинившуюся эфэльками и плазмаверферами²⁹. К казарменному форту примыкало не менее суровое на вид здание электростанции (в глубине которого также находилась артезианская скважина, снабжавшая весь район водой). Затем был небольшой, полудиккий парк между Шихтштрассе и Камерштрассе, а за парком, где никогда не бывалолюдно, расположилось несколько особняков, а, если быть точным, то всего три. В первом обитала чета Шмидтов. Второй занимал Райхсминистр коммуникации фон Немофф со своей супругой и шестью детьми. Следующий, самый близкий к озеру особняк располагался как раз напротив участка леса, знаменитого самым старым деревом в Берлине – Толстой Мари. Этот особняк мало чем отличался от остальных – крытый черепицей цвета спекшейся крови дом из темно-серого, почти черного камня стоял в глубине участка. Дом возвышался на стилобате из того же камня, часть стилобата занимала терраса, под ней был гараж. Сам дом был двухэтажным, за исключением пристроенной с противоположной стороны от террасы трехэтажной башенки с балкончиком, на котором стояла всегда зачехленная эфэлька какой-то особой конструкции, массивнее, чем стандартные.

Террасу наполовину перекрывал широкий балкон. Тот, кто жил в доме, мог бы наблюдать с этого балкона, как в маленьком пруду с небольшим водопадным фонтаном плавают, шевеля золотисто-розовыми плавниками, китайские декоративные карпы, а дальше, за забором и кронами деревьев, за низким строением эллинга, сталисто блестит водная гладь Гросс Мальхе, над которой с севера вздымаются мачты партайхтенклуба «Орднунг фюр иммерн». Несколько яхт этого клуба особняком стояли в старом эллинге, в том числе, «Райхсвольф» Райхсфюрера и «Дерфлингер» Райхсминистра Шмидта. А так же яхта, принадлежащая хозяйину этого особняка.

Если бы сторонний наблюдатель мог несколько дней следить за этим особняком (что было невозможно – вся территория очень строго охранялась райхсполицайгешютце и райхсьюгендами в экзоскелетах), он бы решил, что в здании никто не живет. Действительно, в темное время суток в самом доме не горело ни одного окна, лишь светилось окошко караулки у ворот. Там постоянно дежурили пять человек в танкистской экипировке, при которых было целых два штурмовых экзоскелета – один обходил участок, другой стоял позади караулки, ожидая своей очереди.

Раз в неделю охрана сменялась – к коттеджу подъезжал четырехосный «Боксер» с эмблемой десятой танковой дивизии (черный лев на золотистом закругленном снизу щите; после ЕА к старой эмблеме добавился райхсмаршалский жезл), за ним – старенький кургузый автобус фирмы МАН и еще один «Боксер» – платформа с экзоскелетами и краном. Пока менялся караул, из автобуса выгружалась группа робких безмянных, четыре мужчины и шесть-восемь девушек. Следующие два-три часа мужчины под присмотром одного из танкистов убирали

---

²⁹ **Плазмаверфер PW** – оружие, стреляющее сгустками перегретой плазмы. Сочетает бронепробивной и зажигательный эффект, но потребляет много энергии и топлива для формирования боеприпаса и имеет небольшую дальность стрельбы. PW вооружаются штурмовые танки и стационарные объекты;

территорию – в зависимости от сезона, собирали опавшие листья и ветки, чистили снег, подрезали и красили деревья и даже осуществляли мелкий ремонт, если непогода что-то ломала на участке, что пару раз за полтора года случалось. Девушки, в сопровождении одетой в черную полицейскую форму дамы, входили внутрь особняка, чтобы там прибраться – пропылесосить, помыть полы и окна, вытереть пыль, сменить и постирать шторы и гардины.

Пронумерованные редко разговаривают между собой, особенно в присутствии орднунг-менш. Впрочем, некоторые из них живут семьями, и, как правило, вся семья приписана к одной трудовой повинности. Конечно же, дома такие «безликие семьи» говорят друг с другом, хотя и очень скупо, отрывисто – сотрудники службы Орднунг-контроля, слушающие блоки, в которых проживают унтергебен-менш, говорят, что их разговор похож на лай деревенских цепных псов. В крупных деревнях хозяева иногда заводят собак – «тарактелок», мелких, чтобы меньше кормить, но гавучих. Всю ночь такая тарактелка лениво подгавкивает, предупреждая заинтересованные стороны о том, что двор под охраной. Вот с лаем таких собак сотрудники прослушки и сравнивают речь безымянных.

Доктор Путц, антрополог, возглавляющий Райхсинститут исследования проблем дегуманизации, в своем программном труде «Лишение прав как первый шаг к становлению гражданина» писал, что те, кто был дегуманизирован, то есть, унтергебен-менш, в условиях сосуществования с орднунг-менш быстро десоциализируются, впадают в состояние глухой депрессивной апатии и со временем теряют даже те крохи социальной полезности, которую имели до дегуманизации. Он даже советовал, чтобы все дегуманизированные направлялись в Дезашанте или на производство. Райхсминистр Шмидт пригласил доктора Путца к себе в гости, угостил чаем с печеньем, и, пока он пил, созвонился с его женой и попросил привезти теплые вещи. В чае было снотворное. Доктор Путц заснул, не допив свою кружку, а проснулся уже в «Черном тюльпане» – шестимоторном орбитальном транспортном самолете, доставлявшем безымянных в Дезашанте. В Дезашанте он провел две недели, причем даже не работая за свою пайку, как безымянные. Ему позволили просто смотреть и делать выводы. По возвращению доктор Путц придумал эффективную комплексную программу адаптации унтергебен-менш. В результате процесс деградации удалось остановить, но счастливее пронумерованные, конечно, не стали. Да это и не было нужно – счастливыми в Нойерайхе могли быть только орднунг-менш, и то, пока соблюдают Орднунг.

Об унтергебен-менш государство заботилось ровно настолько, чтобы они могли выполнять свои функции обслуживающего персонала, и не теряли надежду вернуть себе имя и получить статус орднунг-менш. Такое иногда случалось, но редко, и вовсе не потому, что государство этому как-то препятствовало. Человека можно заставить умываться, чистить зубы, прилежно трудиться и соблюдать раздел Орднунга для унтергебен-менш, но невозможно заставить его радоваться, восхищаться или интересоваться чем-то. За полтора года семьдесят пять команд унтергебен-менш побывали на странной вилле, но лишь однажды какая-то семейная пара, побывавшая на этих работах дважды, вяло обсуждала потом, что это за дом. Сошлись на том, что вилла предназначена для размещения гостей Райхсфюрера (несмотря на то, что гостей Райхсфюрера размещали либо в отелях премьер-класса вроде Дас Райха, либо в гостевом домике на участке самого Райхсфюрера).

По мнению унтергебен-фрау из этой семьи, если дом принадлежит кому-то, там должны быть хоть какие-то личные вещи владельца, а в особняке под номером девять по Хершафта-лее не было ничего личного – разве что картина в гостиной... хотя, с таким же успехом картину могли повесить просто для красоты, сказал унтергебен-манн из этой семьи. На что его жена сказала, что, по ее ощущениям, с картиной связано что-то личное, какое-то очень острое, просто таки-болезненное переживание. Ее муж заметил, что унтергебен-фрау фантазирует. Та ответила, что фантазию у нее ампутировали, чтобы освободить место для контрольного чипа.

* * *

Тем не менее, хозяин у дома был, хотя посещал он этот дом всего два раза за прошедшие полтора года, и ни разу в нем не переночевал. Полтора года назад, когда строители уже завершили свои работы, а озеленители еще даже не успели убрать с участка небольшой экскаватор, выкопавший прудик, в который еще не запустили карпов, к воротам усадьбы подошли двое мужчин. Один из них был одет в черный спортивный костюм без лейблов и кожаные кроссовки, но черная повязка на глазу безошибочно указывала на его личность. Второй мужчина был в повседневной военной форме с петлицами панцерваффе и погонами, украшенными большой восьмиконечной звездой в лавровом венке. Его лицо имело правильные, твердые черты, и, наверно, его можно было бы назвать образцом настоящей, мужской красоты, суровой, но не вульгарной, если бы не тот факт, что правая половина лица была обезображена огромным шрамом. Шрам был довольно старым, таким старым, что сливался с чертами лица, словно был частью природного облика мужчины.

Мужчины курили толстые кубинские сигары, почти черные и дававшие густой сизый дым.

– Все хотел Вас спросить, да случая не представлялось, – говорил Эрих своему собеседнику, – Вы правым глазом-то видите, или...

– Вижу, – ответил мужчина со шрамом. – Но не различаю цвета. Зато ночное зрение у него лучше, почти как в тепловизоре. Не знаю, почему, и окулисты тоже понятия не имеют. Если честно, меня это не особо тревожит.

Райхсфюрер улыбнулся:

– Сколько Вам было, когда... – он не закончил фразы, и его собеседник сказал:

– Герр Райхсфюрер, ни к чему щадить мои чувства. Я ценю Орднунг и восхищаюсь им именно потому, что отпала необходимость лицемерить с другими. И наше общение мне нравится именно поэтому. Мне было двадцать восемь, я был гауптманом. А сколько Вам было, когда Вы потеряли глаз?

– Восемнадцать, – ответил Райхсфюрер. – Первая ходка.

Они остановились у предусмотрительно открытых ворот особняка.

– Вам нравится Ваш дом, герр Райхсмаршал? – спросил Эрих, сделав ударение на слово «ваш», и кивком головы указывая на строение в глубине участка.

Райхсмаршал, как и многие военные, на гражданке мог показаться тугодумом. Есть такая особенность восприятия у кадровых военных – привыкшие держать мозг в «сверхпроводящем» состоянии в служебное время, они несколько расслабляются в обстановке, отличной от привычного им боевого дежурства:

– Не жалуясь. В берлинском гарнизоне квартирное хозяйство всегда содержали в идеальном порядке, со времен Фридриха Великого, наверно. Здесь у меня двухкомнатный блок-гауз, мне вполне хватает...

– Конрад, Вы порой меня удивляете, – улыбнулся Райхсфюрер. – Я имел в виду этот дом.

– Этот? – Райхсмаршал рассеяно оглядел коттедж. – Ничего так, симпатичный. А где его хозяева?

Эрих воздел руки ку небу:

– Герр Райхсмаршал, у Вас ведь глаз поврежден, а не ухо! Я о чем Вас спросил?

– Нравятся ли мне условия моего проживания, – пожал плечами Конрад. На самом деле, он уже понял, к чему все идет, но пытался оттянуть момент истины. – Вы предлагаете мне сравнить мой блокгауз с этим строением? Места здесь больше, но мне достаточно того, что у меня есть. Жаль, что не на всех базах есть такие приятные условия, как в Берлине, но после того, как Вы выделили мне Минизенгер, это для меня больше не проблема, если что, ночую прямо в самолете.

– Не забалтывайте меня, герр Райхсмаршал, – хохотнул Эрих. – Думаю, Вы поняли, к чему я веду. Этот дом Ваш.

– Да зачем он мне? – пожал плечами Конрад.

– Чтобы Вы были моим соседом, – пояснил Эрих. – На этой улице живут самые близкие мне люди – Вольф, Игор, и теперь Вы. Это знак высочайшего доверия, Конрад, и своим отказом Вы меня разочаруете.

– На таких условиях не вижу возможности отказаться, – Конрад Швертмейстер, Райхс-маршал Нойерайха, никогда не улыбался, и максимум, что позволял себе – слегка приподнять левый угол губ. Отчасти это объяснялось характером Райхсмаршала, отчасти тем, что разорванные лицевые мышцы правой стороны были почти парализованы. – Сказали бы просто: приказываю занять здание.

– Подарки в приказном порядке делать не умею, – улыбнулся, в свою очередь, Эрих. – Конрад, Вы один из немногих моих друзей. Не потому, что Вы Райхсмаршал, когда мы с Вами познакомились, вы были всего лишь одним из многих оберстов бундесвера. И да, я всегда знал, что Вы достигнете этих высот. Но, повторяю, сдружился с Вами не поэтому.

Вы говорили о лжи и лицемерии, и это доказывает, что Вы лучше многих наших идеологов понимаете суть происходящей трансформации общества. Они говорят о величии германской нации, о возвращении исторической роли немецкой нации, нации господ... для меня это трескотня, к сожалению, полезная трескотня. Человеку, гражданину, орднунг-меншу надо верить в свое превосходство, чтобы чего-то добиваться – именно потому Христос называл своих учеников богами. Но суть ЕА не в этом. ЕА не революция, ЕА – генеральная уборка. Я хочу очистить Германию, а, может, и всю Европу, от лжи и грязи либерально-толерантной идеологии.

– Именно потому я и согласился стать Райхсмаршалом, Эрих, – Конрад вновь посмотрел на дом, на сей раз более внимательным взглядом. – Мы друзья, но из дружеских побуждений я не принял бы Ваше предложение. Я верю в Орднунг, хотя помню, чем закончились предыдущие попытки остановить либерализацию Европы. Я верю, потому что весь мир против нас, и у нас нет союзников. Вы должны это знать.

– Я знаю, – кивнул Эрих. – Так что, перевозишь вещи в дом?

– У меня нет вещей, – ответил Конрад, задумавшись. – Точнее, вещей у меня немного. Да, пожалуй, пора ей перестать кочевать. И да, я вижу, здесь есть караульное помещение? Могу я сам организовать охрану объекта из солдат моей десятки?

– Не доверяешь Райхсьюгенду? – удивился Эрих.

– Нет, просто больше доверяю своим панцергренадерам, простите, герр Райхсфюрер, – ответил Конрад, глядя прямо в глаза Эриху. Это был странный взгляд – здоровый глаз Райхсфюрера смотрел прямо в здоровый глаз Райхсмаршала.

– Да хоть из ангелов с огненными мечами, – пожал плечами Эрих. – Мне же будет спокойнее, с учетом репутации твоих ребят. Надеюсь, ты танк на участок загонять не станешь?

– Для танка здесь нет подходящих целей, – серьезно ответил Конрад. – А вот несколько эфэлек не помешает. Вам же будет спокойнее... – и подмигнул здоровым глазом, слегка приподняв уголок губ.

* * *

Двенадцатого марта в усадьбе Райхсмаршала царило оживление. Унылые пронумерованные мужчины чистили подтаявший снег на дорожках, приглаживали дотоле неаккуратные сугробы и удаляли засохшие ветви деревьев. Не менее унылые безымянные-женщины драили полы и до блеска начищали металлические, фарфоровые и стеклянные приборы. К обеду приехал новенький снежно-белый «мерседес»-минивэн, из которого вышло несколько мужчин и женщин из орднунг-менш. Мужчины спустились в подвал, где занялись проверкой размещенной там электроники. Женщины прошлись по комнатам особняка, отдавая короткие приказы трудящимся унтергебен-фрöляйн. В спальне на кровати постелили новенькое белье, покрыв

его покрывалом цветов Райхсфлага. Включали и выключали свет, проверяли работу отопления, кондиционеров, систем коммуникации...

Даже несведущий человек по этому ажиотажу мог понять, что хозяин особняка вот-вот вернется.

Однако хозяин особняка как раз в это время находился более чем в трехстах километрах от своего дома, и возвращаться, кажется, не собирался. Герр Райхсмаршал сидел в удобном кресле командно-штабного броневавтобуса, построенного специально для него подразделением концерна MAN, известного миллиардерам всего мира как ABC ГмбХ. Невинный с виду броневавтобус мог безопасно работать в ближней зоне поражения взрыва тактического ядерного заряда, его незаметная снаружи броня выдерживала плазменный заряд «Нойе Бруммера»³⁰ или обстрел из эфэлки повышенного могущества, вроде той, что стояла на балконе особняка фельдмаршала. Внутри автобус был довольно комфортабельным, хоть и тесноватым. Сзади располагалось спальное место Райхсмаршала и его рабочий стол. От основного салона они были отделены консолью электронного оборудования связи и радиоэлектронной защиты – здесь были системы шифрования, усилители и модуляторы сигналов, навигационная станция точного позиционирования, дизскремблеры и многое другое. Вторая консоль, отделявшая салон от кабины, сбивала с толку системы наведения ракет, мин и снарядов, электронные взрыватели дорожных фугасов, слепила системы наблюдения и наведения оружия противника. Это делало машину Райхсмаршала единственным в мире автобусом стелс.

В центре кузова находился салон, где и расположился хозяин автобуса. Салон нельзя было назвать просторным. Здесь был большой стол с тремя закрепленными креслами, зажатый между кухонной консолью и баром. Пара проекторов, встроенных в поверхность стола, позволяла работать с компьютерами прямо за ним. На противоположной стене была огромная интерактивная карта, в реальном масштабе отражавшая положение на всем растянувшемся от осажденного Гданьска и только что взятого Тчева до карпатских предгорий, где первая панцердивизия при поддержке народных гренадеров из легиона «Тоттенкопф» по колено в своей и польской крови прорвала фронт между Тарнувом и Новы-Сонч и подошла к окраинам Дембицы, направляясь к Сталевой Воле.

– Нам не хватает войск, – сокрушался генерал-лейтенант Адлерберг, командующий южным направлением. Конрад с удовлетворением отметил, что тучный Адлерберг за последнее время подрастрял жирок, хотя стройным его по-прежнему назвать было нельзя. В отличие от остальных двоих офицеров, присутствовавших на совещании. Худой, как щепка, генерал Фон Тресков командовал центральным направлением. Сидящий в коляске здоровяк Маннелинг, не так давно лишившийся обеих ног, но не особо по этому поводу переживающий, «потому, что главное не пострадало, ну, вы понимаете» командовал северной армией. – Нужен вспомогательный удар на Жешув, но чем я ударю? Не могу же я оставить танки без гренадеров!

– И авиация, – добавил фон Тресков. – Этот хрен Гайзель творит, что хочет, авиационной поддержки не допросишься, зато бомбить Варшаву хрен пойми зачем – всегда пожалуйста.

Конрад поморщился. Райхсмаршал авиации Гайзель был креатурой штатдфюрерин Остерейха, приказам Швертмейстера не подчинялся, а просьбы игнорировал. Даже Райхсфюрер не мог на него повлиять, тем более, что Гайзель с его небесной чертовщиной³¹ нужен был ему для решения его геополитических задач. Дошло до того, что Эрих, который, кроме всего прочего, был Райхсадмиралом Кригсмарине, перебросил в Позен морскую авиацию, не предназначенную для поддержки армии, но худо-бедно с этим справляющуюся.

---

³⁰ «Нойе Бруммер» – штурмовая модификация БМ «Пума-2», вооруженная плазмаверфером повышенной мощности; предназначена для штурмовых операций, может использоваться для уничтожения бронетехники из засады;

³¹ Обигрывается название базовых самолетов Нойерейха;

– С авиацией у нас сами знаете что, – ответил Конрад. – Тут я ничего не сделаю. Франц, удар на Жешув можно отложить?

– Нет, – без обиняков ответил Адлерберг. – В Жешув отошла двадцать третья бригада пшеков, в половинном составе и без тяжелой техники, но им откуда-то подвезли новые танки, к тому же туда перебросили маршевые батальоны башибузуков из Варшавы. Сраные поляки, бьешь-бьешь, а они не кончаются!

Маннелинг скрипнул зубами. Фон Тресков кивнул. Это было чистой правдой: польская армия, словно Лернейская гидра, отращивала все новые и новые головы. Хотя польской ее можно было назвать весьма условно – на три четверти, если не на девять десятых, она состояла из «беженцев» – турок, афганцев, сирийцев, ливийцев... под бело-красным знаменем с орлом в бой шли с именем Аллаха и Мухаммада на устах, а офицеры польского генштаба свой боевой опыт приобретали в запрещенных в соседней России и самом Нойерайхе Аль Каиде, ИГИЛ и Джабхад Ан Нусре.

И опыт у них был не маленький. Джихадисты смертельно боялись авиации (спасибо российским ВКС, натянувшим им в Сирии глаз на пятаю точку), но авиации, благодаря хрену Гайзелю, вдоволь как раз не имелось.

К тому же польская армия даже сейчас, после всех понесенных потерь, была больше, чем немецкая, а когда любимая конрадовская «десятка» отразила вторжение бригады польской армии, пытавшейся совершить марш-бросок на Берлин с целью ликвидировать молодое правительство Нойерайха, польская армия по численности превышала немецкую втрое. Милитаризация Польши началась лет десять назад, если не раньше; по крайней мере, в две тысячи двадцатом покойный президент США Трамп провозгласил Польшу «союзником номер один» по сдерживанию России. Логика очевидна – «сдерживать Россию» лучше было чужими руками и на чужой территории, без риска глобальной войны. Вначале роль «великого сдерживателя» отводилась Украине, но не сложилось – доведенное до ручки «реформами» прозападных гауляйтеров население этой страны встало на дыбы, и украинским нацистам небо с овчинку показалось. Вскоре Украина исчезла с карт, превратившись в несколько новых российских округов, и как плацдарм для раздраживания русского медведя была полностью потеряна.

Тогда польский Сейм принял скандальный Закон о приобретенных правах гражданства, предоставлявший особый статус тем мигрантам, которые согласятся вступить в ряды вооруженных сил Республики. С тех пор Польша сильно почернела, ее господствующей религией стал Ислам, а коренные поляки на своей земле стали, фактически, унтергебен-менш, обслуживающими башибузуков, «сдерживающих» Россию, которая, впрочем, назло польскому правительству Мацеревича, совершенно не собиравшись вновь комунизировать несчастных поляков.

ЕА в Варшаве дежурно объявили «происками Москвы». Мацеревич лично пытался убедить в этом руководство НАТО, но не успел – лишенная финансирования со стороны США, которые ввязались в затяжное изматывающее противостояние с набирающим могуществом Россией и Китаем, и минимизировали свои расходы, как могли, в тайне мечтая, чтобы Россия уже занялась Европой, и оставила Китай один на один с Соединенными Штатами, структура НАТО объявила о своем распаде. Естественно, до Германии с ее ЕА никому не было никакого дела.

Вернувшись в Варшаву, Мацеревич посчитал, что после ЕА в Германии начнется хаос, чем можно воспользоваться. Президент Польши исходил из того, что бундесвер, не участвовавший в августовских событиях, не станет воевать с бывшим союзником по НАТО. Через комиссию взаимодействия командующих стран НАТО, которая по инерции продолжала работать, он уведомил и.о. главнокомандующего бундесвера генерала Швертмейстера о том, что намерен ввести в Германию войска, чтобы «ликвидировать участников прокремлевского путча». И даже сообщил, где и когда.

На границе беззаботных башибузуков на джихадомобилях встретили танки «десятки» со Швертмейстером во главе. Дерзкий комбриг польской армии Ислам ибн Салман бин Нахман Аль-Азани (типично польская фамилия, почти шляхтич) приказал у преградивших дорогу танкистов «привести старшего». Конрад в комбинезоне без знаков различия выбрался из головного танка и спросил, зачем его звали.

– Приказываю освободить дорогу, – сказал Ислам, предъявляя какую-то бумагу. – Мы следуем в Берлин, чтобы бить неверных дружков руси.

– Так Вы поляк? – спросил Конрад. – «Аве Мария» знаете?

– Я похож на неверного? – вытаращился на него Ислам. Конрад вытащил пистолет и выстрелил в лицо предводителю польских джихадистов.

– А лучше б знали, – сказал он, но его слова заглушили выстрелы – танкисты «десятки» моментально превратили колонну техничек в груды пылающего металла.

На следующее утро Конрад получил из рук Эриха фельдмаршальский жезл. Получил прямо на поле боя – Спешно преобразованные в армии, армейские корпуса Райхсвера нанесли хорошо скоординированный удар по местам дислокации польской армии на западной границе.

Но, несмотря на первые победы, уже тогда свежепроизведенный Райхсмаршал понимал – сломать хребет десятилетиями накачивающей мускулы против более сильной России Польше будет очень непросто.

* * *

Война шла уже второй год, и лишь сейчас Конрад мог с уверенностью сказать – Нойерайх в стратегической перспективе победил. Самые боеспособные части польской армии разбиты, Половина страны очищена от либерально-эмигрантского сброда, и на территориях от Гдыни до Кракува установлен Орднунг. Немногие уцелевшие этнические поляки (оказалось, что пригретье Мацеревичем исламисты устроили коренному населению настоящий геноцид), преодолев либеральную робость, вступали в ряды Райхсвера, и уже целые полки, укомплектованные ими, сражались с бывшими «хозяевами жизни». Фронт, в основном, проходил по Висле. Гданьск был блокирован, Варшава – частично блокирована. Но исламистам удалось создать глубоко эшелонированную оборону, напичканную минами, и не только...

Конрад подошел к карте и двумя пальцами увеличил район Жешува. Карта формировалась с помощью спутниковой и беспилотной съемки, и на ней можно было разглядеть детали вроде эфэлек, замаскированных орудий, превращенных в ДОТы поврежденных танков.

– Микель, – обратился он к фон Трескову, – чем заняты «Адлеры»?

– Третьего дня отведены к Позену на доукомплектование, – ответил Фон Тресков. – Сегодня принимали новые «Пантеры³²». Держу их пока в резерве – во-первых, они в Торне хорошо поработали, а во-вторых...

– А во-вторых, мне они кровь из носу нужны в Данциге! – пророкотал Маннелинг. – Почему я должен на коленях вымаливать десантников? Что вы за люди такие, снега зимой не допросишься.

– Хайнрих, я разговаривал с Райхсфюрером, – сказал Конрад Маннелингу. – На Рюген перешел «Князь Боргезе», ребята всюю готовятся. Или тебе принципиально важно, чтобы десант был воздушным, а не морским?

Лицо Маннелинга просветлело:

– Это еще лучше. У гerra Райхсфюрера ребята – во! Не то, что эти шланги из Люфтваффе!

Неделей раньше Маннелинг вымолил себе воздушных десантников у Райхсмаршала Гайзеля. Солдаты прибывшего полка могли бы сниматься в американских боевиках – каждый

---

³² «Пантера» – сверхзвуковой реактивный штурмовой конвертоплан. Сочетает в себе свойства штурмовика и десантного самолета;

выглядел как Джон Рэмбо в лучшие годы. Увы, в бою они оказались более чем никакие – большинство перебили гданьские башибузуки, уцелевших пришлось под визги Гайзеля спасать с большими потерями из окружения. Десант оказался абсолютно бесполезен, зато истеричный Райхсмаршал авиации тут же заявил, что «его ребята не пушечное мясо», и теперь их на передовую он пускать не намерен.

К началу войны у Конрада в подчинении было три свои воздушно-десантные бригады, по одной на корпус. Их использовали интенсивнее других частей, и в итоге двадцать первая и двадцать вторая были полностью потеряны. Их остатки были переданы на доукомплектование уцелевшей двадцать третьей, ныне Люфтангрифбригады «Райхсадлер», на фронте называемой просто «Адлер».

Франц, бери «Адлеров» с их «Пантерами», – сказал Конрад Адлербергу, – добавь три штуки «Зенгеров» со штурмовыми экзоскелетами...

– У меня на три не наберется, все в деле, – перебил Адлерберг. – На два наберется.

– Ну, так загрузи в третий «Бруммер», так даже лучше, – сказал Конрад, потирая гладко выбритый подбородок. – Вот что, у тебя «Зенгеров» только три, да? И ничего больше?

Адлерберг кивнул, тяжело вздохнув при этом.

– Тогда возьми мой «Минизенгер». И мою Райхсьюгендкоманду, я скажу Ульриху. Пусть ударят пшекам в тыл.

– Герр Райхсмаршал, – побледнел Адлерберг. – Но ведь это же...

– Я знаю, – ответил Конрад. – Скорее всего, ребята оттуда не вернуться, но свяжут боем башибузуков. Постарайся побыстрее взять Сталеву Волю, чтобы помочь нашим в Жешуве... если, конечно, успеешь...

* * *

...Перед тем, как покинуть особняк, две женщины в полицейской униформе зашли в пустой каминный зал второго этажа. В зале не было почти ничего – только камин, большая люстра и портрет, висящий напротив камина.

– Это нормально, что в зале так пусто? – спросила одна из женщин другую. Вторая была старше – и по возрасту, и по званию. Она внимательно осмотрела пол зала, вышла в эркер, проверив уголок платка рамы на предмет чистоты, и лишь затем ответила:

– Раньше в зале был бильярдный стол и шкаф, но затем их вынесли в кладовку, не знаю, почему. Возможно, сам Райхсмаршал распорядился.

Она подошла к камину и проверила его своим платком – все, включая заднюю панель и обрешетку, все, кроме дна. Ее собеседница, тем временем, подошла к портрету, и, достав из небольшой сумочки блокнот и огрызок карандаша, стала что-то быстро черкать на задней странице блокнота.

– Кажется, он и камин-то ни разу не разжигал, – сказала старшая, тихо подойдя сзади. Молодая женщина вздрогнула, карандаш дернулся, оставляя полосу на странице. – Ты чего?

– Вы напугали меня, фрау Марта, – покраснев до корней волос, ответила та. – Вы ходите совсем бесшумно!

– Ты зря боишься, – фрау Марта провела платком по раме, по заднику картины. – О том, что ты рисуешь на досуге, в Виршафтлишабтайлунге³³ не знает только ленивый. Фроляйн Хильда даже намекала на то, что твои рисунки следовало бы показать фрау Магде, – фрау Марта хихикнула, – особенно «Дилогию»...

Щеки молодой женщины из красных стали буквально пунцовыми:

– Чтобы меня за такое на Дезашанте отправили?

---

³³ Виршафтлишабтайлунг – управление Райхсканцелярии по хозяйственным вопросам;

– Ну что ты, милая, – улыбнулась фрау Марта. – Фрау Шмидт неоднократно заявляла, что здоровая сексуальность не может считаться чем-то предосудительным в искусстве Нойерайха, а «Диалогия» как раз такая. Можно мне взглянуть?

Глядя в пол, молодая женщина повернула блокнот так, чтобы фрау Марта увидела, что она рисовала. Несмотря на то, что у женщины было немного времени, она успела буквально несколькими штрихами скопировать то, что было изображено на картине. Картина была портретом девушки с арабскими чертами лица, одетой в традиционную одежду Ближнего Востока. Волосы девушки были убраны под платок, но непослушная прядь слегка выбивалась над правым глазом. Прядь была темно-рыжей, что для Ближнего Востока было необычно и интригующе. Позади женщины виднелись какие-то руины, вроде тех, что в Алеппо, а за ними тянулась алая полоса заката над пустынным горизонтом.

– Правда, здорово, – с восхищением в голосе сказала фрау Марта. – Маргарита, я согласна с геноссе Брунгильдой – тебе незачем торчать в нашем абтайлунге и вести инвентарные списки. С этим и пронумерованный справится, а тебе необходимо показать свои работы фрау Шмидт.

Она взяла Маргариту под руку:

– И не надо бояться своих фантазий Маргарита, – продолжила она. – Я понимаю, что тебе хочется любви, отношений, хочется всего того, что составляет помянутую здоровую сексуальность. В этом нет ничего предосудительного. Если хочешь, фроляйн Хильда сама замолвит за тебя словечко фрау Магде, они знакомы накоротке.

– Это было бы честью для меня! – воскликнула Маргарита, а фрау Марта подумала, что три года назад эта скромная девушка могла быть совсем другой – беспардонной, разнузданной, нахальной, как любая другая из ее поколения. Возможно, она уже и не девушка, может, и успела познать секс до ЕА, недаром у нее на рисунках неприличные сюжеты так потрясающе реалистичны.

Наверняка она, хотя бы на словах, разделяла гнилые либеральные идеи вроде толерантности, политкорректности, равенства полов, наций, рас... поколение Марты не такое, те, кто еще помнят, пусть и через забор детского сада, разделенную Германию...

И что же изменило ее помощницу? Страх? Или все-таки восхищение Орднунгом?

– Только если ты перестанешь стесняться, – улыбнулась фрау Марта. – Вот что, выбери штук пять своих работ, обязательно «Диалогия», и еще «Минотавра», а я поговорю с фроляйн Хильдой, идет?

– Я буду обязанной Вам, – тихо сказала Маргарита. – Я и не смела на такое надеяться.

– Всегда нужно надеяться на лучшее, милая, – фрау Марта ласково потрепала Маргариту по плечу. На молодой женщине был дирндль – последнее время этот вид национальной женской одежды переживал буквально ренессанс, да и не только он: женщины Нойерайха, даже унтергебен-менш, всячески стремились подчеркнуть свою принадлежность к немецкой нации. Мужчин это поветрие почти не коснулось – тон в мужской моде задавали военная форма и костюмы от Хефтлинга. – Посмотри на наших вождей – они сумели с самого низа подняться до самых вершин власти!

Маргарита коротко кивнула.

* * *

Когда генералы, остограммившись напоследок хорошим коньяком из бара Райхсмаршала (сам Конрад не пил, потому его запасы спиртного убывали весьма умеренно даже на передовой) покинули штабсваген главнокомандующего сухопутными силами, Эрих жестом подозвал неприметного мужчину, курившего возле ничем не примечательного китайского кроссовера, кажется, от «Великой стены». Безликий мужчина у безликой машины... тот щелчком отбросил только начатую сигарету и отправился в штабсваген. Не здороваясь, он сел в одно из опустевших кресел, и Конрад подвинул ему рюмку с коньяком и тарелочку с нарезанным лимоном и горсткой сахара. Мужчина скривился:

– Закусывать коньяк лимоном – моветон, герр Райхсмаршал. Я не Сталин и не Черчилль, чтобы позволить себе подобное.

Он одним глотком влил в себя коньяк; покрытый серой щетиной выступающий острый кадык судорожно дернулся, вместе с ним вздрогнул широкий белый шрам, перечеркивающий горло от уха до ключицы. Отставив пустую рюмку, мужчина сказал:

– Все плохо.

– А подробности? – поинтересовался Райхсмаршал.

– Информация подтвердилась, – сказал мужчина. – Первый и второй блоки американцы успели зарядить. Все было проделано в тайне, поскольку зеленые были очень против, – он неприятно, лающе рассмеялся. – Ору с этих либералов, у них в стране бармалеи пальцы веером распускают, баб насилуют, да и мужиками не брезгают, а они типа природу защищают, do jasnej cholery... простите, наблатьялся тут. Так вот, эта херотень то ли изначально была двухцелевой, то ли допускала переоборудование... плюс к тому там цех по производству ЯБП³⁴ строили, в основном, снаряды к «Палладинам»³⁵. Достроить не успели, но материал есть, отдельно в хранилище.

– Сколько? – спросил Райхсмаршал.

– Если бахнет все вместе, получится мегатонн семь-десять, может больше. Хотя бабахнет все, голову даю на отсечение. Бармалеи сидят верхом на блоках, станция в чистом поле, вокруг все просматривается километров на полсотни, хрен проберешься. Эфэльки по углам, капониры с плазмой по периметру, мин два ряда, может, и три, я так и не понял. Плюс всякие приятные подарки вроде огнеметных фугасов с напалмом. Но это не самое худшее.

– Куда уж хуже, – буркнул Конрад. Мужчина, тем временем, достал что-то вроде лазерной указки, и направил ее на проекционную стену. Карта тут же сменилась 3-д моделью какого-то здания из двух больших кубических корпусов, длинного корпуса пониже, нескольких складов и большой котельной.

– Отличная работа, Кригер, – восхитился Конрад. – Откуда?

– От верблюда, – ответил Кригер. – У меня свои секреты. Смотрите...

Он встал и подошел к стене, после чего ткнул в одно из кубических зданий пальцем, коричневым от никотина:

– Энергоблоки. Два, Вест Кост BWR-25. Сами по себе уже бомба. Реакторный зал разделен перегородками на четыре части. Стрелять нельзя, любое повреждение оболочки реактора, сами понимаете... залы В и С полностью изолированы, имеются газовые шлюзы. В каждом сидит баба в поясе шахида с терминалом, куда выводятся все камеры. В случае штурма... Бабах, и все до Варшавы в руинах.

– Слабые места? – на всякий случай, спросил Конрад. – Канализация, водопровод, воздуховоды, кабель-каналы...?

– Ничего, – Кригер выключил свою штуку, вернув карту на стену, и уселся на место, подвинув к себе коньяк. – Все коммуникации поверху, вода от собственной артезианской скважины, говно сливают в собственный же септик, а водообменный бассейн похож на огромную губку... на кой ляд это нужно, не понимаю.

– Что там понимать, – отмахнулся Конрад. – Станция изначально строилась, как мина, только не против нас, а против русских. Ядерные фугасы перепроверил?

– Да, – ответил Кригер. – Один стоит в Сувалках, по виду обычный полувагон, сверху даже угля насыпали. Смертников нет, охрана внешняя, я на плане все отметил. Снять можно, но, сука, повозиться придется. Еще один на барже, которую буксир таскает между Ломжей

---

³⁴ ЯБП – ядерные боеприпасы;

³⁵ Палладин – самоходное орудие М109А6;

и Остроленкой. Там на самой барже смертники с поясами, но если перебросить пару ребят с «Князя Боргезе» – тоже можно организовать. С третьим труднее.

– Что так? – поинтересовался Конрад. – Да пей, чего ты на бутылку смотришь, как кот на сметану?

– Он в Люблине, прямо на вокзале, – Кригер налил еще рюмку и снова залпом выпил. – Пассажирский вагон, загнали в дебаркадер, охрана по залам ожидания, плюс Scheißbulle³⁶ каждый второй, плюнуть некуда. И я не уверен, может, там в купешке тоже шайтан-баба сидит. Близко не ходил, спалиться боялся.

– Прямо на вокзале? – переспросил Конрад. – Там же люди...

– Да срали они на тех людей! – пожал плечами Кригер. – Это ж либералы, для них люди – как грязь ногтевая. В общем, говорю, что есть, можете перепроверить. Ах, забыл, в том же Люблине – лаборатория Монсанто, и местные говорят, что по городу слух идет – те для нас чего-то бодяжат, вроде зикки или эболы. Тут, я думаю, лучше авиацией пройтись, я координаты записал. Только «Пантеры» не подойдут, нужно «Тойфелей» вызывать...

«Легче Мефистофеля вызвать, чем Химмильштойфеля», – подумал Конрад.

– Курить-то у вас можно? – спросил, тем временем, Кригер. Конрад рассеяно кивнул, затем подошел к бару и достал оттуда пачку французского «Голуа». Вытащил сигарету и передал пачку Кригеру. Тот взял сигарету себе, а пачку сунул в карман куртки.

На пачке был код доступа к счету оффшорного банка в Латвии. На счете лежала премия Кригера – десять миллионов юаней. «В Нойерайхе ни у кого таких денег нет, наверно...» – подумал Конрад. Действительно, денежное обращение в стране было сильно ограничено, и даже если бы у кого-то на руках оказалось две-три тысячи райхсмарок (как раз десять миллионов юаней по текущему курсу), ему все равно некуда было бы их потратить.

Не говоря уж о том, что таким «богатеем» сразу же заинтересовалась бы Райхсполицай. Но Кригеру это не грозило, хотя бы потому, что его Конраду сосватал сам Вольф Шмидт.

Когда Кригер ушел, Райхсмаршал вызвал фон Трескова:

– Микель, ты еще убраться не успел? Бегом ко мне, и если встретишь Франца или Хайнриха прихвати их с собой.

* * *

– Тут же до Варшавы сто километров, не больше... – генерал фон Тресков смотрел на карту, и в его взгляде читалось отчаянье. – Если они рванут станцию, полстраны накроет!

Конрад пожал плечами. Он это понимал не хуже своего подчиненного. Но понимать ситуацию еще не значит знать, что с ней делать.

– Я все понимаю, – медленно сказал Адлерберг. – Шахиды-scheiße'хиды, все такое... но поляки...

– Ты этих поляков видел? – зло ответил Маннелинг. – Не люди, одно название. Все нормальные поляки уже у нас в армии. А то, что осталось, и дерьмом не назовешь.

– Это не приближает нас к решению проблемы, – сказал Райхсмаршал. – Мы можем нейтрализовать фугасы. Возможно, все не получится, какой-то сработает. Это допустимый уровень риска. Но вести самую мощную нашу группировку в ядерное пекло я не могу. S-scheiße...

– Вопрос в том, как все это объяснить Райхсфюреру, – кивнул фон Тресков.

– Эти гражданские нихрена не понимают, – кивнул Маннелинг. – Вон, поставили мальчика авиацией руководить, и какой результат?

– Эрих... – сказал Конрад, и тут же поправился, – в смысле, герр Райхсфюрер, конечно, может понять. Но, прежде чем звонить ему, хочу спросить – кто-нибудь из вас думает, что мы сможем решить эту проблему своими силами? Без подключения Берлина, я имею в виду.

– Нет, – сразу заявил фон Тресков. Остальные лишь головами покачали.

³⁶ Scheißbulle (нем. жарг) – сраный мент;

– Я с вами согласен, – кивнул Конрад, – к ядерной войне мы пока не готовы. Что ж, тогда я звоню Райхсфюреру?

На контрольной панели замигал вызов.

– Этот мудак опять ключи не взял, – сказал Конрад, думая, что вызов идет от водителя штабсвагена. Он нажал сенсорную кнопку и спросил, не глядя: – Отто, ты опять забыл ключи? Сколько раз...

– Простите, герр Райхсмаршал, – голос был не Отто. Хотя бы потому, что он был женским. – Берлин на проводе. Райхсканцелярия.

– Соединяй, – скомандовал Швертмейстер. – «На проводе»... тьфу. Сколько уже нет проводной связи, лет десять? А у них все еще «на проводе».

Тем временем, вместо исчезнувшей фигурки телефонистки над столом зависла полупрозрачная голова Райхсфюрера.

– Lang lebe die Reinigung! – поздоровался Эрих. Конрад и его генералы, встав (кроме сидевшего в коляске Маннелинга) по стойке «смирно», ответили на приветствие. Конрад знал, что, если Эрих начинает с официального приветствия Нойерайха, значит, разговор следует считать официальным.

– Вольно, – скомандовал Райхсфюрер. – Присаживайтесь, камрадес.

Все заняли свои места, кроме, опять-таки, Маннелинга, который и так уже сидел на коляске.

– Обстановку можете не докладывать, – сказал Райхсфюрер. – Я в курсе всего происходящего. Конрад, уведомляю Вас, что я сегодня подписал приказ по Райхсверу «О порядке ведения боевых действий». В соответствии с этим приказом на южном и центральном фронте наступление останавливается.

– Как? – вырвалось у Адлерберга.

– Я, как верховный главнокомандующий, считаю целесообразным перейти на этом этапе к активной обороне. Войскам Центрального фронта закрепиться по Висле. Войскам южного фронта прекратить наступление в направлении Жешув – Сталева Воля и отойти к Дембице, где закрепиться.

– А мой фронт? – спросил Маннелинг.

– Вам следует закончить с Данцигом, – сказал Райхсфюрер. – Желательно до завтрашнего вечера. Сегодня ночью по центру города ударят ракетами эсминцы «Кречмер» и «Шепке» и подлодка U114, потом в порту высадутся «зеетойфели» с «Князя Боргезе». Свяжитесь с адмиралом Петерссеном и договоритесь о совместных действиях. Если завтра к 21:00 Данциг не будет наш, Вам придется его оставить.

– Хайнрих, ты можешь снять с западного направления вторую панцердивизию, – сказал Конрад. – Под Тчевым она ни к чему, зато может ударить с фланга на Данциг.

– Разумно, – одобрил Райхсфюрер.

– Герр Райхсфюрер, – с каким-то смущением сказал фон Тресков. – Можно как-то надавить на Райхсминистра авиации? У нас есть приоритетные цели для ударов, неуязвимые для фронтовой авиации.

– Согласен с Микелем, – добавил Конрад. – Некоторые из них очень приоритетны, и...

– Герр Райхсмаршал, передайте координаты целей офицеру связи ВВС, – распорядился Эрих. – Удары будут нанесены, а что до Гайзеля, Вам вскоре представится возможность пообщаться с ним лично.

– Вы решили отправить его на передовую? – в здоровом глазу Конрада вспыхнул задорный огонек. – Давно пора!

– Может, и до этого дойдет, – ответил Райхсфюрер, не глядя на Конрада. – Но пока я жду, что Вы к завтрашнему вечеру придете в Берлин. Желательно – с новостями о том, что Данциг пал.

- Зачем? – не понял Конрад. Эрих вздохнул:
- Завтра день рождения нашего Фюрера. И Вы в числе приглашенных.

Маленький камушек, сброшенный с горы

Этот день выдался у Райхсфюрера насыщенным.

Впрочем, в его новой жизни было мало дней, не наполненных событиями под завязку. Так что, по сути, такой режим был для Эриха привычным. Бывали дни похуже.

С утра Райхсфюрер посетил Оффенбахский завод промышленных автоматов. Завод принадлежал раньше фирме «Симменс», и сохранил прежний товарный знак. Это было новое предприятие, выстроенное в двадцать втором и существенно расширенное после ЕА. В светлых цехах верхнего яруса завода работали, в основном, автоматизированные линии. Орднунг-менш наблюдали за их работой, а немногочисленные пронумерованные исполняли те операции, которые еще нельзя было доверить роботам. Однако, научный центр при заводе (который Райхсфюрер тоже посетил) исправно работал над тем, чтобы подобных операций становилось меньше.

Об этом Райхсфюрер говорил на торжественном завтраке в просторном кафе этого самого института. Сидя под портретом молодого фюрера в камуфляже и с винтовкой, Эрих смотрел на присутствующих на завтраке молодых инженеров и говорил, негромко, но четко:

– Надеюсь, все вы отдаете себе отчет, что система сегрегации не вечна. Мы прилагаем множество усилий к тому, чтобы те наши граждане, которые сейчас дегуманизированы, поскорее вернули свой статус орднунг-менш. Конечно, это не касается тех, кто относится к перемещенным лицам. Но они, если говорить начистоту, большинство перемещенных лиц были дегуманизированы вовсе не потому, что имеют немецкое происхождение, а в силу их малой полезности, а чаще – даже опасности для общества. В Нойерайхе бывшему мигранту открыты все двери, если он докажет свою полезность – достаточно вспомнить генерального конструктора линейки аппаратов класса «Нойе Зенгер», райхсбердизайнер Решад Буркхан, Райхско-миссар санитарной службы Йехуд Бланкзон или штатдтляйтер Рейнланд-Пфальца Ахмад бин Абдрахим.

Мы все помним, какой была жизнь немца до ЕА. Количество преступлений, в том числе, особо тяжких, зашкаливало все мыслимые пределы. И девяносто пять из ста преступлений были делом рук перемещенных лиц. Или взгляните на соседнюю с нами Польшу – в ней перемещенные уже полностью закошмарили местное население...

Один из присутствующих энергично закивал, и Эрих это заметил:

– Вам есть что сказать, юнгенгеноссе?

Вероятно, юноша был проинструктирован: при словах Райхсфюрера он встал, хотя все его движенья выдавали крайнюю робость.

– Простите, герр Райхсфюрер, – сказал он медленно, с сильным славянским акцентом. – Я не хотел Вас перебивать, но...

– Представьте, пожалуйста, – сказал Эрих мягко, но что-то в его тоне было такое, что слушаться было невозможно:

– Мариуш Кашубовский, – юноша опустил глаза. – Я из Вроцлава... из Бреслау. Я помню день, когда танки Райхсмаршала Швертмейстера вошли во Вро... в Бреслау. Мы так ждали этот день! Наши девочки устлали дорогу цветами, хотя на дворе была зима.

Эрих, прищурившись, внимательно смотрел на парня. На что именно он смотрел, стало ясно из его слов:

– Я вижу, Вы не просто ждали этот день. Мариуш, у Вас на груди значок АК³⁷, я не ошибся?

---

³⁷ АК (Армия Крайова) – организация польских националистов, появившаяся путем слияния радикальных крыльев нескольких организаций в 2022 или 2023 году. Протестовала против насыщения Польши мигрантами и боевиками. Несколько раз «полностью уничтожалась» службой безопасности, но постоянно возрождалась. Большинство ветеранов АК на территориях, вошедших в Нойе Райх, присоединились к FSP;

Юноша смутился:

– Так точно, герр Райхсфюрер! Я немного помогал нашей организации, делал для них малозаметные квадрокоптеры. Для разведки и передачи донесений. А потом и пострелять пришлось. Думали, совсем нам кранты, но герр Райхсмаршал подоспел вовремя.

– И теперь Вы трудитесь на народном предприятии Симменс – Оффенбах, – слегка улыбаясь Эрих. – Отрадно. Присаживайтесь, Мариуш, я рад знакомству с Вами.

Адъютант Эриха, молчаливая девушка с бледным лицом, лишенным мимики настолько, что казалось парализованным, коротко кивнула, хотя Райхсфюрер и не мог видеть этого кивка, и совершенно незаметно покинула зал. Эрих продолжал:

– Тем не менее, мы не можем полагаться на трудовые ресурсы из унтергебен-менш бесконечно. Тем более, что большинство из них пригодно только для малоквалифицированных работ. Поэтому роль, которую играет продукция вашего предприятия в экономике Нойерайха, трудно переоценить. Сейчас, когда последнему кретину стало ясно, что разглагольствования теоретиков-экономистов о «постиндустриальном мире» – не более чем утопические бредни, это особо очевидно. Даже наши узколобые предшественники это в конце начали понимать, лихорадочно пытаясь вернуть в Германию промышленные мощности, которые мы подарили странам вроде Турции и Китая, и создать трудовой ресурс из перемещенных лиц. Как будто они за этим ехали в Европу! Если бы мигранты хотели работать, они могли работать и у себя на родине. Нет! Они ехали в рай на земле, надеясь получить свою порцию дармовых благ.

Они, как и наши доморощенные либералы, не понимали простой истины: рай на земле есть результат кропотливого и прилежного труда свободных и сильных людей, живущих на своей Родине, говорящих на своем языке, ведущих свою здоровую жизнь в атмосфере овечьих веками традиций своего народа. Только такая Германия может быть сильной, и мы делаем ее такой.

Эрих поднял бокал:

– Я говорю «мы», имея в виду всех вас. Я уже видел кое-что из того, что вы создали, и хотел бы поблагодарить вас за ваш труд. Он будет оценен по достоинству – нормы спецснабжения с первого апреля вырастут на четверть на вашем предприятии.

Раздались несанкционированные аплодисменты. Тем временем, вернулся адъютант Эриха.

– Надеюсь, высокая оценка Партай проделанной вами работы не заставит вас почивать на лаврах, – строго сказал Эрих. – Задач у нас много. Ваши роботизированные заводы разных моделей должны появиться в каждом маленьком городке – Нойерайх не может надеяться на экспорт, мы должны сами себя всем обеспечивать. Идет программа переоснащения армии, флота, воздушно-космических сил; мы начинаем осваивать Арктику с ее огромными запасами необходимых нам ресурсов. Так что я жду, а со мной и весь Фатерланд ждет от вас работы напряженной, творческой и ответственной. *Lang lebe die Reinigung!*

– *Lang lebe die Reinigung!* – хором гаркнули инженеры. После чего все выпили и приступили к трапезе. Тем временем, Эрих, слегка перекусив (он съел всего пару канапе с сардинами – стол был не слишком богат, особенно по меркам до ЕА), подождал, пока Мариуш доест, и знаком подозвал его к себе. Мариуш слегка не понял, но адъютант Эриха, не весть как очутившаяся позади юноши, что-то тихо шепнула ему на ухо. Парень несмело встал и подошел к Райхсфюреру.

– Вы ведь не состоите в Партай? – утвердительно спросил Эрих. Мариуш кивнул:

– Я еще не подавал заявления. У нас на заводе очередь из кандидатов, если сейчас подавать заявление, все равно раньше четвертого ЕА не примут.

– Бюрократию надо давить в зародыше, – сказал Райхсфюрер, недобро зыркнув в сторону фабрикартайляйтера, неприятного рыжего крепыша с тяжелой, скошенной челюстью, которая, как жернова, перетирала увесистый сэндвич. Секретарь Райхсфюрера вновь кивнула

– вероятно, так она отмечала для себя какие-то поручения шефа, – ...а с личными делами кандидатов – хотя бы иногда знакомиться. В Вашем личном деле указано ранение.

– Не ранение, контузия, – потупился Мариуш. – Близкий разрыв «Хэллфайра»³⁸, ну, и так, осколки кирпича... больше испугало, чем задело, но слышал я плохо месяц, а левый глаз до сих пор видит хуже, чем правый...

– Вот и у меня то же, – кивнул Эрих с совершенно серьезным лицом. – Левый глаз видит намного хуже, чем правый. Коснитесь пальцем вот здесь, пожалуйста.

Он протянул Мариушу, на первый взгляд, простой пластиковый квадрат размером с экран мобильного. Когда Мариуш, чисто машинально, положил на него указательный палец, пластик засветился изнутри, и приятный женский голос сообщил:

«Партайбилет номер два миллиона триста два, выдан двенадцатого числа шестого месяца второго года ЕА партайгеноссе Мариушу Кашубовскому, инженеру отдела атмосферных летательных аппаратов народного предприятия «Симменс-Оффенбах» на основании личного приказа Райхсфюрера Нойерайха Партайгеноссе Штальманна. Выдача подтверждена секретарем Брунгильдой фон Мариендорф».

– Поздравляю, – совершенно нейтральным тоном сказал Эрих. – Зайдите после завтрака к фабрикопартайляйтеру, возьмите у него талоны на спецраспределение. Вам полагается дополнительный выходной, но завтра и так выходной, так что сможете запросить его позже.

– Бла... герр Райхсфюрер, я так Вам благодарен, у меня слов нет...

– А сейчас они и не нужны, – улыбнулся Эрих. – Главное, чтобы они нашлись, когда ваше слово потребуется Партай и Фатерляндю. И вот что, Мариуш, если, скажем, ваш фабрикопартайляйтер, скажем, зажмет талоны, не стесняйтесь, сообщите об этом в Райхсполицай. Хорошо?

Мариуш кивнул.

– И вообще, возьмите за принцип – если видите, что кто-то творит нечто, не согласующееся с духом и буквой Орднунга, лучше сразу об этом сообщить, чтобы зло не успело укорениться. Человек слаб, но любой может стать сильнее, если начнет душить свои слабости на корню. Общества это тоже касается.

– Так точно, герр Райхсфюрер! – ответил Мариуш.

* * *

После завтрака Райхсфюреру показали военное производство предприятия. В подземных бункерах под светлыми зданиями завода трудились роботы и унтергебен-менши. Здесь собирали экзоскелеты, боевые управляющие комплексы, головки самонаведения для боеприпасов и даже боевых роботов.

– Сейчас идет строительство третьей очереди завода, – тараторил энергичный и вполне компетентный, но, на взгляд Райхсфюрера, через чур разговорчивый директор завода. – Шесть производственных линий, против одной сейчас. К тому же мы полностью выведем туда производство «терминаторов», а во втором корпусе будут только линии боеприпасов, их число повысится вдвое.

– Когда планируете ввести очередь в строй? – спросил Эрих.

– Первую линию мы уже поставили, и она работает в недостроенном цехе, – пояснил директор. – Там, пока, плохо с вентиляцией, и освещение никакое, приходится сокращать смены, больше восьми часов пронумерованные не выдерживают.

– Вот что, – сказал Эрих. – Я так понял, что линия терминаторов – это комбинация из линии экзоскелетов и участка монтажа ИИ, правильно?

– Да, – кивнул директор завода.

---

³⁸ **Хэллфайр** – здесь имеется в виду чаще всего импровизированная крупнокалиберная мина из газового баллона – типичное оружие разного вида террористических банд;

– Блоки ИИ вы получаете из Майнца, – продолжил Райхсфюрер, – уже готовыми для монтажа. И у вас есть шесть линий для экзоскелетов. Можете пока сократить выпуск стандартов вдвое. Это освободит две линии, на них и стройте терминаторов, пока не доведете третью очередь до ума.

– Но ведь... – начал Директор, но Эрих жестом его остановил:

– Если бы нашей целью была ликвидация унтергебен-менш, мы нашли бы для этого куда более дешевый вариант. Кажется, в этой стране все сидят на сайтах врага, хоть мы и закрыли к ним доступ. Унтергебен-менши – не пушечное мясо и даже не люди второго сорта. Есть болезнь физическая, а есть социальная. Унтергебен-менш – социально больной, а больных надо лечить, а не загонять до смерти. Мне нравится то, что Вы так радеете о нашем деле, но помните – даже унтергебен-менши нужны Нойерайху. Те, кто были не нужны, давно уже кормят червей.

...Райхсфюрер обладал одним очень полезным умением – он мог говорить об одном, а думать в это время о чем-то другом, при этом не теряя связности и разумности речи. Сейчас, например, он думал о том, что бюрократия – какое-то мифическое чудовище, которое всякий раз возрождается, сколько его не искореняй. Молодые росточки бюрократии уже появились и в Нойерайхе, несмотря на то, что Орднунг, казалось бы, составлен так, чтобы исключить саму возможность ее появления. Что делать? Эрих видел только один выход – вновь и вновь искоренять, уничтожать, выжигать, выпалывать...

Сегодня фабрикартайляйтер отправится в Берлинский Центр Распределения ресурсов. Там он пробудет недолго, и, возможно, вернется на этот же завод – в пахнущий сыростью и штукатуркой тускло освещенный цех третьей очереди. Это если повезет.

А если нет – Дезашанте. Эрих любил это слово. Именно он так назвал конечную оставку многих – разочарование. «Герр Райхсфюрер разочарован Вами», говорила Гретхен, и он уже устал поправлять ее. Не герр Райхсфюрер, а сам Нойерайх, не Партай, а Фатерлянд. Гретхен кивала и продолжала поминать всуе его звание. Для Гретхен Эрих и был Нойерайхом, именно он символизировал собой Орднунг, как фрау Магда символизировала собой Фроляйн дас Райх, Родину-Мать.

Символы. Либералы ненавидят символы, потому что единственное, что может символизировать самих либералов – это плесень. Тупая, агрессивная паразитирующая масса. Либералы обожествляли паразитирование, возводили его в культ, и с этим тоже приходилось бороться...

* * *

Из аэропорта Оффенбаха Эрих на «Минизенгере» перелетел на Тейгельский аэропорт. Полет занял четверть часа – «минизингеры» развивали две скорости звука, а от Оффенбаха до Берлина всего-то пятьсот километров. Не заезжая домой, он поехал в Шарлоттенбург, где теперь находилась Райхсканцелярия. Там его уже ждали.

Стаффан де Мистура, генеральный секретарь полностью лишившейся престижа и стремительно теряющей всякое влияние ООН, разменял восьмой десяток и подбирался к цифре восемьдесят пять, но выглядел бодро. Эрих уже встречался с ним, когда Германию торжественно исключили из ООН. Вернее, через две недели, когда генсек приезжал узнать, какого черта это никак не повлияло на правительство Нойерайха. Эрих честно сказал герру Стаффану все, что думает о его организации – даже в лучшие годы она была малополезна, а с 90-х годов прошлого века стала вовсе бесполезной. Мнение «мирового сообщества» не повлияло даже на крохотную и бедную КНДР, равно как и не помешало США нанести ядерный удар по Пхеньяну, получить ответный и насмерть рассориться с Китаем и Россией. Теперь три великие страны напоминали ковбоев Дикого Запада, готовых выхватить револьвер и шмальнуть друг в друга, а знаменитые «ядерные часы» застыли в трех секундах от Апокалипсиса. И что сделала ООН, чтобы предотвратить это? Ничего. И, что самое мерзкое – ничего и не могла сделать...

– Я знаю, что Вы хотели встретиться, – сказал Эрих, войдя в приемную своего кабинета и давая ожидавшему там де Мистуре знак следовать за ним. – Но понятия не имею, зачем.

– А, по-моему, не так сложно догадаться, – де Мистура встал, довольно бодро для пожилого человека. – Неужели Вам, герр Райхсканцлер, ничего не приходит в голову?

– Райхсфюрер, – поправил его Эрих. – Я не секретарь, я вождь. Нет, я, конечно, догадываюсь, зачем Вы здесь, но хочу услышать эту бессмыслицу лично от Вас.

– Для Вас мир – бессмыслица? – спросил генсек ООН, заходя в кабинет Райхсфюрера. Эрих вошел первым, и сразу подошел к небольшому диванчику, стоявшему справа от стола. Лежавшая на этом креслице маленькая комнатная собачка, мальтийская болонка, попыталась спрыгнуть ему навстречу, но Эрих не дал ей это сделать – осторожно почесав у нее за ушами и под подбородком, взял животное на руки и ссадил на пол.

– Герр Стаффан, у нас с Вами разное понимание того, что такое мир, – Эрих сел в кресло за большим, кажущимся пустым столом, похожим на чиппендейловский, но с панелью, прикрывавшей гнутые ножки. Собака, тем временем, подошла к генсеку и обнюхала край его брюк. Опираясь на трость, де Мистура с явным трудом нагнулся и протянул к мордочке животного смуглую, покрытую пигментными пятнами, ладонь. Собака обнюхала ее, вопросительно посмотрела на Райхсфюрера, затем вновь обернулась к генсеку и ткнулась в ладонь лбом. Де Мистура провел пальцами по темечку псинки, после чего, тяжело упираясь в трость, выпрямился:

– Чертова старость, – сказал он, глядя, как собака медленно, чуть припадая на левую переднюю лапу, подошла к Райхсфюреру. Тот наклонился и усадил животное на его диванчик, затем указал де Мистуре одно из гостевых кресел. – Spина меня подводит. Хорошо, обзавелся удобной тростью – подарок от одного нашего с Вами знакомого хулигана.

– Не знал, что Вы дружите с хулиганами, – Эрих запустил руку во чрево стола и достал коробку сигар, на сей раз, «Ромео и Джульетта». – Угощайтесь.

– Спасибо, что цыкуты не предложили, – улыбнулся де Мистура. – Мой врач говорит, что для меня каждая затяжка может стать последней... завидую Лаврову – на три года моложе, а выглядит так, словно они там в Москве изобрели эликсир вечной молодости. И смалит по-прежнему, сам черт ему не брат.

– Меня Вы, наверно, вообще пацаном считаете? – спросил Эрих вкрадчивым голосом. – Если так, могу сказать в свое оправдание, что за решеткой год за три считается, а я там полжизни провел, так что считайте, что мы ровесники.

– Я не склонен Вас недооценивать, – сказал де Мистура, с тоской глядя на то, как Эрих подкуривает. – Вы показали всему миру, как говорил один лысый подонок, мать Кузьмы. Именно потому я и приехал к Вам. С надеждой...

– Простите, герр Стаффан, – сказал Эрих, выпуская дым, – но, кажется, Ваши надежды не оправдаются. Зачем мне останавливать Конрада... м-м, Райхсмаршала? Через пару месяцев мы выйдем на границу с Россией, и проблема Польши отпадет сама собой. Я уже ищу кандидата на роль Штадтфюрера Генерал-Губернаторства, думаю, герр Швертмейстер вполне подойдет.

– Я не спорю, что у Вас это получится, – сказал генсек ООН. – Но какой ценой, а, главное, зачем?

– Чтобы всякое быдло через границу не лезло, – пожал плечами Эрих. – Герр Стаффан, мне перед Вами неудобно. Может, хотите кофе? С коньяком или с ликером.

– Разве что, просто кофе, – ответил де Мистура. – С молоком и минимумом сахара. Иногда я сам не понимаю, зачем стараюсь продлить себе эту унылую жизнь...

– Вам это неплохо удастся, – улыбнулся Эрих. Он что-то нажал под столешницей, и над столом появилось прозрачное изображение его адъютанта. – Хильда, приготовьте гостю кофе. Некрепкий, с молоком и минимумом сахара. И печенье не забудьте.

Брунгильда кивнула и исчезла.

– Согласитесь, герр Стаффан, – сказал Эрих, – не мы начали эту канитель. Но мы ее закончим. Не можем не закончить – сорняки надо выпалывать до единого, чтобы они вновь

не выросли. Зачем нам этот бандитский анклав на границах? Да и поляки готовы нам сапоги облизывать за освобождение от своих гостей. Думаю, моя логика Вам понятна.

– Она мне давно понятна, герр Эрих, – сказал де Мистура, и замолк – Брунгильда занесла поднос с кофе и печеньем, поставила на стол перед генсеком и вышла, не издав ни звука. При виде Брунгильды собака Райхсфюрера вяло вильнула хвостом и покосилась на хозяина. – И я не питаю иллюзий на тему того, какой была Польша до того, как ваши войска в нее вошли. Но учтите – башибузуки готовы стоять насмерть, а Вы знаете, что это означает. Они могут даже пустить ваши войска, чтобы жертв было больше.

Де Мистура взял чашечку кофе и отхлебнул, чуть скривившись после глотка, а затем сказал:

– У Марциевича есть минимум три ядерных фугаса.

– Откуда? – удивился Эрих.

– Бывшие немецкие, – пояснил де Мистура. – В двадцатом их перебросили в Бялысток, Жешув и Люблин. Сейчас все три под контролем бармалеев. Кстати, под Люблином есть лаборатория Монсанто.

– Разбомбим нахрен, – пообещал Эрих.

– Но с ядерными фугасами вы так запросто вопрос не решите, – сказал де Мистура. – К счастью, в Польше еще остались здоровые люди... или на них кто-то повлиял из-за океана, хоть я и не пойму, зачем. Короче, я уполномочен передать вам предложение.

– От кого? – спросил Эрих.

– От госсекретаря США Кардина, – ответил генсек. – Сами понимаете, что Варшава всегда танцует под их дудку.

– Варшава наполовину наша, – напомнил Эрих. – Мацеревич и его банда в Люблине.

– Без разницы, – де Мистура энергично тряхнул головой, даже слишком энергично для его возраста. – Кардин готов лично передать Вам гарантии, Вам или кому-то из Ваших людей. Граница будет по Висле. Гданьск можете взять. Жешув и Сталеву Волю не трогайте.

Эрих встал:

– Я не понимаю, – сказал он. – Польша – это нарыв на карте Европы. Это террористический гнойник. Она угрожает всем. Зачем ее сохранять?

– Польша – подушка между Вами и Россией, – сказал генсек, отставляя пустую чашечку. – Лучше иметь такой буфер, чем не иметь вовсе...

– Scheiße, Вы что, верите в эти байки про «агрессивную Россию»? – спросил Эрих. – Россия даже Финляндию и Украину присоединила после долгих просьб с их стороны. А все остальное оставила независимым, хотя предложения и поступали – сербы, например, раз в квартал на весь мир сообщают о готовности стать новым федеральным округом России.

Россия отхватила хороший кусок, ее сфера влияния растянулась от Венеции до Суэца. Они вкладывают деньги в инфраструктурные проекты у соседей-союзников. Путину незачем воевать.

– Вы считаете так, – ответил де Мистура, – Вашингтон считает иначе. Америка уже не та, что раньше, но протянет еще долго, и попортить жизнь вашему молодому государству может.

Его старческая рука словно в размышлении зависла над тарелкой с печеньем.

– Звучит так, словно вы нас уже признали, – ответил Эрих. – Но вы нас не признаете никогда. Вы цепляетесь за замшелые каноны, вы ревностно исполняете букву «прав человека» и закрываете глаза на то, что де-факто, эти права никто, нигде и никогда не соблюдал **по сути**. Наша политика разделения населения эволюционно целесообразна и максимально возможно гуманна, но вам на это плевать...

– Эрих, – де Мистура взял-таки печенье с тарелочки и посмотрел прямо в глаза Райхсфюреру, – простите, что по-панибратски, но Вы, все-таки, моложе меня на поколение. Эрих, «государство Израиль» в своей политике мало чем отличалось от нацистской Германии, и было

значительно хуже вас, но мы его признали. Вы думаете, у вас нет шансов? Они есть, но вам надо показать волю к диалогу. Если завтра вечером ваши армии остановят продвижение вглубь страны, я... **мы** будем знать, что с вами можно разговаривать.

– Вы и так со мной разговариваете, – буркнул Райхсфюрер, глядя, как де Мистура отправляет в рот печенюшку. – У меня есть одно условие. Данциг должен вернуться домой.

– Если Вы успеете взять его до начала приема в честь дня рождения полудохлого, он ваш, – ответил генсек ООН, вставая.

– Поосторожнее с выражениями, – посоветовал Эрих. – Как я понял, Вы говорите о Фюрере?

– А разве Вы его оцениваете по-другому? – улыбнулся де Мистура. – Вам следует построить для него мавзолей. Тогда, лет через сто, его закопают благодарные потомки, я имею в виду вашего Фюрера. Я надеюсь, мы друг друга поняли.

– И все равно Лавров Вам сто очков вперед даст, – сказал Райхсфюрер с напускной сердитостью.

– Я не конкурирую с богами, – ответил де Мистура. – Рад был повидаться. До скорой встречи, герр Фюрер.

– Я Райхсфюрер! – поправил его Эрих. – Фюрер не стал бы с Вами разговаривать в принципе.

«Банально потому, что полудохлые не разговаривают», – подумал Райхсфюрер, когда де Мистура ушел.

* * *

Проводив Генерального секретаря ООН, Эрих вновь вызвал Брунгильду. Он ничего ей не говорил, но та сама знала, зачем он ее вызывает, и вернулась с небольшим подносом, который поставила на стол Райхсфюреру. На подносе была чашка с крохотными фрикадельками; Эрих принялся кормить собаку, размышляя над дальнейшими своими действиями.

Идея остановить наступление казалась привлекательной. Во-первых, Райхсвер был вымотан предыдущими боями, и пусть потери были невелики, особенно если сравнивать их с польскими (бывшие ИГИЛовцы воевать умели плохо, и даже при численном превосходстве и прекрасном техническом оснащении ухитрялись огреть и бежали, бросая оружие и снаряжение, что было весьма кстати – трофеи шли на вооружение народно-гренадерских частей), но людские ресурсы в распоряжении Райхсфюрера были ограничены, и их следовало беречь.

Не от хорошей жизни Эрих принял программу массового производства боевых роботов. В тех же России, США и Китае боевые роботы использовались лишь как средство поддержки – автономный ИИ существенно уступал на поле боя человеческому. Но у Эриха не было таких людских ресурсов, и даже та полуторамиллионная армия, что была сейчас, сильно давила на экономику только поднимающегося Нойерайха. С финансами у Райхсфюрера не было проблем – он сорвал просто фантастический куш за два года до ЕА, во время крушения биткойновой пирамиды, и удачно конвертировал эти средства в золото, материалы и выгодные инвестиции. Но за деньги нельзя купить людей, а именно люди были критическим ресурсом Нойерайха. Треть населения были пронумерованы, десятая часть – ликвидирована. Из оставшегося числа вычитаем женщин, детей, стариков – и что у нас остается?

Собака нетерпеливо ткнула Эриха лапкой – он отдал ей фрикадельку и задумался, вместо того, чтобы взять с подноса новую. Спohватившись, Эрих скормил псине оставшиеся фрикадельки.

– Брунгильда, запросите, пожалуйста, у фон Немова информацию, сколько всего поляков были признаны орднунг-менш, – сказал он. – Я имею в виду не поляков вообще, а бывших граждан Польши, с освобожденных территорий.

– Сделаю, – сказала Брунгильда. У нее был тихий голос с какой-то воркующей хрипотцой. – Герр Райхсфюрер, простите, но Вы бы сами поели.

– Я же недавно завтракал, – удивился Эрих.

– Ваше «недавно» было в десять часов утра, а сейчас уже пятнадцать, – парировала Брунгильда. – И что Вы ели, Вы сами-то помните?

– Вы же знаете, что я не запоминаю подобных мелочей, – пожал плечами Эрих. – Ладно, скажите, пусть приготовят чего-нибудь и сервируют в зале аудиенций Фридриха Великого. И напомните, чтобы подали чашку мелких фрикаделек, а то они постоянно забывают, приходится Софию-Шарлотту со стола кормить, а это ей не полезно.

– Между прочим, – заметила Брунгильда, – доктор говорит, что при ее уровне активности ей так много еды может быть вредно. А Вы ее, кажется, перекармливаете.

– София-Шарлотта не станет есть слишком много, – сухо сказал Эрих. – Рассудительности в этой собаке больше, чем в десятке либеральных политиков вместе взятых.

– Разрешите идти? – спросила Брунгильда. Эрих коротко кивнул, и адъютант вышла. Эрих протянул руку и почесал собаке подбородок.

– Scheiße, – сказал он. – Всякая arsch тебя учить норовит. Никак из них этого не выбить.

Собака кивнула головой и ткнулась лобом в ладонь хозяина, как будто все понимала и хотела приободрить Райхсфюрера. Эрих задумчиво почесал ее за ухом.

– Знаешь, Соня, – сказал Райхсфюрер собаке (в отсутствие посторонних он именовал пёсика по-панибратски, но никогда так не делал в чьем бы то ни было присутствии), – если бы ты умела говорить, я сделал бы тебя райхсминистром. Или райхсканцлером. Вот даже специально для тебя создал бы должность. А что, райхсканцлер София-Шарлотта фон Вильмерсдорф – звучит...

Собака тихо гавкнула, ее лай напоминал на звук очень далекого взрыва. Райхсфюрер опять почесал ей за ушами:

– Не любишь вспоминать родной Вильмерсдорф? Я тебя понимаю. Жаль, что ты только собака. Собаки лучше людей. Собаки не замышляют подлостей, не берут взяток, они любят тех, кого любят, независимо от обстоятельств. Ваш род, наверно, имеет постоянный аусвайс в Рай – поскольку вы умеете любить и быть преданными так, что нам, людям, и не снилось.

Он снова нажал незаметную кнопку под столом. На сей раз вместо Брунгильды появилась физиономия молодого, но очень уставшего человека.

– Курт, – сказал Райхсфюрер, – что с итальянцами?

– Дон Чезаре собирается к Вам, – ответил Курт. – Отчет о текущем положении у вас на жестком диске, маркировка стандартная.

– А вкратце, – спросил Эрих, – у них есть перспективы взять Рим без нашей помощи?

– Мы перебросили тосканской группировке столько, сколько смогли, – ответил Курт. – Даже полсотни «Леопардов» и столько же «Палладинов». Но над тосканцами на фланге висит третий корпус французов, и если они ударят, боюсь, тем придется уйти в глухую оборону. Они запросили побольше ПВО...

– Хорошо, – сказал Райхсфюрер, – а мы как-то им можем помочь?

– Есть два варианта, – сказал Курт, – но оба с закавыками. Можно было бы перебросить что-то из частей Райхсмаршала, если тому удастся быстро взять Данциг или достичь серьезных успехов на люблинском направлении. В оба города бар... простите, Польская армия вцепилась зубами, но первое реальнее, чем второе – Маннелинг, после потери ног, готов город снести к чертовой матери, но добыть нам польские ключи от моря. Но перебрасывать тяжелую технику с севера – та еще морока, дороги в генерал-губернаторстве, сами понимаете, какие, после того, как там райхсверовцы прошли.

Эрих задумчиво потер подбородок. София-Шарлотта, пользуясь тем, что Райхсфюрер отвлекся, передними лапами забралась на стол и обнюхивала забытую Брунгильдой плошку из-под фрикаделек.

– Откуда проще всего перебросить войска? – спросил Эрих, не обращая внимания на предосудительное поведение «райхсканцлера фон Вильмерсдорф». – И как быстро мы сможем это сделать?

– Лучше всего, конечно, из центра, – ответил Курт. – Чуть дальше, но инфраструктура на центральном направлении лучше. Но для этого надо полностью остановить наступление...

– Курт, – перебил его Райхсканцлер, – Вы говорите мне очевидные вещи. Если я задал вопрос, значит, мне нужен ответ. Без рассуждений о том, что для этого нужно сделать. Сколько времени займет переброска, скажем, танковой и артиллерийской бригады и корпуса фолькс-гренадеров?

– Без использования авиации? – спросил Курт. Райхсфюрер кивнул. – Семь – десять дней. Разрешите вопрос.

– Не разрешаю, – оборвал его Эрих. – Так, кстати, а что у нас с авиацией?

* * *

Закончив переговоры с Куртом, Райхсфюрер вызвал Брунгильду.

– Обед будет готов через... – начала та.

– Можете не торопиться, – остановил ее Эрих, – передайте на кухню, пусть приготовят еще одну порцию. Запросите у представительства ООН в Берлине диету дона де Мистуры и пусть приготовят что-то из нее. И свяжитесь со стариком: скажите, что я хочу с ним отобедать.

– Так точно, – ответила Брунгильда. Эрих задумчиво посмотрел на Софью-Шарлотту, с недовольным видом лежащую на своем креслице. Увидев, что хозяин смотрит, собака перевернулась пузичком кверху. Сверкнул металл – из этого положения было видно, что одна из лап собаки – киберпротез хорошего качества.

– Оба мы с тобой инвалиды, Соня, – сказал Эрих, машинально почесывая пузичко собаки. – Что-то теряешь, что-то находишь. Три ядерных фугаса, чтоб они их себе в задницу запахали, и нажали красную кнопку.

Затем, словно спохватившись, опять запустил руку под стол. Над столом, в виде голограммы, появился Курт.

– Подготовьте мне защищенную линию с Райхсмаршалом, – сказал Эрих, – к 17:00. Это раз. Второе – прикажите, чтобы на **наш** Тейгель подогнали Mercedes-Benz 770K, о котором я говорил. Поручите это герру Порше.

– Так точно! – ответил Курт. Райхсфюрер глянул на него примерно так, как до того смотрел на Софию-Шарлотту:

– Курт, я очень ценю Ваш профессионализм и преданность, – сказал Эрих. – После того, как я закончу разговор с Райхсмаршалом, поезжайте домой и хорошенько отдохните, насколько сможете. Следующая неделя будет тяжелой.

– Разрешите вопрос? – сказал Курт. Райхсфюрер кивнул. – У нас вообще бывают легкие недели?

– Не замечал, – улыбнулся Эрих. – Хорошо, не смею Вас задерживать. Работайте.

* * *

Зал приемов Фридриха Великого изначально был не очень уютным – длинное и широкое помещение с низкими сводами, возможно, действительно неплохо подходило для приемов, но его пустота и тяжелый свод с лепниной неприятно давили на психику. Теперь зал использовался по прямому назначению, для официальных приемов, но часть его, прилегающая к покоям, которые Эрих без лишней скромности объявил своими, была отделена от остального зала. Здесь, в оконной нише, стоял небольшой обеденный стол, разместиться за которым могли от силы два-три человека. Чаще всего, Эрих обедал здесь один, но иногда приглашал кого-то для конфиденциальной беседы – это место и прилегающие к нему «покои» было защищено от любой прослушки.

Пока де Мистура не пришел, Эрих в компании нетерпеливо наблюдавшей за сервированными стол пронумерованными Софии-Шарлотты, коротал время в кресле у камина, куря сигару (все те же «Ромео и Джульетта») и лениво листая свежий номер «Орднунг-Фроляйн». Первоначально Райхсфюрер хотел полностью «зачистить» прессу на бумажных носителях, поскольку выпуск бумаги в Нойерайхе в условиях санкционной блокады пришлось сокращать, к тому же, «бумажная» пресса, по мнению Эриха, была вчерашним днем, если не позавчерашним. Но за глянцевого журналы вступилась Магда Шмидт, и вступилась талантливо:

– Мой фюрер, – говорила она, – сотни тысяч немков привыкли к глянцу. Это плохо, но это и хорошо – если раньше журналы размягчали им мозги, то теперь мы превратим их в наше орудие для постановки этих мозгов на место. Под нашим контролем то, что одурманивало, может послужить к исцелению. Вы ведь сами говорили, что орднунг-менш не стоит травмировать резкими переменами, правильно я Вас понимаю?

Эриху пришлось согласиться, но число журналов все равно подсократили. Магда оказалась просто гением, и, листая «Орднунг-Фроляйн», Райхсфюрер в который раз с удовольствием это отметил. Внешне журнал почти не изменился, а вот содержание статей местами развернулось чуть ли не на сто восемьдесят градусов, но информация до читательниц доносилась тактично, спокойно, умиротворяюще...

«Похоже на мягкий гипноз», – подумал Эрих.

Его привлекла фотография девушки в простеньком платье (в женской моде Эрих не разбирался совсем, потому не знал, как описать это платье – легкое, розовое, с коротким рукавом – оно показалось ему каким-то детским), поверх которого был надет белый кружевной фартук. Волосы девушки были уложены в два красивых «бублика», как у принцесс с рисунков эпохи Возрождения.

Эриха поразил ее взгляд – девушка смотрела в камеру так, словно фотограф собирался ее расстрелять, но не со страхом, а, скорее, с какой-то обреченностью. В этом образе было что-то трогательное, что-то пробуждающее сочувствие.

«Хороший образ», – подумал Эрих. – «Надо будет поговорить с Магдой, может, его можно как-то использовать в пропаганде, например, молодежного движения. Для юных унтергебен-менш, желающих вступить на стезю...хм... интересно, кто это?»

У фото не было подписи, и Райхсфюрер собирался перелистнуть страницу – как правило, там располагалась статья о том, кто был изображен на фото с разворота, но не успел – в зал, ковыляя, вошел Генеральный секретарь ООН. Эрих отложил журнал (с намереньем забрать его потом с собой), помог Софии-Шарлотте спуститься с ее лежанки, и проводил де Мистуру к его месту за столом.

Трапезу, сервированную для Райхсфюрера и его гостя, нельзя было назвать королевской: для де Мистуры приготовили фаршированные котлеты из куриного мяса, цветную капусту в сухарях и несколько небольших салатиков, Райхсфюрер довольствовался порцией жаренных сосисок с капустой.

– С чего вдруг такое гостеприимство? – с порога удивился генсек ООН. – Вы приняли решение?

– Я близок к этому, – уклончиво ответил Эрих. – Садитесь, перекусим... простите, без особых разносолов, сами понимаете, после наложенных на нас со стороны **вашей структуры** санкций мы здесь, в Нойерайхе не жируем.

Де Мистура, кряхтя, сел в кресло. Эрих дождался, пока он сядет, и присел сам. Тут же, откуда ни возьмись, появился пронумерованный, налил в рюмки коньяк и скрылся.

– Я же говорил, что не пью, – проворчал де Мистура. Эрих, тем временем, усадил собаку, после чего открыл небольшой судок – в нем оказались крохотные фрикадельки без соуса.

– Согласно тому, что указано в Вашей медицинской карточке, немного коньяка Вам можно, – сказал он, протягивая миниатюрную фрикадельку активно виляющей хвостом Софии-Шарлотте. – Коньяк хороший, таким Вас разве что в Москве или Пекине угостят.

– Польщен, – складка кожи на шее Де Мистуры дернулась. Он осторожно взял рюмочку, поднес к носу, понюхал, прикрыл глаза, после чего отставил, задержав руку, чтобы согреть напиток. – Вы правы, коньяк один из лучших, которые мне предлагали, особенно последнее время. Что не оправдывает того, что Вы вломились в закрытый раздел посольского сервера...

– Помилуйте, но ведь я должен был знать, чем Вас угостить! – воздел руки Эрих. – Да хватит Вам, тоже мне секрет, болезни. Все мы не молодеем, тут стесняться нечего. Давайте, прежде чем начнем трапезу, расставим все точки над *i*. Я принимаю Ваше предложение, но у меня есть условия.

– Слушаю Вас, – де Мистура слегка склонил голову, и Эрих вспомнил, что в его карточке говорилось о частичной глухоте – Генсек ООН почти не слышал левым ухом.

– Все просто, – сказал Эрих. – Данциг наш, граница по Висле, мы отдаем правобережную часть Варшавы и зону в 50 километров от города. Отводим войска за Дунаевец и возвращаем Тарнув. Войско Польское не должно располагать части ближе, чем за пятьдесят километров от Вислы и Дунаевца. И я хочу, чтобы любой поляк, кто изъявит подобное желание, мог свободно покинуть территорию «независимой Польши» с семьей и движимым имуществом. Беспрепятственно. Это понятно?

– Вы как-то очень скептически сказали «независимая Польша», – ответил де Мистура. – Что ж, это честная игра. Вы отведете войска?

– Большую часть, – ответил Эрих. – Конечно, оставим пограничные подразделения, может, построим пару УРов³⁹, чтобы наши завислинские друзья не лезли. Сами понимаете, отвод войск займет время...

– Какое? – уточнил де Мистура.

– Примерно месяц, а то и больше, – ответил Эрих. – Инфраструктура Генерал-Губернаторства в руинах, да и до войны особо не блистала.

– Хорошо, – сказал де Мистура. – Я созвонюсь с Кардином, и сообщу ему...

– Что наши войска прекращают боевые действия в 06:00 по времени Вашингтона, – кивнул Эрих. – Конечно, мы ждем того же от его смуглых друзей под бело-красной бандерой⁴⁰. Если с их стороны будут обстрелы...

– Не будет, – поспешил заверить де Мистура. – Поляки об одном молят Аллаха, чтобы вы от них отцепились.

– Когда-нибудь эту пакость все равно додавят, – заметил Райхсфюрер. – Не мы, так русские. Зачем только тянуть?

– Ядерные фугасы, – напомнил де Мистура. – Вам очень нужна собственная Фукусима?

– Может, Вы и правы, – Эрих скормил Софии-Шарлотте еще фрикадельку и взял свою рюмку. – Тогда давайте выпьем за мир и процветание *niezależna Polska*.

– Хватит меня троллить, – буркнул де Мистура, беря в руки рюмку. – Когда последний раз Польша была незалежной, во времена Карла Великого?

– Немного позже, – улыбнулся Райхсфюрер, – но давно, Вы правы.

* * *

Эрих проводил де Мистуру, скормил Софии-Шарлотте фрикадельки, которые та не успела своровать, вызвал Брунгильду и велел ей выгулять собаку, заодно уточнив, как идет подготовка дома Райхсмаршала к его прибытию. Райхсфюрер в любом случае собирался вызвать

---

³⁹ УР – укрепленный район, комплекс фортификационных сооружений на местности. Считались устаревшими, но в ходе ряда конфликтов, в т.ч. Второй Корейской войны, доказали свою эффективность;

⁴⁰ Бандера (польск.устар.) – флаг;

Конрада в Берлин, а теперь – тем более. Он вернулся в свой кабинет, провел переговоры с Райхсмаршалом, затем посидел, побарабанив пальцами по столешнице, и набрал следующий номер.

– Да, – ответил неприятный женский голос. Видеоканал собеседник блокировал.

– Lang lebe die Reinigung, – поздоровался Эрих.

– Lang lebe die Reinigung, – ответила невидимая собеседница Конрада. – Чем обязана, герр Райхсфюрер.

– Фроляйн Штадтфюрерин, – сказал Эрих, проигнорировав более высокий титул собеседницы – партайдиректор, – я бы хотел, чтобы Вы как-то повлияли на **Вашего** рейхсмаршала.

– Он такой же мой, как и Ваш, – без особой приязни ответила женщина. – Герр Гайзель получил свое звание решением съезда Партай...

– ...и все мы хорошо знаем, кто продвигал его кандидатуру, – сказал Эрих.

– ...потому, что надо хоть как-то разбавить **твоих** ставленников! – буквально рявкнула женщина. – Под тобой все наши силовики...

– Например? – холодно спросил Райхсфюрер.

– Флот ты подмял под себя, – сказала женщина.

– На кой тебе в Австрии флот? – спросил Райхсфюрер. – У вас появился выход к морю?

– Армия под **твоим** Конрадом..., – продолжила она.

– Конрад не мой, – ответил Эрих. – Он лоялен Нойерайху, но ничью сторону не держит, ты сама это знаешь.

– Откуда мне это знать? – спросила женщина.

– А кто прошупывал герра Райхсмаршала на предмет сотрудничества? – спросил Эрих.

– А он сразу побежал жаловаться папочке, – хмыкнула его собеседница. – И ты после этого говоришь, что он не твой. Дальше, Райхсполицай...

– А ты контролируешь Партайгешютце, – ответил Райхсфюрер. – Один-один.

– Вот и я о том же, – сказала женщина. – У тебя маршал, у меня маршал – справедливо?

– Было бы справедливо, – сказал Эрих, – если бы твой Гайзель хоть немного двигал жопой в нужном направлении!

– Я вообще не понимаю, о чем ты! – сказала женщина тоном оскорбленной невинности, плохо сочетавшимся с ее каркающим голосом.

– О том, что у Гайзеля авиационную поддержку приходится вымаливать! – сказал Райхсфюрер раздраженно. – Мы не для того даем Люфтваффе лучшие в мире самолеты, чтобы показывать их на парадах!

– Даете? – уточнила женщина. – Ты это называешь «даете»? Гайзелю не хватает матчасти даже для покрытия потерь!

– Карэн, – взорвался Эрих, – где я тебе возьму больше, рожу?! Наши производственные мощности – не резиновые! Мы снабжаем армию...

– ...твоего друга Конрада, – заметила Карэн. Эрих продолжал:

– ...переворужаем флот...

– **Твой** флот, – сказала Карэн. – Я, например, считаю, что флот – задача не первостепенная. На кой он нам?

– Мы осваиваем Арктику! – напомнил Эрих. – Арктика – единственный доступный для нас источник полезных ископаемых. Нам **нужен** сильный флот, без него нас из Арктики выпрут – не русские, так американцы.

– Лучше было бы с этими американцами договориться, – сказала Карэн. – После того, как **мы** вынесли пшеков, место главного антироссийского форпоста в Европе вакантно. Почему бы его не занять нам?

– По качану! – ответил Эрих грубо. – Я тысячу раз говорил, что не собираюсь втягивать Нойерайх в большой геополитический футбол. Ни на чьей стороне. Тем более – на американской. Американская помощь превратила нас в то посмешище, каким мы были до ЕА!

– Американцы вытащили нас из жопы, – сказала Карэн. – В которую Германию загнали ребята вроде тебя. Кончай ломать комедию, Штальманн, без Америки мы долго не протянем. Французы с англичанами сейчас разберутся со своими проблемами и совместно нам ввалят.

– Если мы подготовимся, то не ввалят, – ответил Райхсфюрер.

– Вот и я о том же, – сказала Карэн. – Нам надо на коленях умолять Вашингтон, чтобы они именно на нас сделали ставку. И если для этого потребуется...

– Карэн, ты меня видишь, кстати? – спокойно спросил Эрих.

– Вижу, – ответила та. – Я только видеопередачу заблокировала, у меня не прибрано. Эти пронумерованные – такие лентяи! Я считаю, с ними надо пожестче...

– Это хорошо, что видишь, – спокойно сказал Райхсфюрер, а затем, скрутив фигу, ткнул ее прямо под видеокамеру компьютера:

– Собственно, это и по поводу американцев, и на тему унтергебен-менш. И передай Гайзелю, что ему **придется** исполнять Райхсприказы, даже если после этого у него не останется вообще ни одного целого самолета. Нойерайх выделяет Люфтваффе огромные средства не для того, чтобы дать возможность Гайзелю покрасоваться в форме перед камерами. Я все сказал. Lang lebe die Reinigung!

Не дожидаясь ответа собеседницы, Эрих выключился, после чего сказал лишь два слова, но оба они были непечатными.

София-Шарлотта, которую Брунгильда принесла в перерыве между звонками, и которая успела уже задремать, проснулась и наострила ушки.

– Это не про тебя, – сказал Райхсфюрер собаке. – Тьфу, конечно не про тебя, когда я тебя ругал? Ты у меня девочка умная – в отличие от этой fotze Карэн...

Он встал из-за стола и подошел к собачьему диванчику (пока Райхсфюрер обедал, Брунгильда отодвинула его от стола, чтобы собака приставаниями не мешала Эриху работать). Наклонился, и почесал макушку болонки:

– И никому не скажешь. И ни с кем не посоветуешься. Scheiße .... Ладно, давай собираться – нас ждет Цезаре.

Повязанные кровью

Мобильник в кармане Чезаре буквально разрывался. Сам дон Корразьере к этому факту отнесся стоически: подождал, пока ему отдадут пальто, вынул телефон, посмотрел, кто звонит и ответил:

– *Carra mia*, надеюсь, это действительно важно. Я как раз собирался отдать дону Энрике твой блокнот, и...

Услышав ответ Пьерины, Чезаре недобро прищурился:

– Где, здесь? Ну-ка, повтори, я должен точно это запомнить.

Вероятно, Пьерина повторила. Выражение лица Чезаре стало волчьим.

– Не волнуйся, дорогая моя. Считай, что он уже собирается купаться. Обещаю тебе. Да, я тебя тоже. Хорошо, позвоню, как закончим. Ну, куда я здесь пойду?! Конечно, в отель, не сомневайся, – и положил трубку. Спрятал мобильник, и достал из того же кармана блокнот в кожаном переплете с застежкой.

– Простите, дон Энрике, – сказал он, раскрывая блокнот. – Тут такое дело... сейчас я этого *metodo* найду и объясню, *va bene*?

Эрих заинтересованно кивнул, вставая из-за стола. Чезаре тем временем листал блокнот – невероятно старомодную штукювину с алфавитом. С тех пор, как мобильник стал привычным даже для жителя какого-нибудь африканского захолустья, необходимость в бумажных телефонных книгах отпала, но их продолжали выпускать небольшими партиями для фриков. Неизвестно почему, Пьерина питала слабость к подобным архаизмам, а Чезаре считал это ее пристрастие милым, и добывал ей всякие раритеты. Блокнотов у Пьерины была целая коллекция, она писала в них перьевыми ручками (еще один анахронизм) или карандашами (которые сейчас использовали только немногочисленные художники, не поменявшие еще мольберт на графический планшет).

В этом блокноте, особенностью которого было то, что в него можно было подкалывать дополнительные листы, если закончилось место, Пьерина дала короткие, но предельно безжалостные характеристики более чем двум тысячам своих знакомых. Некоторые из этих характеристик были всего в пару строк, а самые большие полностью занимали лист с двух сторон.

Именно на одну из таких «расширенных» характеристик Пьерина и указала Чезаре. Найдя нужную страницу, тот поморщился и спросил:

– Дон Энрике, Вы по-французски читать умеете? А то я только на слух воспринимаю, *cazza*... тьфу, простите.

– Давай сюда, – кивнул Райхсфюрер, обходя стол. Чезаре передал ему блокнот, раскрытый на нужной странице.

– А можно вслух? – попросил он. – Мне тоже интересно, что это за фраер. Пьерина говорит, он у вас какая-то шишка...

Эрих, начавший, было, просматривать текст, остановился:

– Что? Стоп, а конкретнее можно? В каком смысле?

Чезаре наморщил лоб:

– Не уверен, что я правильно запомнил. Какой-то комиссар по эстетике и культуре. Она его видела в передаче по головизору.

– Какой комиссар? – голос Эриха стал жестким. – Райхскомиссар, ландкомиссар, штатд-комиссар?

– Не помню, – честно признался Чезаре. – Там что-то связанное с Австрией...

– Ну да, Райхскомиссар у нас один, и это Магда, – Райхсфюрер прищурил здоровый глаз. – Австрия, говоришь? Точно Австрия?

– *Che cazza*, зачем мне врать? – пожал плечами Чезаре. – Австрию она точно упоминала.

– Отлично, – хищно улыбнулся Эрих. – Слушай, я пока почитаю, а ты набери свою жену, и уточни, пожалуйста, что за передача. Хочу сам взглянуть на этого типа, чтобы быть уверенным. Ульрик ван Нивен... интересно, Карэн мне его даже не представила.

И углубился в чтение, а Чезаре принялся набирать.

– *Caro mia*, – сказал он, когда Пьерина ответила, – дон Энрике хотел уточнить, по какому каналу... хорошо, а что за передача? Как зовут? Ирма, *eccelente*. Хорошо, передам. Ну да. А, так он *gotto in culo*, понятно... *pezzo di merde*, я передам. Читает сейчас. Хорошо, давай, *ti amo!*

Эрих тем временем перевернул страницу, и продолжал читать.

– Какой канал? – спросил он, не отрываясь.

– Вроде, Райхскультура, – ответил Чезаре. – Что за передача, непонятно, ведет девочка по имени Ирма.

Эрих кивнул, и сделал какой-то непонятный жест. Тут же над столом зависла голограмма бледной молодой женщины с монументальными чертами лица. Чезаре подумал, что она похожа на одну из статуй у входа в Дас Райх.

– Брунгильда, мне надо выяснить, какую передачу на канале Райхскультура ведет фролайн по имени Ирма, – сказал Эрих.

– Нойекултур, конечно, – ответила Брунгильда. – Ирма Стадлер, очень хорошая девочка. Ее любят многие. Если она что-то не так...

– Нет, – оборвал ее Райхсфюрер. – Когда был последний на сегодняшний день выпуск этой передачи?

– Закончился семь минут назад, – ответила Брунгильда. – Сейчас идут «Небеса достать рукой», только начались. Я думала посмотреть...

– Вот что, – сказал Эрих, – позвоните на канал и скажи, чтобы они выслали мне копию на мой домашний датацентр. А Вам пусть вышлют режиссерскую версию «Небес...», скажите, что я разрешил.

– Спасибо, герр Райхсфюрер, – на губах Брунгильды появилось некое подобие улыбки. – Я бы и обычной довольствовалась.

– Посмотрите режиссерскую, Вам понравится, – улыбнулся Эрих. – Герр Шмидт когда ее смотрел, так хохотал! Хотел сценариста с режиссером на Дезашанте отправить, но я отговорил. Ничего там такого нет, а творческому человеку надо позволять время от времени задирать хвост пистолетом. Но, конечно, смотреть такое могут только проверенные геноссе. Так, я жду файла.

Брунгильда кивнула и исчезла. Эрих обернулся к Чезаре:

– Сейчас посмотрим, что это за *Scheiße*, – сказал он, вызывая пронумерованного с вином.

– А что там, в блокноте? – поинтересовался Чезаре.

– В сухом остатке имеем законченную дрянь, – сказал Эрих. – Педераст, который имеет тягу к несовершеннолетним подросткам, неиспорченным, как он сам выражается. Женщин за людей не считает, всячески третирует и зажимает, как может, причем при этом как-то ухитрился спеться с феминистками, – Райхсфюрер скривился. – Был замешан в скандале с каким-то совсем сопляком, еще до ЕА, но, к счастью для себя, всегда отрицал свою педерастическую сущность – наверно потому, что имел склонность по большей части к несовершеннолетним мальчикам. А эта *Närrin Karin*⁴¹ взяла его руководить Райхскапеллой памяти двадцать второго июля!

Эрих изменился в лице: его черты внезапно приобрели ту самую жесткость, которую Чезаре хорошо запомнил, равно как и то, что мандарины в швейцарских тюрьмах – говно. Чезаре не боялся ничего на свете, нет, не так – страх, который он, как и все живые люди, порой испытывал, подстегивал его, заставлял действовать. То, что он испытывал, когда видел Эриха

---

⁴¹ *Närrin Karin* (нем.) – игра слов: «дура Карэн»;

таким, было не страхом. Это чувство, скорее, можно было назвать религиозным благоговением. Словно индус, который встретил аватару Брахмы...

– Поставить педераста руководить Райхскапеллой, это... – Эрих сделал паузу, – это все равно, что открыть врагу ворота города! Эти юноши олицетворяют собой Нойерайх, его новое, здоровое поколение, избавившееся от гнусности, порока и деградации!

Над столом вспыхнул свет, и появилась голограмма Брунгильды.

– Я перебрала Вам файл, – сказала она. – Если что, я нарезала передачу по эпизодам, и озаглавила каждый. Разрешите обратиться?

– Обращайтесь, – разрешил Эрих.

– Герр Райхсфюрер, по тому, как Вы разгневаны, я поняла, что случилось нечто совершенно недопустимое, – сказала Брунгильда. – Хочу вступить за Ирму – если она где-то допустила ошибку...

– Брунгильда, я же сказал, что **ваша** Ирма тут ни при чем, – опять прервал ее Райхсфюрер. – Ни ей, ни кому бы то ни было из редакции Программы ничего не угрожает. К сожалению, гниль завелась этажом выше. Вы просмотрели передачу?

– Как она могла? – не удержался и спросил Чезаре. – Ведь всего пару минут...

– У Брунгильды есть специальный имплантат, – пояснил Эрих. – Она способна быстрее усваивать информацию, в случае видео – в десять раз, да, Брунгильда?

– Так точно, – ответила девушка. – Это ответ на оба вопроса. Я просмотрела файл.

– Какие-то замечания? – спросил Райхсфюрер. Брунгильда замаялась:

– Последний гость, – сказала она. – Некто Ульрих ван Нивен. Скользкий тип, и, кажется, не особо жалуют фрау Шмидт, хотя юлит, как намазанный мылом уж.

– Брунгильда, Вы знаете, кто сейчас со мной за столом, – сказал Эрих утвердительным тоном, – дон Корразьере – мой друг и доверенное лицо. Можете быть предельно откровенны. Что Вы думаете об ван Нивене?

– Приспособленец, – Брунгильда процедила это слово тока, словно сплюнула. – И похож на педика. Как он восхищался «мальчиками» из своего хора... Scheiße. И это не только мое мнение.

– А чье еще? – удивился Райхсфюрер.

– Я сразу спросила у Отто... – ответила Брунгильда, – у герра Зейферта, редактора передачи, я немного с ним знакома, не было ли каких накладок. Отто сказал, что накладок не было, но в последнем сюжете он не уверен. Раньше фрау Шмидт лично утверждала все материалы, а теперь этим занимаются райхсцензоры, а те, видя рескрипт вышестоящего лица, могут утвердить материал вообще не глядя.

– Scheiße, – скрипнул зубами Эрих. – Ну, с этим я разберусь. Хорошо, Брунгильда, я доволен вашей работой. Отдохните, надеюсь, кино Вам понравится.

– Простите, герр Райхсфюрер, – лицо Брунгильды было удивительно безэмоциональным, но Чезаре показалось, что женщина смутилась, – я немного... в общем, упомянутый Вами ван Нивен сейчас находится в Берлине. Как Вы знаете, Райхскапелла выступает на открытии Дня Рождения Фюрера, естественно, он ее сопровождает. Капелла разместилась в пансионе фрау Сенна, на Якцощтрассе, а сам ван Нивен снял особняк неподалеку, на Кельтерервег 38.

– Особняк? – переспросил Эрих. – Брунгильда, будьте любезны, уточните, пожалуйста, завтра, за чей счет оплачена аренда особняка.

– Уже, – ответила Брунгильда. – Штадтминистерство Культуры Остерейх. Перевод денег одобрен штадтфюрерин лично. Копию платежного документа я сбросила Вам на концентратор.

– Вот что, Брунгильда, – Эрих потер пальцами подбородок. – Завтра с утра подготовьте мне приказ о награждении. Награду выбирайте сами.

Лицо Брунгильды осталось бесстрастным:

– Кого и за что Вы награждаете?

– Вас, – ответил Райхсфюрер, – за безупречную службу. И да, я помню, что награждал Вас в октябре месяце, не напоминайте. Мы все любим Нойерайх, но это не значит, что безупречная служба не должна вознаграждаться.

– Разрешите обратиться? – сказала Брунгильда.

– Не разрешаю, – ответил Эрих. – Хильда, это приказ, а приказы не обсуждаются. Приятного вечера.

– И Вам того же, герр Райхсфюрер! – ответила Брунгильда, и, наконец-то, Чезаре мог со всей определенностью сказать – женщина тронута. На ее бледной коже появился легкий румянец, глаза заблестели... – *Lang lebe die Reinigung!*

– *Lang lebe die Reinigung!* – ответил Эрих.

* * *

Когда Брунгильда отключилась, Эрих взял бокал со стола и посмотрел на Чезаре. В его взгляде читалось какое-то почти несолидное озорство, но кого-то другого (не Чезаре) этот лукавый блеск, наверно, мог бы напугать до заикания.

– Проще всего сейчас было бы вызвать сюда Вольфа, – сказал он, – ткнуть носом в художества этого педераста, устроить выволочку...

Он задумчиво перевел взгляд на вино в бокале:

– Когда-то Вольф Шмидт упек меня за решетку, два раза подряд. Теперь он Райхсминистр Райхсполицай в моем правительстве, более того – он один из немногих, кого я считаю своим другом. Прикинь, Штальманн закорчился с легавыми, западло, да? Жизнь все меняет, Чезаре, и нет в ней ничего постоянного. И простых решений в ней тоже нет. Можно спасти другу Вольфу, отправлявшему меня на казенный харч, его лицо, но я не буду. Не буду ради него самого.

– В смысле? – спросил Чезаре. – Простите, дон Энрике, но я нихрена не догоняю, что Вы сейчас сказали. Наверно, я не совсем...

– Это мне лучше знать, совсем ты, или не совсем, – перебил его Эрих. – Поясню – Вольфу надо вставить пистона, чтобы шевелил culo, как говорят у тебя на родине. Да и Магде встряска не помешает. Если время от времени не устраивать *die klein Reinigung*, начинаются проблемы. А в близком окружении – тем более.

Он поднял бокал, и они с Чезаре выпили, просто так, без тоста. Эрих продолжил:

– Христос говорил, – при упоминании Христа Чезаре торопливо перекрестился, – «кого Я люблю, того наказываю». Вольф и Магда дороги мне, но завтрашний вечер они надолго запомнят. Вот что, Чезаре... ты, помнится, первого человека лет в десять мочканул?

– В восемь, – уточнил Чезаре.

– Самостоятельно? – спросил Эрих, и пояснил, – то есть, никто тебя не учил этому?

– *Che cazzo*, конечно учили! – ответил Эрих. – Дон Маркантонио Контини, *pace all'anima sua*⁴². Мой *padrino*⁴³, *cazzarolla*, он был мне больше, чем отец!

– Я тоже впервые убил человека под руководством отца, – сказал Эрих, улыбаясь.

– А кто был Ваш отец? – спросил Чезаре. Эрих на мгновение посмурнел, но потом вновь улыбнулся:

– Настоящий немец, которым можно гордиться. Когда я пристрелил этого... не важно, отец подошел к трупку, взял пальцами немного крови, и нарисовал ею мне крест на лбу. После чего сказал: «теперь ты настоящий мужчина».

– *Che cazzo*, один-в-один, как у меня! – восхитился Чезаре. – Только он сказал по-другому: «гордись, *piccolo stronzo*, теперь ты мужчина, а не *pezzo di merde*. А теперь делаем ноги, пока не замели, твой бабах, небось, пол-Неаполя слышало».

---

⁴² *Pace all'anima sua* (ит.) – мир его душе;

⁴³ *Padrino* (ит.) – крестный отец;

Слушая это, Эрих улыбался и кивал, а потом сказал:

– Тебя не было с нами в славные дни ЕА, Чезаре, но это ничего не значит. Тем не менее я бы хотел, чтобы ты прошел обряд посвящения. Вот что мы сделаем: поезжай в Моабит, тебя там встретит симпатичная девочка Грета. Советую подружиться с ней, она у нас вторая после Вольфа, и на Дезашанте отправляются только с ее подачи. Возьмешь ее, найдете еще какого-нибудь засранца, и езжайте в этот особняк на Кельтерервег. Сформируете DF3 – Гретхен в этом плане опытная. Правила следующие – подозреваемого в наручники, в хате полный обыск – этим займется Грета, она же и допрос проведет...

– А я там зачем? – спросил Чезаре.

– Во-первых, три – счастливое число, – объяснил Райхсфюрер. – Во-вторых, три человека минимальное и максимальное количество людей для принятия важного решения. Ну, и, в-третьих, если выродок окажет сопротивление – можешь шлёпнуть его на месте из необходимости соблюдения Орднунга. Ну как, согласен?

– Если бы мне это предложили не Вы, в жизни бы не согласился, – ответил Чезаре. – А по Вашему приказу – хоть nel buca di culo alla diablo. Где этот ваш Моабит?

– Вольфганг дорогу знает, – ответил Эрих. – Гретхен он тоже знает. Он, вообще-то, ничего парень, этот Порше, но может при виде ее лужу напустить. Если не напустит – можешь взять его в DF3. Для него это будет подарок судьбы, засиделся он в раухенгестерах.

Они допили вино и встали из-за стола. Эрих подошел к Чезаре, и, вместо того, чтобы протянуть руку, по-отцовски его обнял.

– Рад, что ты с нами, – сказал он. – Но ты должен запомнить этот вечер. Жду тебя завтра с женой на празднике.

– Спасибо, герр Эрих, – ответил Чезаре. – Мы обязательно будем!

Как будто он мог там не быть! Кто-кто, а неаполитанцы хорошо знают, что такое una proposta dalla quale è impossibile rifiutare⁴⁴.

* * *

На улице тем временем пошел редкий снежок. Выйдя на крыльцо в сопровождении одной из молчаливых ассистенток Райхсфюрера, Чезаре зябко поежился – его белое пальто для защиты от мороза, даже самого легкого, явно не предназначалось.

Доведя Чезаре до стоянки, валькирия дона Энрике удалилась, предоставив тому самому выбирать с территории усадьбы. Вольфганг курил возле машины. Чезаре сделал неопределенный знак рукой, но герр Порше понял его правильно, тут же протянув дону Корразьере его «Кэмэл».

– Синьор Порше, – спросил Чезаре, – Вам что-то говорит аббревиатура DF3?

Видя, что водитель при его словах напрягся, Чезаре, мысленно обозвав себя остолопом, добавил:

– Я в том смысле, не хотели бы Вы поучаствовать в подобном мероприятии?

– Я бы с удовольствием, – пожал плечами Вольфганг, – да кто ж меня пригласит на такое, я же раухенгестер...

– Читайте, что уже пригласили, – сказал Чезаре с улыбкой, выпуская дым. – Я, с полного одобрения дона Энрике. Который, кстати, считает, что Вы из этой шинели выросли.

Вольфганг засиял, как новая монета:

– Это для меня честь, даже вдвойне честь!

– Честь – штука хорошая, – Чезаре оглянулся в поисках урны, и, не найдя ничего ее напоминавшего, тихонько бросил окурок на землю, растерев его носком туфли. «Надо сменить обувь», – подумал он. – «В щиколотки холодно, cazzarolla!» – Но на хлеб ее не намажешь. Кстати, что это за ругательство такое, рахуен...

---

⁴⁴ Una proposta dalla quale è impossibile rifiutare (ит.) – предложение, от которого нельзя отказаться;

– Раухенгестер, – подсказал Вольфганг, открывая Чезаре дверь машины. – Вечно вчерашний. После национализации всех бывших собственников национализируемого имущества понизили в правах. Большинство перешли в разряд унтергебен-менш, а некоторые и в Дезашанте загремели, так что мне, можно сказать, повезло.

Пока Вольфганг произносил все это, он включил зажигания, но с места не трогался.

– Веселое, должно быть местечко, это ваше Дезашанте, – заметил Чезаре. – А, кстати, что там такого веселого?

– Доподлинно никто не знает, – пожал плечами Вольфганг, – но люди говорят, что Дезашанте – это ад на земле. Полная безнадега. Это, знаете, хуже смерти, когда живешь и знаешь, что никуда не сбежишь – даже на тот свет...

– Почему? – не понял Чезаре. В ответ Вольфганг открыл рот и показал зуб, закрытый неаккуратной пломбой:

– Из-за этого. Под пломбой – имплантат, паразитирующий на нервной системе. Стоит тебе даже подумать о самоубийстве или просто побеге – этот маленький изверг моментально тебя парализует и подает вызов в ближайшее подразделение Райхсполицай. Можно я закурю?

– She cazza, конечно, – задумчиво ответил Чезаре. – Зачем спрашивать?

– Мало ли, может, Вам неприятно, – Вольфганг пожал плечами, после чего утопил прикуриватель. – Так что, в гостиницу?

– Какая гостиница? – удивился Чезаре. – Мы едем в этот... cazzarolla, забыл, как оно называется. Вам имя Гретхен что-то говорит?

Вольфганг поехал, но машина, тем не менее, мягко тронулась с места и покатилась к выезду из усадьбы:

– Вы имеете ввиду Моабит? – зябко спросил он. Чезаре кивнул:

– В точку. Заберем эту *figlia di diablo* и поедem прессовать одного фраерка. Вы, я и донна Гретхен – вот и выйдет DF3.

– С ума сойти, – сказал Вольфганг, затягиваясь (машина выехала на улицу и стала набирать скорость). – Я в одной тройке с самой Гретхен... Вы не поймите меня превратно, герр... дон Корразьере, но я готов даже с чертом лысым работать, лишь бы от этой штуки избавиться. Не то, чтобы она мне очень досаждала **теперь**, это поначалу было трудно...

– Я не понимаю, – сказал Чезаре. – Она что, мысли читает, что ли?

– Не совсем, – ответил Вольфганг. – Не мысли, эмоции. Не знаю, как, но она довольно точна – стоит просто помечтать о чем-то запрещенном, вроде того же самоубийства – и все, стоишь, как мраморная статуя. Потом приезжают люди Вольфа, изымают имплантат, просматривают запись, и если посчитают нужным – тут же выносят приговор о наказании. Мне повезло, я только восемь раз пережил подобное, потом привык свои мысли в узде держать – а сколько народу загремело из-за них на Дезашанте? Условия там жестче, чем у нас, а бежать некуда – найдут и накажут. И перспектив выбраться нет вообще никаких. Жу-уть...

– Как по мне, так вся эта *merdos* с имплантатами – та еще *busa di culo*, – сказал Чезаре. – А если, положим, Вы в это время за рулем?

Вольфганг затушил сигарету в пепельнице (Чезаре заметил, что он докурив ее до самого фильтра) и сказал:

– Дороги контролируются компьютерами. При поступлении сигнала от имплантата машину автопилот отведет на обочину. Но за такое по головке не погладят, наказание будет строже.

– И у многих такие имплантаты? – поинтересовался Чезаре.

– Примерно у тридцати двух миллионов, – ответил Вольфганг. – Ставили всем, кто был неблагонадежен, но мог сослужить службу. Так что Вы понимаете, почему я так загорелся. Участники тройки пишут друг на друга характеристики на портале Райхсполицай, и я...

Вольфганг отвернулся к окну, за которым была набережная Шпрее, и глухим голосом продолжил:

– Я буду стараться... но Вы, когда будете писать характеристику...

Чезаре понял, и хлопнул Вольфганга по плечу:

– *Che cazzo*, даже не сомневайтесь! Буду только рад, если Вам удастся удалить больной зуб.

– Спасибо, – сдержано ответил Порше. – Знаете, я и не надеялся, думал, так и помру **окольцованным...** в принципе, жить с жучком можно, думать **правильно** быстро привыкаешь. Я не для того хочу удалить имплантат, чтобы думать как-то **по-другому**, я хочу доказать, что я и без имплантата настоящий орднунг-менш.

– По-моему, это и так очевидно, – Чезаре потянулся к пачке «Кэмела», которую Вольфганг бросил на торпеду. Шпрее, от которой они, было, удалились, вновь появилась справа. – Я одного понять не могу. Скажите мне Вы, мне действительно интересно: Вы говорите, что имплантаты получило тридцать два миллиона. Почему вы не сопротивлялись?

– Я лично не сопротивлялся потому, что давно мечтал о чем-то вроде ЕА, – пожал плечами райхсмайор. – А остальные... кто? Кто должен был сопротивляться? На 0 ЕА единственной организованной силой Германии была Партай. Все остальное – все эти ХДС, ХСС, зеленые, голубые... – все это была фикция, а не организация. Либеральная мораль – мораль индивидуалиста. У либерального гражданина на первом месте был он сам, на втором – его нужды, на третьем – его желания, на четвертом – его фантазии, а Родина, народ, партия, даже семья – где-то в самом конце списка. Более-менее были организованы только эмигранты, но их группировки были на ножах друг с другом, и ни при каких условиях не смогли бы объединиться. Штурмбригады сделали их как котят, даже без особых потерь со своей стороны – одно дело тискать вшестером напуганную фроляйн или прессовать либерально воспитанного гея, и совсем другое – противостоять вооруженным, организованным и ужасно злым немцам.

Чезаре прикурил от прикуривателя, протянутого Вольфгангом. Машина сбросила ход, и райхсмайор указал направо:

– Кстати, обратите внимание: видите эти руины?

Действительно, за окном машины появилось полуразрушенное здание в четыре или пять этажей, сейчас трудно было сказать. Было видно, что зданию неплохо досталось. Со стороны улицы дом был огорожен невысоким, не закрывавшим обзора, заборчиком. Чезаре кивнул.

– Один из центров сопротивления, – объяснил Вольфганг. – Здесь была мечеть и халяльная кафешка. Полтораэта мусульман с оружием, не считая женщин и детей, забаррикадировались в здании. Лучше бы они этого не делали – наши вызвали «Тигров»⁴⁵ из Потсдама, и те залили здание напалмом из ВАПов⁴⁶. Они думали, с ними опять нянчиться будут, но герр Райхсфюрер не фрау Меркель... да вот мы и приехали, сейчас, только развернуть...

Чезаре видел, как поменялся Вольфганг, когда говорил о гибели мусульманской общины. В нем не было злорадства, но и сочувствия тоже не было. Только гнев, немного притушенный, поскольку те, на кого он распространялся, были мертвы.

Тем временем, машина остановилась у неприметного, на первый взгляд, четырехэтажного здания. Впрочем, у здания был новенький бетонный забор, по углам которого стояли вышки с плазмаверферами. Такие же вышки стояли справа и слева от ворот.

Едва «Мерседес» с Чезаре остановился, из ворот к ней вышел мужчина в форме FSP. Мужчина, *cazzagolla* – парню едва ли было больше семнадцати, но у него на груди была нашивка участника ЕА, что придавало ему солидности, по крайней мере, в его собственных глазах.

⁴⁵ «Тигр» – устаревший немецкий ударный вертолет;

⁴⁶ ВАП – выливной авиационный прибор; предназначен для распыления напалма, отравляющих веществ и т.д.;

– Здесь запрещена остановка, – выпалил он голоском, еще не лишившимся подростковых интонаций. – Это особая охранная зона...

Чезаре ткнул ему под нос свой аусвайс, точнее, сначала, по ошибке, продемонстрировал пластиковый жетон, выданный ему на прощанье Райхсфюрером.

– Cazzarolla, не то, – спохватился он. – Сейчас, минуточку...

– Что Вы, что Вы, – возразил эфэспешник. – Что Вам угодно, альтергеноссе?

– Это ко мне, Пауль, – сказал женский голос. Чезаре обернулся, чтобы увидеть женщину, которая, не спрашивая разрешения, садилась к ним в машину.

У нее была мальчишеская фигура, что еще больше подчеркивала полицейскую униформу. Вокруг личного жетона змеился ободок из стилизованной колючей проволоки – такого Чезаре еще не видел.

У женщины были резкие, твердые черты лица. Странно, но у Чезаре язык бы не повернулся назвать ее ни красивой, ни непривлекательной. «Она какая-то потусторонняя», – подумал он. Светлые, практически белые волосы, огромные зеленые глаза, острый нос, тонкие губы, узкий подбородок – женщина напоминала чем-то хищную птицу.

Голос у незнакомки тоже был «потусторонним», казалось, она говорила откуда-то из другого места. «Так говорят призраки», – подумал Чезаре, и едва удержался, чтобы не перекреститься, тем более, что бледностью кожи, даже губ, женщина действительно напоминала призрак, и если бы не живые зеленые глаза, можно было бы подумать, что она – оживленный с помощью какой-то хитрой кибермеханики труп (говорят, в либеральных странах подобные развлечения были в чести у деградирующей золотой молодежи).

С появлением женщины Пауль поспешил удалиться, и исчез так быстро, словно выключили голограмму. Чезаре покосился на Вольфганга. Тот сидел с совершенно непроницаемым лицом, но костяшки пальцев, сжимающих руль, у него побелели.

– Я напугала Вас своим появлением? – без малейших вопросительных интонаций сказала она. – Разрешите представиться, полицейский директор Грета Штайнадлер.

– Скорее заинтересовали, – пожал плечами Чезаре. – Весьма наслышан. Как Вы понимаете, я – дон Чезаре Корразьере, а это – третий участник...

– Ну что Вы, – перебила его Грета, – с геноссе Порше мы давние друзья. Как Ваши пальцы, герр Порше?

– Спасибо, ничего, – ответил раухенгестер, но при этом искалеченные его пальцы вздрогнули, и довольно заметно.

– А про Вас, дон Корразьере, я, увы, пока только слышала, – продолжила фроляйн полицейский директор. – Я вижу, у вас накурено, не возражаете, если я добавлю копти в атмосферу салона?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.